

КОНЕЦ - ВСЕГДА НАЧАЛО

Соучастник

6 КНИГА
СЕРИИ "КРОВЬ И РОЗЫ"

КАЛЛИ ХАРТ

Заключительная часть истории Зета и Слоан!

Лэйси пропала, все разваливается на части; Слоан и Зет делают все возможное, чтобы вернуть ее. Если для этого им предстоит противостояние с Чарли Холсаном, УБН и любым кто встанет у них на пути, то так тому и быть.

Столкнувшись с душевной болью, опасностью и необходимостью защищать тех, кого он любит, Зет Мэйфейр наконец-то осознает, что значит иметь семью.

Ее страх словно замкнутый круг, Слоан должна осознать, что прощение — единственный способ двигаться вперед.

КАЛИ ХАРТ
СОУЧАСТНИК
Серия: Кровь и розы #6

Соучастник

Группа: vk.com/yourbooks12

Переводчик: Юлия Г.

Редактор: Марина П.

Вычитка и оформление: Виктория К.

Обложка: Виктория К.

□ *Специально для группы YOURBOOKS.*

ГЛАВА 1

СЛОУЭЛЛ

Глава 1

Существует множество способов, с помощью которых человеческий организм реагирует на стресс. Учащенное сердцебиение. Бессонница. Панические атаки. Затруднение при глотании. Боль в груди. Головокружение. Список бесконечен. Думаю, я испытываю каждый пункт из этого списка, пока мы с Зетом едем обратно в Вашингтон.

Умный человек бросился бы в обратном направлении. Умный человек рванул бы через весь чертов штат в гребанную Канаду, сменил бы имя, купил маленький хозяйственный магазинчик где-нибудь в глуши и молился, чтобы туда не забрели мексиканские или английские гангстеры. Но это не про нас. О, нет. Для нас это слишком благоразумно. Нет, мы едем на встречу с неким агентом УБН — женщиной, ответственной за то, что моя репутация испорчена, я не могу продолжать работу в больнице Святого Петра, и эта же женщина подстрелила мою сестру, едва не лишив ее жизни. Я не хочу видеть агента Лоуэлл, но, похоже, у меня нет выбора, учитывая, что новоиспеченный муж моей сестры мчит за нами на очень громком мотоцикле.

Клянусь, никогда не слышала настолько громкого мотоцикла. Последние сто километров мои зубы буквально вибрировали от создаваемого им шума. Ситуацию не улучшает то, что еще четыре мотоциклиста едут позади него, очевидно, контролируя происходящее. Мы едем на «Хамви» Ребела, Майкл вырубился на заднем сиденье, не обращая внимания на громогласный рев мотоциклов.

С тех пор, как мы отправились в путь на рассвете, Зет был молчалив, и мне не особо хотелось подталкивать его к разговору, хотя теперь, когда мы приближаемся к месту назначения, я чувствую, что он хочет что-то сказать. Он протягивает руку и кладет ее мне на бедро, успокаивая мои нервно подпрыгивающие колени. Я даже не осознавала этого.

— Ты ведь знаешь, что должна делать, когда мы приедем туда? — спрашивает он.

Его волосы отросли с тех пор, как много недель назад он привез Лэйси в отделение неотложной помощи. Почему-то я не могу представить себе, что он посещает парикмахера. Это слишком... чуждо для него. Словно что-то очень человеческое и необходимое не должно его затрагивать.

Очки-авиаторы скрывают его глубокие карие глаза, но я знаю, что прячется за ними: беспокойство. Гнев. Раздражение. Эти эмоции сменяли друг друга с тех пор, как Ребел объявил, что мне необходимо встретиться с агентом Лоуэлл один на один. Очевидно, что Зет не считал этот план разумным, но, с другой стороны, ни он, ни Ребел не могут явиться на

встречу, потому что их тут же арестуют.

Поэтому я стала ответственной за переговоры с УБН и от этой перспективы испытываю волнение. Отсюда и подпрыгивающие колени.

— Да, я знаю, что должна делать, — подтверждаю я. — Не отступать. Не давать ей информации, которая приведет ее к тебе. Не оставаться надолго. Когда буду уходить, должна убедиться, что за мной не следят...

— Они точно будут следить за тобой, когда будешь уходить. Ты должна убедиться, что избавилась от преследования до того, как сядешь в метро. — Зет сжимает руль с такой силой, что костяшки пальцев белеют. Он снова смотрит в лобовое стекло, его челюсть сжимается и разжимается. — Ты не должна этого делать, — рычит он себе под нос.

Он беспокоится обо мне. Он не говорит об этом, но с каждым днем этот загадочный человек все больше открывается мне, и я знаю, что он переживает из-за принятого решения. И злится из-за того, что позволяет мне сделать то, о чем просил Ребел, чтобы обезопасить мою сестру. Я больше не должна ничего для нее делать. Мне давно следовало умыть руки. Хоть и сомневаюсь, что в ближайшее время буду общаться с Алексис, но все равно не хочу, чтобы она попала в лапы Лоуэлл. Она моя сестра. Может, она и не ведет себя так по отношению ко мне, но для меня это не просто слова. Кроме того, Ребел сказал, что если мы поможем ему с Лоуэлл, то он поможет нам найти Лэйси.

Лэйси.

Мы еще не оправились от произошедшего. Я не могу взять в толк, как она могла пойти с Чарли после всего, через что он заставил пройти Зета. После того, как он попытался столкнуть мою машину с дороги. После того, как он убил ту бедную женщину на заправке, без всякой причины, просто чтобы устроить переполох.

Зет не произносит имени своей сестры.

Я знаю, каково ему.

Не могу избавиться от чувства тошноты. С Лэйс все в порядке? Она не психует? Справляется ли она, учитывая, что прошло уже сорок восемь часов с тех пор, как Чарли отвез ее к Герцогине, эта женщина находилась в плохом состоянии, она умерла? Должно быть, умерла. Оливер предполагал, что ей осталось совсем недолго, а Лэйси считала, что эта женщина ее мать. Это еще больше нарушит ее психику.

— Слоан? Ты слушаешь? Как ты собираешься выбраться оттуда?

Хриплый голос Зета прерывает мои мысли, требуя сосредоточиться.

— Через 458. Я выйду у университета и сделаю пересадку. Встречусь с вами, парни, у «Фреско», а затем мы сваливаем оттуда.

Зет ворчит себе под нос, пожевывая нижней губу. Я не видела, чтобы он делал что-то подобное раньше. Он так напряжен, что у меня начинает болеть голова.

— И что ты собираешься ей сказать? — спрашивает он. — Что ты собираешься сказать Лоуэлл?

В очередной раз проигрываю в голове сценарий, проверяя, все ли запомнила. Это несложно, потому что Ребел хочет, чтобы я сказала правду.

— Я не знаю, где находится моя сестра. Ребел ожидает в безопасном месте гарантий от УБН, и только после этого он будет в их распоряжении. Я должна получить документы, включающие постановление судьи окружного суда, снимающие с тебя, Майкла и меня все обвинения, а затем скажу ей, где он находится.

Зет выдыхает через нос и резко кивает.

— Чертовски глупая идея, — говорит он себе под нос. Я тоже думаю, что это чертовски глупая идея, но у нас нет вариантов. — Просто убедись, что справишься с этим, хорошо? — говорит Зет вполголоса.

Приподнимаю бровь и смотрю на него, чувствуя себя непобедимой.

— Что? Ты волнуешься?

Я дразню его, хотя и не должна. Он косится в мою сторону.

— Я волнуюсь? — Он тихо смеется, и это не веселый смех, а страдальческий. — Я, бл*дь, обделался от страха, Слоан. Нет никаких гарантий, что эта сука не арестует тебя и не использует, как рычаг давления. Она умна. Она знает, что, если ты окажешься в ее лапах, у нее будет огромный козырь.

— Да, но ты же не дурак. Ты не помчишься спасать меня. Не сдашься, если она сделает что-то подобное. Это бессмысленно, она просто арестует меня. — Машина погружается в тишину, я слышу только собственное сердцебиение в ушах. Зет снова сжимает челюсть, и меня охватывает тошнотворное чувство. — Зет? Ты так не поступишь, — говорю я.

Он и глазом не повел.

— Да неужели?

Я поворачиваюсь, борясь с ремнем безопасности, пытаюсь встретиться с ним взглядом.

— Конечно, нет. Сомневаюсь, что Лоуэлл собирается провернуть что-то подобное. Она знает, что не заполучит Ребела, если сделает это. В любом случае, если все пойдет наперекосяк, вы с Майклом должны отправиться на поиски Лэйси. Вот чем вы должны заняться. Ты не пожертвуешь собой только для того, чтобы освободить меня. Я могу выдержать пару ночей в камере. А вот Лэйс не сможет справиться. — Зет издает сдавленный звук, я сжимаю кулак и бью ею по его руке. — Ты думаешь, я не смогу выдержать несколько ночей в тюремной камере? Смогу. И выдержу, если придется.

Зет снимает очки, чтобы посмотреть мне в глаза. Я вижу гнев, который он пытается преодолеть.

— Тебе никогда не придется проводить ночь в камере из-за меня, Слоан. Никогда. Я умру, но не позволю этому случиться.

Он разочарованно выдыхает и снова смотрит в окно. Мой желудок бурлит, словно он наполнен аккумуляторной кислотой. Чувствую себя идиоткой. Зет был в тюрьме. Он провел бесчисленное количество ночей в камере, возможно, запертый с законченными психами, не имея возможности выбраться. Он знает, что значит быть запертым, как это ужасно, а я сижу и насмехаюсь над этим. Делаю вид, что смогу справиться, если такое произойдет, хотя искренне сомневаюсь, что смогу.

— Прости, — шепчу. — Я не подумала.

Зет ничего не отвечает. Ведет машину, смотрит вперед, татуированные предплечья напряжены. А затем он делает вдох и говорит то, что разбивает мне сердце.

— Я хочу сделать тебя счастливой, Слоан. Хочу, чтобы ты была в безопасности. Ты не заслуживаешь такой жизни. Ты не должна рисковать свободой, чтобы найти мою сестру и помочь Ребелу — ты не должна думать об этом. Поэтому, если Лоуэлл арестует тебя, первое, что я сделаю, это сдамся. И Ребел тоже. Я выдам любого, кого она захочет, в то же мгновение. Потому что ни за что не допущу, чтобы ты подвергалась опасности, чтобы тебя заперли с проститутками и наркоманами, поэтому сделаю все возможное, чтобы предотвратить это. Не позволю этого ни на минуту, Слоан. Ни на одну гребанную секунду.

Не знаю, что на это ответить. Это безумие, что он так поступил, но не это причина

моего ошеломления. Я потрясена страстью в его голосе. Решимостью в глазах. Он никогда раньше не говорил со мной подобным образом. «Я хочу сделать тебя счастливой, Слоан. Хочу, чтобы ты была в безопасности».

Неважно, что я призналась ему в любви, а он не ответил. Важен этот момент. Это заявление — все, что мне необходимо услышать, чтобы понять, что я не выжила из ума, веря в него все это время. Полтора месяца назад я бы не подумала, что он произнесет эти слова. Даже представить себе этого не могла. Зету присуща нежность, которую он наконец-то показал мне, и каждый раз, когда я мимолетно ощущаю это, понимаю, что влюбляюсь еще сильнее.

Авиаторы остались на приборной панели, куда их бросил Зет. Он косится в мою сторону, и на его губах появляется легкая, осторожная улыбка.

— Скажи, что ты справишься с этим, — говорит он. — Мне нужно услышать, как ты это скажешь.

— Ты имеешь в виду Лоуэлл? — спрашиваю я, хотя знаю, что он имеет в виду не это. Он моргает, и его улыбка исчезает. Я тянусь и беру его правую руку, находящуюся на руле, в свою. Это смелый шаг — мы еще не дошли до стадии прикосновения друг к другу вне секса. Но я готова к этому. Я хочу этого. Не знаю, как он относится к таким прикосновениям — пока он не переплетает свои пальцы с моими и крепко сжимает мою руку. Меня охватывает облегчение. Сейчас все, каждая незначительная деталь, каждое тщательно продуманное слово — словно эксперимент. Эксперимент, который может иметь ошеломляющий успех, либо быть полным провалом. — Я справлюсь с этим, — отвечаю, стараясь смотреть ему в глаза. — Я могу и выдержу все, чтобы ни потребовалось для решения наших проблем, Зет. Я сильнее, чем выгляжу.

Он слегка покачивает головой, едва заметная улыбка приподнимает уголок его рта. Он смотрит на меня, словно заглядывает мне в душу, от его взгляда мое сердце трепещет от счастья. Он подносит наши руки к своему рту и нежно целует мое запястье.

— Неважно, как ты выглядишь, Слоан. Ты самый сильный человек, которого я знаю.

Зет останавливает машину у входа в торговый центр «Marlewood», не обращая внимания на гудки разъяренных автомобилистов, которым приходится перестраиваться на другую полосу, чтобы объехать «Хамви». Майкл не просыпается. Этот человек спит как убитый.

Я хватаю свою сумочку — ту, которую мне каким-то образом удалось сохранить на протяжении всего этого безумия, — собираюсь открыть дверь. Зет хватает меня за запястье и крепко прижимает к себе.

— Подожди.

Я не собиралась делать из мухи слона, покидая машину. Прощаться, пусть даже на

несколько часов, если все пойдет по плану, казалось плохой идеей. Больше напряжения. Дополнительный стресс ко всему прочему. Но вижу нерешительность в глазах Зета. Он колеблется, а затем нерешительность превращается в решимость. Он наклоняется через сиденье и осторожно обхватывает ладонью мою щеку.

— Не делай глупостей, — бормочет он. — Не заставляй меня приходиться за тобой, хорошо?

Я киваю, Зет сокращает оставшееся расстояние между нами. И целует меня. Целует Меня. Пока жива, пока мы вместе, не смогу спокойно реагировать на поцелуй этого мужчины. Никогда. Я так долго ждала первого поцелуя, что теперь ценю каждый раз, когда он тянется ко мне и прижимается своими губами к моим. Его рот горячий и требовательный. Он отпускает мое запястье и обхватывает мое лицо обеими руками. Его дыхание прерывистое и учащенное, но не потому, что его возбудил поцелуй. Это не такой поцелуй. Это потому, что он очень переживает.

Когда он отпускает меня, я испытываю сильнейшие сомнения. Мы не должны этого делать. Мы должны бросить Ребела и отправиться в горы. Знаю, что Зет думает, что мы не будем в безопасности до тех пор, пока Чарли не уберется с нашего пути — я отказываюсь признавать тот факт, что, по его мнению, старик должен быть мертв, — но, если мы изменим имена и купим фальшивые документы, насколько трудно будет убежать и спрятаться? Реальность того, что означает бегство, проносится в моей голове, когда я начинаю задумываться об этом. Мы будем вынуждены постоянно переезжать. Заниматься черной работой. Не найдем Лэйси. У нас не будет возможности пустить корни.

Я не смогу быть врачом.

Возможно, уже слишком поздно, но мысль об этом до сих пор лежит на мне тяжелым грузом. Черт. Когда я снова сосредотачиваюсь на Зете, его лоб прижат к моему, и он пристально смотрит на меня, вижу, как те же мысли пронесаются в его голове. Он знает, что у нас нет другого выхода. И, кроме того, он не из тех, кто будет от чего-то бежать.

— Ты должна идти, — шепчет он.

Словно в подтверждение этого факта, раздается резкий стук в пассажирское окно «Хамви». Гребанный Ребел. На его лице мрачное и явно нетерпеливое выражение. Хочу кастрировать этого мужчину. Зет отпускает меня, и я быстро вылезаю из машины. Не оглядываюсь. Не могу. По какой-то ужасающей причине мне кажется, что я только что попрощалась с Зетом и не увижу его очень-очень долго.

— Отличный способ остаться незамеченными, перекрыв полосу движения возле того места, где ты должна присутствовать на тайной встрече, — говорит Ребел.

— Ты хочешь, чтобы я это сделала или как? — огрызаюсь я.

— Просто говорю. Возьми. — Он тянется в карман своих черных джинсов и достает флешку, передает ее мне, используя обе руки, чтобы сжать мои пальцы в кулак вокруг предмета, словно он священен. — Не потеряй ее. Она защищена паролем.

— Какой пароль?

— Аккордеон, — медленно произносит он, словно это слово имеет для него особое значение.

Моя грудь болезненно сжимается, когда «Хамви» отъезжает и исчезает из виду. Я кладу флешку в сумочку, хмуро глядя на Ребела.

— Где твой мотоцикл? И твоя свита?

Других «Вдоводелов» нигде не видно.

— Спрятались у всех на виду. Помни, что ты не должна говорить ей, где меня найти до тех пор, пока не получишь документы, и не давай пароль от флешки, пока она не выполнит свою часть сделки.

— Ладно. Хорошо. — Я поворачиваюсь и направляюсь в торговый центр — с меня хватит разговоров на эту тему. Хочу покончить с этим, но Ребел останавливает меня, обхватив рукой за плечо.

— Слоан, ты должна встретиться со своей сестрой. Пожалуйста. Как только получишь бумаги, ты должна отправиться в Нью-Мексико. Она ждет тебя. И она не... она не простит меня, если я не вернусь.

Мне хочется сказать ему, что в данный момент мне наплевать на Алексис, но думаю, это не поможет ситуации. Он начнет спорить, а я опаздываю на встречу.

— Хорошо. Дерьмо. — Провожу руками по лицу, пытаюсь сохранить спокойствие. — Встречусь с ней. Но не я должна исправлять твою хрень с отношениями, Ребел. И что это вообще за имя такое — Ребел?

«Вдоводел» бросает на меня взгляд — совсем не тот, который можно ожидать от человека, собирающегося добровольно сдать УБН.

— Чтобы позлить отца, — отвечает он. — Скажи Софи, что я скоро буду дома.

А затем он поворачивается и трусцой бежит вверх по улице.

Я остаюсь одна.

Я так давно не оставалась одна, что осознание этого шокирует. Никто не наблюдает за мной. Никто не охраняет меня, оберегая от беды. И никто не помешает уйти. Руки и ноги покалывает словно иголками. Могу сделать это. Могу уйти. Но меня словно парализует. Словно мое тело оповещает, что это не вариант. Seriously, я бы не смогла, даже если бы попыталась. Мужчина, в которого я влюблена, всегда будет притягивать меня словно магнит. Я вхожу в торговый центр и понимаю, что что-то не так. Думаю, это инстинкт самосохранения.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти ресторанный дворик. Он находится на три уровня ниже, на цокольном этаже, но Зет посоветовал мне отправиться туда длинным путем, используя как можно больше эскалаторов, чтобы я могла осмотреть местность. Запомнить расположение всех выходов. Наметить, в какую сторону идти, если понадобится быстро покинуть торговый центр. Хотя это пустая трата времени. Если агент Лоуэлл захочет взять меня под стражу, это не составит для нее труда.

В пять минут первого я добираюсь до ресторанный дворика — места, где запланирована наша встреча. Ребел, по крайней мере, с умом выбрал место и время встречи. Обеденное время — полчища людей, стоящих в очереди, желая перекусить, создают стену, через которую легко проскользнуть незамеченным. Лоуэлл уже сидит за столиком в центре ресторанный дворика, уставившись в светящийся экран мобильного телефона. Я спешу сквозь шумную толпу людей и прежде, чем успеваю передумать и сбежать, быстро сажусь по другую сторону стола.

Агент Лоуэлл не поднимает глаз от телефона. Ее пальцы быстро двигаются по сенсорному экрану, набирая текст.

— Ты опоздала, — сообщает она мне.

— Знаю.

— Это говорит о том, что на вас нельзя положиться, доктор Ромера. Как я могу доверять такому человеку?

Я не могу сдерживать смех.

— Ты мне не доверяешь. Ты, наверняка даже и не знала, появлюсь ли я.

Лицо Лоуэлл расплывается в снисходительной, противной улыбочке. Она откладывает в сторону мобильный телефон и наконец-то смотрит на меня.

— А если предположить, что ты права? Я не доверяю тебе, а ты не доверяешь мне. Что же будем делать дальше?

Я пожимаю плечами, одаривая ее холодной, неприятной улыбкой.

— Думаю, мы полагаемся на извечный принцип спроса и предложения. Тебе нужна информация, которой я обладаю. Я хочу что-то взамен. На самом деле все очень просто.

Агент Лоуэлл надувает губы, проводя рукой по своим аккуратно уложенным волосам. Интересно, как эта сцена выглядит со стороны для семей, друзей и коллег, сидящих за столиками вокруг нас и быстро поглощающих свой обед? Неужели мы с агентом Лоуэлл выглядим как две подружки, встретившиеся за обедом? Или люди чувствуют враждебность, исходящую от нас, омрачающую воздух, словно гниль?

— Они оба нужны мне, — говорит Лоуэлл, ее глаза пусты. На самом деле, она выглядит скучающей. Однако под глазами у нее темные круги, и я знаю, что ее беззаботное поведение — это все притворство. — Если я не получу их, Ребела и твою сестру, тогда у нас не будет сделки.

Вчера мы договорились по телефону, и я предполагала, что она передумает и потребует больше того, о чем мы договаривались. Я готова к этому.

— У меня в наличии только «Вдоводел». Если этого недостаточно, то можешь забыть о нашей договоренности. — Прищуриваясь, смотрю на нее. — Неужели ты согласишься, если я скажу, где она? Неужели думаешь, что я сдам собственную сестру?

— Ходят слухи, что в последнее время ты не особо ладишь с малышкой Алексис, — говорит Лоуэлл. Она возится с черствым на вид сэндвичем с салатом, лежащем на тарелке перед ней, рассеянно разрывая его на части. — Возможно, тебе надоело защищать ее.

Я качаю головой. Агент Лоуэлл вздыхает, отодвигая тарелку с сэндвичем.

— Хорошо. Значит, Ребел за возможность начать все с чистого листа. Скажи, где он.

— Сначала документы.

Лоуэлл смотрит на меня с отвращением. Женщина на самом деле довольно привлекательна, но ее недовольство жизнью оставило на лице несколько глубоких морщин, из-за чего она выглядит несчастной.

— Чтобы получить такие бумаги, нужно время, доктор Ромера. К тому же сейчас выходные. Я не могу заявиться к судье Гольдштейну и начать выдвигать требования. Сегодня у его дочери бат-мицва (*прим. пер.: Бат-мицва (буквально «дочь заповеди») — достижение еврейского совершеннолетия девушками в возрасте 12 лет*). Я не смогу получить его подпись до понедельника.

Я готова и к этой отговорке.

— Мы можем договориться о встрече, когда у тебя будет все готово. Хотя не могу гарантировать, что Ребел все еще будет там, где он сейчас. Ты же знаешь байкеров. — Я одариваю ее неискренней улыбкой. — Они предпочитают не задерживаться надолго на одном месте.

Рот Лоуэлл кривится в кислой гримасе.

— Раз уж нам удалось встретиться, может, мы немного поболтаем, а? Есть пара вещей, о которых, уверена, ты не догадываешься, и которые могут изменить твоё отношение к

происходящему.

Она наклоняется вбок и достает из сумочки Louis Vuitton манильскую папку (*прим. пер.: Манильская папка (иногда манила) — это папка для файлов, предназначенная для хранения документов, фотографий*). В кино манильские папки никогда не предвещало ничего хорошего. Сомневаюсь, что в моем случае будет по-другому.

— Мне нет дела до того, что ты хочешь мне показать, Дэниз, — огрызаюсь я, прижимая руку к конверту, чтобы она не смогла его открыть. — Мне это не интересно. Все, что меня интересует, — документы, и на этом наше дело закончено.

Лоуэлл вырывает конверт из-под моей руки и вскрывает его. Она выкладывает передо мной фотографию.

— Это Рэй Питерсон, — говорит она, постукивая ногтем по широко раскрытым глазам мертвеца, смотрящего на меня с фотографии. Фотография цветная, поэтому нетрудно заметить лужу крови, в которой он лежит. Я опираюсь на столешницу и смотрю вперед, чтобы получше рассмотреть фотографию. Лоуэлл кажется разочарованной. Возможно, она ожидала, что меня стошнит или что-то в этом роде. Подобная тактика, возможно, сработала бы с кем-то, кто не провел последние два года в травматологическом отделении больницы скорой помощи, но поскольку я была свидетелем огромного количества расчлененных частей тела и внутренних органов, которые, откровенно говоря, никогда не должны были увидеть свет, все, чего агент Лоуэлл смогла добилась от меня, — поднятая бровь.

— К чему ты клонишь?

— Работодатель твоего парня поссорился с Рэем Питерсоном в августе прошлого года, и после этого бедняге Рэю разнесли затылок. Вы ведете себя очень круто, доктор Ромера. Вас это устраивает?

Она достает еще одну фотографию, на этот раз на ней четко видна зияющая рана на голове Рэя. Я смотрю на него, затем бросаю мрачный взгляд на Лоуэлл.

— Мне известно, что Чарли Холсан — мудака. Ты намекаешь, что Зет убил этого человека?

— Да.

— Какие у тебя доказательства?

— Еще несколько месяцев назад Зет был палачом Холсана. Кто еще это мог быть?

Я фыркаю, подталкивая фотографии обратно через стол к ней.

— По этой логике в вашем управлении осуждают преступников, агент Лоуэлл? Потому что если это так, то я серьезно обеспокоена состоянием судебной системы Соединенных Штатов.

— Так и должно быть, — огрызнулась она. — Возможно, если бы это было так, то такие люди, как Ребел и Зет, не смогли бы безнаказанно сеять хаос. Люди не похищали бы девушек, таких, как Алексис, прямо с улицы. Вот. — Она достает пачку фотографий — не менее двадцати — и раскладывает их передо мной. — Этих людей убили по приказу Чарли Холсана. Если твой дружок не убил хотя бы половину из них, то я испражняюсь радугой, Слоан. После всех наших встреч я произвожу впечатление человека, который может заниматься чем-то подобным?

Мой пульс учащается — передо мной множество фотографий, на которых изображены изуродованные и мертвые тела бесчисленных мужчин, — я знаю, что она делает. Это же чертовски очевидно. Если она сможет переубедить меня заставить понять, насколько опасен человек, с которым я связалась, тогда ее работа станет намного проще. Какое разочарование,

что это не новость для меня.

Я знаю, что Зет и раньше причинял людям боль.

Знаю, что Зет убивал людей.

Знаю, что он делал ужасные вещи.

Знаю, что он считает себя монстром.

Но также я знаю его.

Нет оправдания лишению жизни другого человека. Я знаю это. Поддерживаю это и твердо в это верю. Но Зет убивал врагов Чарли не потому, что ему этого хотелось и определенно не потому, что ему это нравилось. Он делал это, потому что был одинок. Он делал это, потому что с самого рождения его окружало насилие, и он не знал ничего другого. Делал это, потому что Чарли Холсан был человеком, на которого он равнялся в детстве. Чарли Холсан был для Зета образцом для подражания. Он делал это, потому что Чарли Холсан приказал ему это сделать.

И несмотря на все это, несмотря на жестокость в прошлом и воспитание, в нем все еще живет доброта. Он защищал меня. Боролся за меня. Нашел мою сестру и прошел со мной через многое. Он больше не одинок. И я точно знаю, что Зет больше никогда никого не убьет. Только если это потребуется для моей защиты.

— У этого человека скверный характер, — продолжает Лоуэлл, тыча пальцем в фотографии. — Что, если в следующий раз это будет не какой-нибудь заказ, а, Слоан? Что, если в следующий раз он приставит пистолет к твоей голове?

Ух ты. Черта с два. Все. С меня хватит. Я встаю так быстро, что дешевый пластиковый стул, на котором сидела, опрокидывается. Кажется, окружающие нас люди перестали есть, пить, разговаривать, смеяться и уставились на меня.

— Ты не знаешь его. Очевидно, тебе мало что известно об этом человеке.

Лоуэлл поднимает руки.

— Прости. Прости, Слоан. Просто сядь, хорошо? Сядь обратно. Мы еще не закончили.

— А я думаю, закончили.

Затем я пробираюсь сквозь толпу, расталкивая людей, пытаюсь выбраться наружу. Она не собиралась получать у судьи бумаги. Она пришла сюда, чтобы убедить меня сдать Зета и ничего больше. Я в бешенстве. У меня нет с собой телефона. Ребел настояла на этом, просто на случай, если за мной наблюдают и, ну не знаю, что меня могут подслушать, но в данный момент мечтаю, чтобы у меня был телефон. Я хочу позвонить Зету. Хочу поговорить с Зетом. Хочу найти его и убраться отсюда к чертовой матери.

Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, следует ли за мной Лоуэлл, знаю, что да. Знаю, что среди толпы, наблюдающей за мной, будут и другие агенты. Но это неважно. Пробираюсь вслепую, моя единственная цель — найти выход. Я бегу вверх по эскалатору, проталкиваясь мимо людей, полная решимости пройти мимо, и...

Я останавливаюсь.

Что за херня?

Поднявшись на верхнюю ступеньку эскалатора, протискиваясь мимо человека, преграждающего мне путь, и только потом обнаруживаю, что он мне знаком. Это мой отец.

— Здравствуй, Слоан.

Я оступаю на движущейся дорожке, прижимаясь руками к его груди, ладони оказываются на коричневой замшевой куртке, которую я подарила ему на прошлое Рождество. Он грустно улыбается, глядя на меня, и понимаю, что сейчас мне разобьют

сердце.

— Если у тебя есть минутка, — мягко говорит он, убирая за ухо выбившуюся из моего хвоста прядь волос, — думаю, нам стоит поговорить.

ГЛАВА 2

ЗЕТ

Глава 2

Не знаю, что делать. Для меня это все в новинку. Майкл тоже вряд ли поможет в этой ситуации. С тех пор как мы приехали в кофейню «Fresco's Coffee House», он только и делает, что сидит, сохраняя спокойствие, пьет маккиато за маккиато и читает «The Seattle Times».

Я чувствую, что сейчас взорвусь нахрен.

— Ты собираешься и дальше так сильно сотрясаться, пока мы ждем? Может, мне пересесть за другой столик? — спрашивает Майкл.

— Иди и сядь за другой гребанный столик, — рычу я. — Очень на это надеюсь.

Майкл складывает газету пополам и кладет ее на стол, устремив на меня равнодушный взгляд.

— Хочешь, чтобы я сделал пару звонков? Мне выяснить, знает ли кто-нибудь что-нибудь о Чарли?

— Будь полезен.

Я веду себя как настоящий мудака, но ничего не могу с собой поделать. Не могу сидеть спокойно. Майкл прав — я буквально вибрирую на месте, дергаясь каждый раз, когда гребанный звонок на двери дребезжит и кто-то, спойлер: не Слоан, входит. Майкл достает телефон и набирает номер. Я смотрю в потолок, откинув голову назад, пытаюсь не слететь с катушек.

Понятия не имею, кто этот человек, в которого я превратился, но, честно говоря, немного его боюсь. Прежний «я» боролся с этим новым парнем, и должен сказать, что этот новый ублюдок побеждает уравновешенную, спокойную, собранную версию меня прежнего.

Полагаю, некоторые люди могут считать это прогрессом. Но в данный момент не знаю, что думать. Единственная правда — чертовски волнуюсь и чувствую себя ужасно.

— Да, да, приятель, понимаю. Без проблем. Я ценю это. Спасибо. — Майкл завершает звонок, пожимая плечами. Его костюм не помялся после трехчасового сна на заднем сиденье чудовищного автомобиля. Мне хочется встряхнуть его. — Трей и Вест всю неделю ничего не слышали о Чарли. И они ничего не слышали о разборках в квартире, так что они либо врут, либо с понедельника не высовывают голову из задницы. Сказали, что дадут знать, если что-то узнают, но я больше чем уверен, что они не собираются этого делать.

Бл*дь. Я хмуро смотрю на мобильный телефон Майкла, лежащий поверх газеты, словно только он виноват в отсутствии каких-либо стоящих зацепок. Но все дело в том, что люди не

любят говорить о Чарли. Это плохая примета. Стоит произнести имя этого ублюдка, и он появляется. Устраивает хаос, где бы он, бл*дь, ни был. Преступные личности, к которым Майкл обращается за информацией, знают, что лучше не вспоминать имя Чарли Холсана, не говоря уже о том, чтобы доносить на него.

— Нам нужно набраться терпения, Зи. Чарли вряд ли можно назвать отцом года. Лэйси быстро сообразит, что к чему, и сбежит при первой же возможности. Она знает, как с тобой связаться, верно?

— Да. Точно.

Последний одноразовый телефон, который был у меня до исчезновения Лэйс, до сих пор находится в кармане моих джинсов, словно бомба замедленного действия. Ни у кого нет номера, кроме Слоан, Лэйси, Майкла и Ребела, но по какой-то причине не чувствую себя в безопасности. Если бы не Лэйси, я бы избавился от этой штуки несколько дней назад.

Вынимаю телефон и бросаю на газету рядом с аппаратом Майкла. Через секунду мое сердце едва не выпрыгивает из груди, когда раздается звонок, словно гребанный клаксон. Я думаю, это мой. На одну долгую секунду меня охватывает ужас — Слоан или Лэйси. В любом случае, это могут быть плохие новости. Ужасные новости. Но звонит не мой телефон — Майкла.

Он поднимает трубку и смотрит на определитель номера.

— Ребел. — Переводит взгляд на меня, хмурясь. Отвечает на звонок. — Говори, — выдавливает он тихим голосом.

Я наблюдаю, как самообладание Майкла распадается на фрагменты и полностью разрушается в течение следующих семи секунд.

— Что значит, она убежала?

Этих слов достаточно, чтобы я перегнулся через стол и выхватил телефон из рук Майкла.

— Она сбежала?

Я чувствую, как мое сердце бьется в чертовых висках.

— Я попросил одного из парней присмотреть за ней. Она посидела с этой сукой из УБН пять минут, посмотрела фотографии, а потом убежала. Ее остановил какой-то старик, а затем налетели эти гребанные люди в черном и схватили ее.

— Они ее арестовали? — Я, бл*дь, знал, что это плохая идея. Мои руки начинают трястись от ярости. — Если у нее будут проблемы, клянусь богом, я с тебя живьем шкуру спущу, ублюдок.

Ребел ворчит в трубку. Именно такой звук я бы издал, если бы угождал кому-то, кого не стоит злить.

— Ее не заковали в наручники. Она обняла старика. Ее определенно не арестовывали, придурок, так что успокойся, бл*дь.

— Успокойся, бл*дь? Хорошо, я, бл*дь, успокоюсь, когда ты скажешь, где находится моя девушка.

Слово «девушка» срывается с языка еще до того, как я успеваю его переосмыслить. Впрочем, никаких сомнений и быть не может. Слоан — моя девушка. Она больше, чем просто девушка.

— Очевидно, мне неизвестно точно, где она. Иначе бы я вам не звонил. Есть идеи, кто этот старик?

Я борюсь с желанием пробить стену кулаком.

— У него седые волосы? Худой? Легкий загар?

Голос Ребела звучит отдаленно, он разговаривает с парнем, который, должно быть, дежурил в ресторанном дворике торгового центра. А затем:

— Да, точно. Мужик в возрасте.

Да, безусловно, я не совсем уверен, но это лучше, чем ничего. Старик — отец Слоан. Должен быть он. Доктор и миссис Ромеро, наверняка, преждевременно вернулись из поездки, в которую их отправила Слоан. Предполагалось, что они не будут вмешиваться в происходящее, но теперь, похоже, отец Слоан оказался в самом центре событий. Не ожидал такого развития событий. Дерьмо.

— Ладно, что ж... Бл*дь. Полагаю, мне следует позвонить ее маме.

Полагаю, мне следует позвонить ее маме. Абсурд. Кто я, бл*дь, такой? Майкл смотрит на меня, так словно думает точно так же. В трубке раздается смех Ребела.

— Если хочешь, чувак. Только, чтобы ты ни делал, не облажайся ради меня.

— Мне насрать на тебя и на твои мольбы, ублюдок, — огрызаюсь я. — Ты ходишь по тонкому льду. Ты отправляешься спасать какую-то девчонку, хотя женат на Алексис? Думаешь, Слоан не слетит с катушек из-за этого? Почему бы тебе не...

Я замираю. Ребел что-то говорит, но я не обращаю внимания. Мой взгляд прикован к газете, которая все еще сложена пополам и лежит на столе между мной и Майклом.

Не сразу врубаюсь, что передо мной — черные символы, блок сплошных чернил среди тысяч слов, напечатанных на широком листе. Простая геральдическая лилия (*прим. пер.: Геральдическая лилия, также королевская (бурбонская) лилия или флер-де-лис; «цветок лилии», не садовой, а водяной, — гербовая фигура, одна из самых популярных, наряду с крестом, орлом и львом. Относится к числу негеральдических естественных фигур. Встречается на цилиндрических печатях Месопотамии, на древнеегипетских барельефах и микенской керамике, на монетах галлов и сасанидских тканях, на одеяниях индейцев и в японской геральдике. Символическое значение изображения не однозначно в разных культурах: оно почиталось как знак чистоты (целомудрия) или плодородия, а также служило знаком отличия правящих монархов.*), возможно, не привлечет внимания многих людей в этом городе, но определенная аудитория реагирует соответствующим образом, когда видит ее в газете. Или на стене здания. Или, как в моем случае, в виде татуировки.

Долбаный Чарли.

Я хватаю газету и разворачиваю ее, и, конечно, это он. Наглый ублюдок.

ГЕРЦОГИНЯ.

Любимая супруга и мать.

Твоя утрата слишком тяжела для нас.

Покинула этот мир в пятницу утром во сне.

Похороны состоятся в Католической церкви Святого Финнегана

Воскресенье, 19 октября в 11 часов утра.

Поминки состоятся в Хант Пойнт.

Приглашаем вас принять участие в мероприятии.

Я смотрю на верхнюю часть страницы — раздел некрологов. Так вот оно что: Герцогиня умерла. Мой желудок сжался от этой информации. Я знал, что это произойдет, но все же... эта женщина когда-то заботилась обо мне, а я, по-своему, заботился о ней. Отбрасываю газету, тыча указательным пальцем в лилию, которую Чарли использует в качестве своего семейного герба. Майкл хмурится, глядя на газету, видит, на что я указываю, и его лицо

омрачается.

— Эй? Эй, ты слушаешь? Зет!

Из моего телефона раздается крик. Вернее, Ребел орет на меня.

— Что?

— Не беспокойся о Слоан. Я найду ее, хорошо?

— Ребел, я бы не доверил тебе поиски моей девочки, даже если бы ты был последним еб*ным мужиком на свете.

Я завершил звонок. Не хочу слышать больше ни слова из его уст.

Все время забываю, что Майкл — кузен этого засранца. Он изгибает бровь, глядя на меня, уголки его губ приподнимаются.

— Не фанат, да?

— Не особо. Извини.

— Не стоит извиняться. К нему нужно привыкнуть. — Майкл вздыхает, проводя руками по передней части своего пиджака. — Ладно, так какой план? Ты собираешься сдать на милость агенту УБН или как? Слоан запретила.

Я встаю, злобно глядя на него.

— Невежливо притворяться спящим, когда люди ведут приватный разговор.

— Нет, это не так. А целоваться в засос, когда с тобой в машине на заднем сиденье застрял человек? Вот это невежливо.

Я еле сдерживаюсь. Мы покидаем «Fresco's», но перед этим Майкл возвращает свой стакан с макиато баристе и сообщает, что его кофе плохой. На самом деле, очень плохой. Бариста выглядит так, будто готов наложить в штаны.

Когда мы выходим на улицу, город необычайно тих, словно затаил дыхание в ожидании приближающейся бури. В каком-то смысле так и есть. Именно сейчас Слоан могут допрашивать, удерживать против ее воли. Меня это не устраивает. Если я не верну ее в течение часа, на Сиэтл обрушится сильнейший ураган за всю историю существования. И этим ураганом буду я. Без разговоров Майкл отдает мне ключи от «Хамви» Ребела.

Он забирается на пассажирское сиденье, надевая мои авиаторы.

— Что будем делать?

— Мы, мой друг, собираемся обеспечить себе чертовы гарантии.

Майкл похлопывает по приборной панели, ухмыляясь.

— Звучит как план.

— И, Майкл?

— Да?

— Как только Слоан вернется... мне нужен будет костюм.

ГЛАВА 3
СЛОАН

Глава 3

В последний раз я видела папин универсал, обшитый деревянными панелями, в зеркале заднего вида машины, когда мы убегали. Не думала, что нам удастся забрать его из комплекса Хулио, и все же, сейчас я сижу на переднем пассажирском сиденье и слушаю слишком знакомое захлебывание и скрежет этой чертовой штуки, когда мы выезжаем из города.

— Итак, с чего нам следует начать, как думаешь? — спрашивает папа, его руки находятся в правильном положении на руле — на десять и два часа.

На мою грудь словно давит тяжелый груз, затрудняя дыхание. У меня дрожат руки. Я в такой ярости, что едва могу спокойно сидеть.

— Может, с самого начала? Например, как ты начал сотрудничать с УБН, папа? Ты все это время знал, верно? Тебе было известно, что Алексис жива, и ты молчал. Вот почему ты так странно отреагировал, когда я заявилась домой, заявив вам с мамой, что нашла ее. Боже!

— Слоан.

— Что, папа? Не упоминать имя Господа всеу? Что, черт возьми, я должна еще сказать? Ты лгал нам. Лгал нам годами. — Я упираюсь локтями в колени, наклоняюсь вперед, пытаюсь успокоиться. Бесполезно. Не могу в это поверить. — Ты даже не отрицаешь этого, — шепчу я. — Ты не сказал, что я не права.

Я буквально ощущаю его раскаяние. Как и Зет, папа не умел лгать.

— Мне жаль, милая. Правда. Но было необходимо, чтобы ты не знала, где находится Алексис.

— А мама? Было ли так необходимо, скрывать от нее, где ее долбаная дочь? Она думала, что ее дочь умерла, папа!

— Знаю, Слоан. Знаю. Но ты должна понять, я сделал то, что должен был. Так было необходимо. Это было не навсегда.

Я выпрямляюсь, пытаюсь заглянуть ему в глаза — человеку, которого уважала всю жизнь. Человеку, по чьим стопам хотела пойти с самого детства. Человеку, который учил меня любви, справедливости и честности. Меня начинает тошнить, и я понимаю, что сейчас произойдет что-то ужасное.

— О, нет. Папа, остановись.

— Что такое?

— Папа, просто останови чертову машину!

Он направляет универсал на обочину, как раз вовремя, чтобы я успела открыть дверь и расстаться с содержимым своего желудка. Меня рвет так сильно, что глаза застилают слезы. Папа кладет руку мне на спину и поглаживает вверх-вниз, как он делал, когда я болела в детстве. Мне не становится легче. Мне становится еще хуже.

Я слышу, как позади нас останавливается машина, хруст шагов по гравию на обочине дороги, а затем глубокий голос говорит:

— Мы не можем здесь оставаться. Она может поблеть по пути в местное отделение.

Мне незнаком этот голос, но я уже ненавижу его. Смахнув слезы с глаз, смотрю в лицо самому высокому парню, которого когда-либо видела. Его внедорожник припаркован за нами, пассажирская дверь все еще распахнута. Лоуэлл сидит за рулем и смотрит на меня бесстрастным, незаинтересованным взглядом. Точно такой же был у нее, когда она показывала мне многочисленные тела мужчин, которых, по ее словам, убил Зет. Я

отмахиваюсь от нее, а затем сплевываю на землю, избавляясь от мерзкого привкуса рвоты.

— Скажи своей начальнице, что она может идти на х*й, — сообщаю я гиганту передо мной. Закидываю ноги обратно в машину, а затем хлопаю дверью с такой силой, что вся машина содрогается.

— Ты не знаешь правды, милая. Думаю, как только я все объясню, ты поймешь, — мягко говорит папа.

Если он так думает, то его ждет разочарование.

— Мне сейчас наплевать на правду, папа. Уже слишком поздно. И ты, и Алексис полностью предали мое доверие. Вы разрушили все. Я... я не хочу ничего слышать.

Позади нас раздается автомобильный гудок — Лоуэлл ворчит из-за того, что мы не двигаемся. Отец включает передачу и выезжает на дорогу. Очевидно, мы направляемся в местный офис. Туда, где мне прочитают поучительную проповедь по поводу моих последних жизненных решений. Если бы мне предоставили выбор, я бы никуда не поехала ни с отцом, ни с агентом Лоуэлл, но либо это, либо арест моей задницы и моих активов до тех пор, пока не подчинюсь. Я не прикасалась к своему банковскому счету уже несколько недель. Похоже, всякий раз, когда мне что-то было нужно, это появлялось, предоставленное мне либо Зетом, либо, чаще всего, Майклом. Но в какой-то момент мне захочется получить доступ к своим деньгам, и я определенно захочу вернуться домой. Но когда, черт возьми, это произойдет? Сама мысль о том, что смогу вернуться в убежище, которое создала для себя, не притаив за собой целый ворох проблем, вызывает смех.

Кроме того, отец пообещал, что высадит меня там, где захочу, после того, как я его выслушаю, так что пока это казалось лучшим вариантом. Мы ехали еще минут сорок, проезжая мимо поворотов на Маунтлейк-Террас, Линнвуд и аэропорт Пейн-Филд, пока не приехали в Эверетт. Последний раз я была здесь в детстве — на дне рождения то ли Алексис, то ли моем, сейчас уже не помню. Это место ассоциируется у меня с визжащими детьми и запахом гамбургеров.

Отец загоняет универсал на стоянку за винным магазином. Глушит двигатель и вынимает ключи из замка зажигания.

— Слоан, ты должна знать, что мне очень жаль. Я не хотел ничего скрывать от тебя или твоей матери. Я...

— Может, уже покажешь то, что тебе так отчаянно нужно показать, а потом отвезешь меня обратно к людям, которые не лгут и не злоупотребляют моим доверием, а, папа?

Мне кажется очень странным, что это на самом деле правда. Зет никогда не просил моего доверия и не подводил меня. Он ничего от меня не скрывал. Если я хотела что-то узнать, если оказывалась в ситуации, когда он мог меня контролировать, если ситуация была плохой, он не обманывал меня и не предавал. Он был честен и оберегал меня. Зет, человек, которого я знаю как преступника, относился ко мне с бóльшим уважением, чем мой собственный отец, человек церкви.

О, ирония настолько горька, что я чувствую, что задыхаюсь от нее.

— Постарайся быть непредвзятой, ладно, малышка? — говорит папа.

Лоуэлл и ее подчиненные подъехали на огромных внедорожниках и уже выходят из машин, не очень терпеливо ожидая, пока выйдем и мы. Я не отвечаю отцу. Выхожу из машины, бросая злобный взгляд на женщину, которая, похоже, и является зачинщицей всего этого гребаного бардака. Лоуэлл с мрачной улыбкой показывает на металлическую лестницу, зигзагом поднимающуюся по боковой стенке винного магазина.

— После вас, — говорит она.

Металлический настил на ступенях лестницы почти стерся посередине, в центре проржавевшей металлоконструкции остался блестящий серебристый след. Мои шаги гулко отдаются эхом по парковке, пока я поднимаюсь на один, два, три пролета, с каждым шагом мне все тяжелей подниматься.

Мы добрались до верха лестницы, и передо мной возникла массивная стальная дверь, покрытая темно-зеленой обшарпанной краской. Лоуэлл проскальзывает мимо меня и набирает код на клавиатуре, встроенной в стену, дверь с грохотом открывается, и изнутри здания раздается тревожный скрип — однотональный звук «эрннн», напоминающий тюремные ворота, которые я видела по телевизору, и, надеюсь, не увижу их в ближайшее время наяву.

Лоуэлл спешит в здание, не удосужившись посмотреть, иду ли я за ней. У меня нет выбора, даже если я этого не хочу: мой отец идет за мной, а за ним — великан, который сказал нам поторопиться, когда мы остановились на обочине дороги, и еще двое парней в безупречных костюмах. Папа грустно улыбается мне, но я не улыбаюсь в ответ. Внутри здания пахнет пирожками. Подгоревшими. Кто-то явно сжег свой поздний завтрак.

Над головой мерцает лампочка дневного света, издавая пронзительное жужжание, пока мы впятером быстро и бесшумно продвигаемся по коридору. Слева и справа — комнаты. Мы проходим мимо открытых дверей, комнаты представляют собой пустые бетонные коробки. Нет мебели. Никаких работников. Лишь изредка попадались раскрытые картонные коробки, а в одной комнате — сломанный деревянный табурет с тремя ножками вместо четырех.

Лоуэлл с военной точностью продвигается вперед, поворачивая то налево, то направо, до тех пор, пока коридор перед нами не расходится в разные стороны, и мы не упираемся в очередную тяжелую металлическую дверь. Она вводит еще один код на клавиатуре, встроенной в стену. Очередной тревожащий скрип. На этот раз по ту сторону двери находятся люди. Наспех сколоченные рабочие места, к стене прикреплены фотографии, звонят телефоны и любопытные взгляды провожают нас, когда мы направляемся к кабинету с открытой дверью в дальнем конце огромного помещения.

Лоуэлл заходит внутрь, я следую за ней. Папа заходит за нами, а безымянные мужчины расходятся по рабочим местам, провожаемые небрежным взглядом Лоуэлл.

— Не желаешь ли присесть?

Лоуэлл кивает головой на стул, стоящий напротив, как я понимаю, ее стола. Когда папа обходит излишне большой стол и садится с той же стороны, что и она, меня снова чуть не выворачивает на пол. С ума сойти можно.

— Поскольку тебе наплевать на фотографии, не буду тратить на них наше время, — говорит Лоуэлл. — Однако у твоего отца другие соображения. Он считает, что ты должна понять, почему нам так необходимо найти твою сестру. Готова ли ты на этот раз выслушать нас? Чтобы мы могли показать тебе, во что ты вляпалась?

Я бросаю взгляд на папу, он не отводит взгляда, хотя у меня складывается впечатление, что ему этого хочется.

— У меня сейчас вроде как нет выбора, — огрызаюсь я. — Давайте покончим с этим.

— Хорошо.

Лоуэлл открывает ноутбук, стоящий на ее столе, и хмурится, на мгновение сосредоточившись на экране. Она несколько раз щелкает мышкой, видимо, находит то, что ищет, а затем поворачивает устройство так, чтобы я могла видеть экран. Это запись с какой-

то камеры наблюдения, темная и размытая. Сначала трудно разобрать, но похоже, что на земле лежит снег. Лоуэлл протягивает руку, нажимает на кнопку воспроизведения, и изображение оживает. Звука нет. Я вижу темную фигуру, быстро идущую по заброшенной улице в одиночестве, и мое сердце словно раздувается в груди. Это Лекси. Я узнала ее по огромному, неаккуратно повязанному шарфу на шее — она три месяца вязала его, пытаясь до наступления зимы закончить, и затем носила, не снимая.

Я вдруг понимаю, что смотрю. Знаю, что мне показывают, и не хочу это видеть. Я наклоняюсь вперед в кресле, тянусь к ноутбуку, чтобы отвернуть его, закрыть эту чертову штуку, остановить видео, но тут Алексис замирает на экране. Она замирает посреди тротуара, ее взгляд устремлен на что-то или кого-то, кого не могу разглядеть. Через секунду вижу, на что она смотрит: длинный поток мотоциклов несется по дороге — три, пять, восемь, — не знаю, сколько их. Половина дороги на экране отрезана, так что их может быть и тридцать, могу только гадать. Алексис стоит и наблюдает, как они проезжают мимо, и странное зрелище такого количества мужчин на мотоциклах, несущихся по центру Сиэтла, очевидно достаточно, чтобы остановить ее на полпути.

— Что это, черт возьми, такое? — шепчу я.

Папа качает головой.

— Досмотри, милая.

Байкеры исчезают. Алексис еще пару секунд стоит неподвижно, темные волосы развеваются вокруг лица, их треплет тихий ветер. Она подходит к краю тротуара, смотрит по сторонам, словно собирается перейти на другую сторону. Но не успевает сделать и шага, как из боковой улицы за ее спиной появляется темная фигура мужчины и падает на колени, протягивая руку в сторону моей сестры. Он явно пугает ее, она заметно подпрыгивает и отскакивает назад, подальше от этого человека.

Алексис приостанавливается, как бы пытаясь решить, что делать, а затем бросается вперед, наклоняется к лежащему на земле мужчине, разматывая с шеи отвратительный шарф.

— Она кому-то оказала помощь? — спрашиваю я.

Я не отрываю глаз от экрана, но ни Лоуэлл, ни отец не отвечают. Я должна увидеть сама. Но мне страшно. Я трусиха. Не хочу, чтобы ей было больно, как бы сильно на нее не злилась сейчас.

Два человека на экране разговаривают, это ясно, и меня невероятно расстраивает, что я не понимаю, о чем идет речь. Прищурившись, вглядываюсь в экран ноутбука, хотя совершенно ясно, что не смогу разобрать по губам, о чем они говорят. Качество изображения настолько плохое и размытое, что я не могу разобрать их черты лица. Алексис протягивает руку, но человек, лежащий на земле, отшатывается назад. Непонятно. Еще секунду назад он тянулся к ней, а теперь, похоже, испугался. Он начинает отползать от нее, упираясь руками и ногами в снег, пытаясь создать между ними хоть какое-то пространство. И тут я понимаю причину его страха. Он не пытается убежать от Алексис. Он пытается убежать от группы мужчин, которые приближаются позади нее.

Я насчитала восемь мужчин.

— О боже!

Закрываю рот руками, подумывая о том, чтобы закрыть и глаза. Алексис не оборачивается. Она не знает, что мужчины стоят у нее за спиной. Самый высокий из них, широкоплечий и заметно прихрамывающий, первым добирается до моей сестры. Он зажимает ей рот рукой и отрывает от земли. Она отчаянно брыкает ногами, но парень не

опускает ее. Другой мужчина хватается лежащего на снегу человека и пытается его поднять, но у него ничего не получается. Вместо этого он берет его за руку и тащит обратно в тот же переулочек, из которого тот появился. За ними следуют остальные мужчины. Высокий парень, прихрамывая, уносит мою сестру из кадра.

И она исчезла.

Лоуэлл протягивает руку вперед и закрывает ноутбук.

— Мужчина на видеозаписи, который вышел на встречу Алексис? Это судья Райан Конахью. Его тело было найдено под кучей мусора на следующее утро. Ресторатор выносил мусор в 5:30 утра и наткнулся на его тело. Конахью был нанесен удар ножом в грудь и сердце. Истекая кровью, он упал на снег.

Она достает из ящика стола еще одну папку и берет оттуда фотографию: седовласый мужчина лет пятидесяти-шестидесяти, глаза затуманены и смотрят в небо, синие губы слегка раздвинуты. В его груди зияет рана — очевидный источник огромного количества крови, окрасившей пальто и снег вокруг него.

— Судья? Он был судьей? — спрашиваю я.

— Да, милая. В то время он вел дело об убийстве. Был арестован человек, очень опасный человек, и его компаньоны, люди, которых ты только что видела на видео, не хотели, чтобы судья признал его виновным в преступлении. Они угрожали судье Конахью, пытаясь заставить его оправдать этого человека, но он отказался.

— И они убили его.

Как раз в тот момент, когда я думала, что хуже быть не может, это происходит...

Агент Лоуэлл секунду возится с компьютером, а затем снова поворачивает его ко мне. Видео уже воспроизводится. По улице проносится обшарпанный фургон. Он останавливается на обочине перед переулком, и из него выходят двое мужчин. Они подходят к задней части фургона и открывают задние двери. Трудно разглядеть, что происходит в переулке, так как большая часть автомобиля закрывает обзор, но я вижу, что там какая-то потасовка. Рука, нога. Один из мужчин поскользывается на снегу и падает на задницу, его тело вдруг оказывается в поле зрения. Я все еще не могу разглядеть его лицо, но вижу, что его плечи сотрясаются — он смеется. Смеется.

Задние двери фургона закрываются, и после этого упавший мужчина возвращается к водительской двери и забирается внутрь. У пассажирской двери происходит движение, но в темноте я не вижу, кто туда забрался. Фургон отъезжает, и они исчезают. Улица пуста.

— Кто это? — спрашиваю я.

В моем горле стоит комок размером с баскетбольный мяч. Я едва могу говорить.

Лоуэлл переместилась в своем кресле и провела пальцами по толстой папке, лежащей перед ней.

— Они из картеля.

— Колумбийцы?

Она качает головой.

— Мексиканцы.

— Не... не Хулио Перес?

Лоуэлл выглядит заинтригованной, словно я наконец-то заговорила на ее языке.

— Нет, не Перес, хотя он связан с этой группой. Они называются Los Oscuros (*прим. пер.: Los Oscuros (исп.) — темные*). Их лидер, Гектор Рамирес, начинал с наркотиков, но довольно быстро осознал, что заниматься оружием выгоднее. В течение многих лет они

базировались в Мексике. В США произошла какая-то неприятность, и Гектор, видимо, решил, что больше не хочет, чтобы его бизнес управлялся дистанционно. Он легально иммигрировал и открыл бизнес по чистке ковров. Он использовал его как прикрытия для отмывания денег. И до сих пор использует.

— И причем же здесь моя сестра?

— Также он торгует кисками, — говорит Лоуэлл. Мой отец вздрагивает — вряд ли кто-то раньше говорил «киска» в его присутствии. И сомневаюсь, что его дочь когда-нибудь называли «киской». Лоуэлл явно наплевать на то, что она оскорбила тонкие чувства моего отца. — Ваша сестра — симпатичная девушка, доктор Слоан. Гектор взглянул на нее, и перед его глазами замелькали долларовые знаки. Он заключил сделку с Пересом. Перес купил ее у него, собирался держать ее в той маленькой деревушке, которую он устроил для себя в пустыне, но ваш лучший друг Ребел каким-то образом сумел заполучить ее. Вот тут-то все и закрутилось. «Вдоводелы» воюют с Los Oscuros. Картель узнал, что Алексис связалась с байкерами, и немедленно заключил контракт на ее жизнь.

У меня голова раскалывается от такой лавины информации, но я понимаю, что говорит Лоуэлл.

— Они хотели ее убить, потому что байкеры могли убедить ее дать показания о том, что Los Oscuros убили судью. Верно?

— Правильно, милая. — Отец наклоняется вперед, опираясь локтями о стол. — Твоя сестра позвонила мне через четыре месяца после своей пропажи. До этого я ничего не знал о ее исчезновении, клянусь. Она рассказала мне, что произошло, и попросила прислать ей денег, чтобы она могла уехать. Она была напугана, но, судя по голосу, с ней все было в порядке. Она просила меня не звонить в полицию, но...

— Твой отец не идиот, Слоан, — говорит Лоуэлл. — Как только он узнал, что Алексис жива, он поступил правильно и обратился к властям. С тех пор мы занимаемся этим делом.

Меня одолевает гнев.

— И, говоря о деле, ты имеешь в виду, что чуть не убила мою сестру?

— Что? Она... Алексис чуть не погибла?

Из-за неверия в голосе папы я хочу заорать на него. Он думает, что владеет всеми фактами, а на самом деле его держат в неведении. Его лицо стало белым, как мел.

— Ой, да, разве агент Лоуэлл не говорила тебе об этом? Алексис чуть не умерла, потому что твоя подружка подстрелила ее.

Мышцы на лице отца расслабляются, всякое выражение полностью исчезает. Он не может поверить в мои слова, — я вижу это ясно, как божий день. Он поворачивается к Лоуэллу, качая головой.

— Это, конечно, неправда?

Женщина, сидящая напротив, смотрит на меня так, словно я разглашаю этот маленький секрет и ставлю ее в очень неудобное положение. Еще бы, сучка.

— Когда стреляла в Алексис, я хотела задеть ее плечо. Мотоцикл, на котором она ехала, вильнул, и пуля попала ей в поясницу.

— Ты чуть не убила ее, — огрызаюсь я. — Ты чуть не убила ее, мать твою.

— Сейчас это не имеет значения. Я не убила ее. Твоя сестра жива, и нам необходимо с ней поговорить. Ее связь с мотоклубом «Вдоводелы» — загадка для нас, но ее нежелание покинуть их заставляет нас полагать, что она работает с ними. За последние восемнадцать месяцев из-за вражды между мотоклубом Ребела и картелем погибло двенадцать человек.

Мы хотим прекратить убийства, и нам нужна твоя сестра. Между исчезновением Алексис в переулке и тем, как эти люди запихнули ее в кузов фургона, прошло тридцать минут. За это время она стала свидетельницей убийства одного из самых известных судей Высокого суда Сиэтла. Она нужна нам, Слоан. Она нужна нам для дачи показаний.

Для дачи показаний.

Вот в чем дело. Теперь вся эта история приобретает смысл. Да, конечно, именно поэтому УБН так отчаянно пытается заполучить ее в свои руки. Она нужна им для завершения дела, а для этого они хотят вывести Алексис на чистую воду, чтобы она могла выступить против шального мексиканского картеля. И они удивляются, почему она не хочет сотрудничать с ними?

— Прекрасно. Значит, ты готова бросить невинных людей под автобус, чтобы добиться своего, верно? Готова стрелять в людей, лишать их карьеры, разрушать все, над чем они работали, лишить их всего, только чтобы получить своего парня. К черту всех остальных, кто может помешать, так?

Я хочу убраться отсюда. Хочу уехать так сильно, что мне становится плохо. Глаза моего отца округляются от удивления.

— Важно, чтобы эти люди заплатили за то, что сделали, Слоан. Важно, чтобы правосудие...

— К черту правосудие! К черту УБН, и к черту тебя, папа. Лекси просила тебя не обращаться в полицию, и посмотри, где мы сейчас, черт возьми, находимся. Моя жизнь в руинах, а Лекси восстанавливается после травмы, которая чуть не лишила ее жизни. Она могла умереть, ясно? Агенту Лоуэлл на это наплевать.

Лоуэлл хлопает ладонью по столу, в результате чего стопка бумаг сползает набок и с грохотом падает на пол.

— Я забочусь о защите людей, посвятивших свою жизнь закону, доктор Ромера. Меня волнует, что организованная преступность в этой стране разрушает все, что дорого Америке.

Она говорит так, словно уже несколько раз произносила эту патриотическую речь. Я закатываю глаза.

— Я уже готова уйти, если не возражаете.

Лоуэлл откидывается на спинку стула, издав прерывистый вздох.

— Этот картель убивает детей, доктор Ромера. Они продают двенадцатилетних детей в качестве сексуальных рабынь. Хотите, чтобы это было на вашей совести?

— Моя совесть не имеет к этому никакого отношения.

— Имеет, если вы отказываетесь действовать. Это преступление бездействия.

— Я не нарушала законов. Не участвовала ни в одном преступлении. И теперь, когда я об этом думаю, ваши угрозы кажутся мне бессодержательными. У вас нет никаких оснований для ареста моих активов. Ты хватаешься за чертову соломинку.

— Ох, доктор Ромера, — смеется Лоуэлл, — вот тут вы совершенно неправы. Возможно, вам стоит прочитать вот это.

Она протягивает мне еще один лист бумаги, на этот раз с текстом, а не с фотографией.

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ

Грэйс Миллер

Мои глаза пробегаются по документу, кровь стынет в жилах. Кровь. Кровь, которую я украла из больницы, чтобы спасти Зета. Грэйс донесла на меня, рассказала им все. Я читаю, слова слегка расплываются. Подозрительно. Оборонительно. Пропали материалы.

— Не могу поверить...

Лоуэлл выхватывает у меня из пальцев свидетельские показания.

— Не можете поверить, что подруга донесла на вас? Мисс Миллер допрашивали в связи с преступлением. Очевидно, она посчитала, что сказать правду лучше, чем потерять единственный источник дохода. Матерям-одиночкам свойственно быть прагматичными, когда нужно смотреть на общую картину.

Мать-одиночка? Я не знала, что у Грейси есть дети. Думаю, что не могу винить ее за то, что она сказала правду.

— Что касается замораживания активов, то мы абсолютно точно можем это сделать, Слоан. Закон ПРК означает, что все, чем ты владеешь, может стать нашим в две секунды, если мы так решим.

— Закон ПРК?

— Федеральный закон о противодействии рэкету и коррупции. Это означает, что все, что, по моим подозрениям, ты могла получить от участия в банде Зета и Чарли Холсана или, возможно, от связи с Ребелом и «Вдоводелами», может быть конфисковано и заблокировано на неопределенный срок.

У меня такое ощущение, что легкие разваливаются. По самодовольному выражению лица монстра и обеспокоенному взгляду отца я поняла, что она говорит правду. Значит, я теряю не только работу. Я теряю все.

— Я предлагаю... — Лоуэлл замолкает, когда раздался резкий стук в дверь, и агент, незнакомый мне мужчина, высунул голову из-за двери. Он выглядит обеспокоенным. — В чем дело? — огрызается Лоуэлл.

— Только что поступил звонок. Это он. Мэйфейр. Он что-то говорит о парне по имени Эрни.

Лоуэлл побледнела. Подозреваю, что и я тоже. Зет? Что, черт возьми, он делает? Агент Лоуэлл встает, кладет руки на бедра, шагает в одну сторону, потом передумывает и шагает в другую.

— Чертов мудака. Черт. — Она смотрит на агента. — Хорошо, соедини меня с ним.

Она не дает линии зазвонить. Как только телефон оживает, она хватается трубку и рычит в нее.

— Ну, и наглый же ты, бл*дь.

Отец смотрит на меня пустым взглядом. Я не слышу, что говорит Зет, но, судя по выражению лица Лоуэлл, это бесценная информация. Ее лицо приобретает насыщенный фиолетовый оттенок, она расхаживает взад-вперед и слушает все, что он ей говорит.

— Ты ведь понимаешь, что это еще одно нарушение твоего... — Зет, должно быть, прервал Лоуэлл, потому что она остановилась на полуслове. Ее глаза встретились с моими, уже не безразличные, а пылающие яростью. — Ладно. Хорошо. Хорошо. — Она кладет трубку и вдыхает, делая глубокий, гневный вдох. — Алан, похоже, тебе стоит отвести свою дочь в город. Сейчас же.

ГЛАВА 4

ЗЕТ

Глава 4

В «Хамви» пахнет мочой. Ребел лопнет от злости из-за только что произошедшего несчастного случая, но мне сейчас очень даже хорошо. Шнауцер Лоуэлл — Эрни, судя по бейджику в форме кости, — сидит на заднем сиденье машины и пыхтит, высунув язык над очень белыми на вид клыками. Лоуэлл определенно производит впечатление идиотки, которая чистит зубы своей собаке.

— Она поверила, что ты убьешь ее собаку? — Майкл смеется. Я бросаю на него растерянный взгляд, и его улыбка исчезает. — Ой, да. Конечно. Ты бы точно убил ее собаку, да?

Эрни будто улыбается, когда я смотрю на него в зеркало заднего вида. Я не монстр. И не стану убивать гребаную собаку только потому, что ее хозяйке необходимо преподать несколько уроков хороших манер. Только если это будет необходимо.

Мы с Майклом сидим в тишине, пыхтение Эрни — единственный звук, наполняющий машину, пока мы ждем приезда Слоан у автобусного парка. Она знает, что делать. Один из этих ублюдков высадит ее в городе, и она пойдет к автобусу, направляясь в то ужасное кафе, в котором мы изначально договорились встретиться. Мы надеемся подхватить ее до того, как она сядет в автобус.

Долго ждать не приходится. Я высматриваю черный внедорожник — насколько предсказуемо? — но вместо этого появляется знакомый универсал, отделанный деревом. Это машина отца Слоана, та самая, которую мы бросили у Хулио. Значит, я был прав: тот старик в торговом центре был ее отцом. Машина паркуется, а потом... ничего не происходит. Мы расположились достаточно далеко от дороги, чтобы нас не было видно, но это также означает, что мы не можем толком рассмотреть, что происходит. Майкл достает бинокль и смотрит в него на машину.

— Она там? — спрашиваю я.

— Да.

— Что они делают?

— Старик говорит. Слоан уставилась на приборную панель. Она выглядит взбешенной.

Я протягиваю руку, желая взглянуть на нее воочию. Майкл передает мне бинокль, и вот она, нахмурившись, смотрит в пространство. Выражение ее лица даже близко не подходит к описанию. Убийственное. Уже ближе. Слоан кивает, а затем двигается. Она вылезает из машины, захлопывая за собой дверь. Я бросаю бинокль на заднее сиденье, почти забыв о том, что там находится Эрни. Выпрыгиваю из «Хамви», не желая терять ее из виду. Это было бы чертовски типично, не так ли? Освободить девушку, а потом потерять ее из-за своей гребаной неумелости, когда она пытается сесть на автобус.

Машина ее отца все еще припаркована у депо, он разговаривает по мобильному телефону, когда я прохожу мимо него. Он меня не видит. К тому же, с надвинутым капюшоном и лицом, скрытым в тени, я выгляжу, как человек, с которым доктор Ромера целенаправленно старается не встречаться взглядом. Я спешу через депо, направляясь прямо к стойке четыреста пятьдесят восемь. Поворачиваю налево, осматривая пустующее депо в поисках признаков жизни, признаков Слоан. Еще один поворот налево.

И я натыкаюсь на кулак.

— Зет? Какого черта?

Слоан отдергивает руку, встряхивая ее. Мой рот саднит. Прикасаюсь кончиками пальцев к нижней губе, и кровь, которую я на ней обнаруживаю, удивляет меня. Она ударила меня по лицу. Она ударила меня и пустила кровь. Я смотрю на нее, и она мгновенно отшатывается назад.

— Прости, я... я думала, что это один из парней Лоуэлл.

Я иду к ней, озираясь по сторонам, проверяя, нет ли кого-нибудь поблизости. Здесь безлюдно, что странно для этого времени суток, но чертовски удобно. Слоан делает осторожный шаг назад, на ее лице выражение легкой паники.

— Зет, успокойся. Это был несчастный случай, — шепчет она.

Я обхватываю ее за талию и поднимаю так, что ее ноги отрываются от пола. На мгновение она замирает — не совсем уверенная, что делать, — но затем пытается высвободиться из моей хватки. Бросаюсь вперед, прижимаю ее спиной к доске объявлений, на которой указано время отправления автобуса, прижимаюсь к ней всем телом. Затем прижимаюсь к ней губами. Обхватываю ее лицо обеими руками и прижимаюсь своими губами к ее. Я не борюсь с желанием быть с ней грубым. Наоборот, заставляю себя быть грубым. Это необходимо — от облегчения, что она цела и невредима, у меня кружится голова. Хочу поглотить ее каким-то извращенным образом, прижать к себе, чтобы мы больше не были отдельными людьми, а стали одним живым, дышащим существом, где угроза разлуки больше не будет иметь для нас значение.

Ее кожа пылает под моими руками. Ее сердце гулко бьется в груди — я буквально чувствую его пульсирующий ритм на своей грудной клетке. Она резко выдыхает, когда я раздвигаю ее губы, просовываю язык внутрь ее рта и пробую на вкус. Она отвечает, сначала медленно, а потом что-то словно щелкает. Слоан хватается за меня, стягивает капюшон и начинает возиться с молнией на кофте. Я хочу, чтобы она сняла ее с меня. Хочу, чтобы она сняла с моего тела все до последнего предмета одежды, и хочу раздеть ее. Хочу трахать ее до тех пор, пока она не начнет кричать на весь автобусный парк Сиэтла.

Но мы не можем этого сделать.

— Слоан? Слоан, подожди. Мы должны убираться отсюда. — Я снова обхватываю ее лицо руками — ее дыхание еще быстрее, чем мое, глаза полностью остекленели. — Ты должна кое-что знать, — шепчу я, слегка касаясь ее губ.

Она выглядит так, будто ее накачали наркотиками.

— Что?

— Ты знала, что за тобой следят, и повернулась, защищаясь. Никогда... никогда я не видел ничего более сексуального.

На ее лице появляется короткая попытка улыбнуться.

— Рада, что произвела на тебя впечатление, — говорит она.

Не могу поверить, что эта женщина реальна. Что я сделал, чтобы заслужить такую, как

она? Чем заслужил тот взгляд, которым она смотрит на меня сейчас? Это загадка, которую я никогда не смогу разгадать.

— Слоан, ты всегда производишь на меня впечатление. — Я медленно опускаю ее, чтобы она могла встать на ноги. — Сейчас нам нужно уходить, пока Лоуэлл не появилась и не кастрировала меня.

Она искоса смотрит на меня, когда я веду ее обратно к «Хамви» и Майклу.

— Что, черт возьми, ты натворил, Зет? И кто, черт возьми, такой Эрни?

Я борюсь с улыбкой. К черту. Я позволяю себе это. Я широко ухмыляюсь.

— Ты, — говорю я ей, — сейчас узнаешь.

— Ты украл ее собаку?

— Технически он его догнелингнул (*прим. пер.: Догнелинг — похищение домашних собак — обычно ценных пород — и возвращение их за выкуп, за солидное вознаграждение*), — говорит Майкл.

Я усаживаю Слоан на заднее сиденье рядом с Эрни, следя за тем, чтобы она не села в мокрое пятно, которое он создал ранее, а затем забираюсь на пассажирское сиденье. Слоан с сомнением смотрит на шнауцера. Эрни смотрит на нее в ответ.

— Как, черт возьми, ты выяснил, где она живет? — спрашивает Слоан.

Майкл запускает двигатель, и мы уезжаем.

— Вообще-то Лоуэлл обитает в Калифорнии. Но у меня есть человек, который может все выяснить. Она остановилась в отеле в центре города. Он взломал ее данные в их системе и сообщил нам, что она зарегистрировалась с животным.

Я наблюдаю, как Эрни лижет тыльную сторону ладони Слоан, и чертовски горжусь собой.

— Агент УБН, который не может разлучиться со своей собакой во время путешествия, должно быть, чертовски любит эту собаку.

— Боже, неудивительно, что она так побледнела. Она тебя за это повесит, детка. — Смеется Слоан.

Детка.

Раньше мне хотелось врезать влюбленным придуркам за использование этого ласкового слова. Но когда это говорит Слоан... не знаю, что и думать. Я замечаю удивленную улыбку Майкла, появляющуюся в уголках его рта, и мне не хочется его бить. Я поднимаю брови, глядя на него с выражением шока и веселья. А он ухмыляется, словно сегодня Рождество и мама с папой не ссорятся.

— Полагаю, нам лучше уехать отсюда, — говорит он.

Слова звучат из его уст мягче из-за улыбки.

ГЛАВА 5

СЛОУАН

Глава 5

Мы заселяемся в гостиницу, или, по крайней мере, я думаю, что это гостиница. Заведение называется The Regency Rooms, хотя снаружи шестнадцатипятиэтажного здания нет вывески. Понятия не имею, какая у отеля звездность. Вестибюль представляет собой бесконечные ярды белой мраморной плитки, пронизанной серыми вкраплениями. Никаких диванов. Никаких картин. Ничего, кроме белого мрамора и стойки администратора, которая, как и весь вестибюль, является воплощением простоты. За стойкой сидит мужчина в голубовато-сером костюме, с ровным рядом белых зубов, приветствующий нас консервативной улыбкой.

— Рад снова видеть вас, мистер Хэнсон, — обращается он к Зету. Мой желудок сжимается при упоминании этого имени — Хэнсон. Оно мне знакомо. Это имя дал мне Эли, когда мне пришлось продавать себя для получения информации. Это имя я назвала администратору в отеле Marriott, когда регистрировалась, казалось, целую вечность назад. Зет бросает на меня настороженный взгляд, а затем отрывисто кивает безупречно ухоженному джентльмену, который протягивает нам ключ-карту по гладкой прохладной каменной стойке. — Вы надолго к нам? — спрашивает он.

— На пять ночей, — отвечает Зет.

Он выглядит... он выглядит немного смущенным.

— О, отлично. Тогда вы будете с нами на торжественном мероприятии в воскресенье вечером. Не хотите зарезервировать место?

Майкл кашляет, хотя кашель больше похож на то, что он задыхается. Громкий лай эхом разносится по помещению больше похожем на пещеру, словно резкий взрыв аплодисментов. Зет медленно поворачивается и бросает на него неприязненный взгляд. Я не дура и вижу, что Майкл пытается замаскировать улыбку, прикрывая рот сжатым кулаком.

Зет почесывает челюсть.

— Нет, в этом нет необходимости, спасибо.

Торжественное мероприятие? Резервирование места? Суммируйте все это с не слишком деликатной реакцией Майкла на вопрос администратора, и у меня сложилось очень яркое представление о том, что происходит в The Regency Rooms. Это место прячет в своих темных углах провокационные секреты. Зет берет со стойки ключ-карту, забирает наши сумки — одежду и туалетные принадлежности, приобретенные Майклом, — и ведет нас к элегантному, минималистичному лифту. Кнопки вызова нет, только черная панель, вмонтированная в стену, к которой Зет прикоснулся ключ-картой. На черной панели появляется белый значок звезды, который слегка пульсирует.

Это место нереально. Я бросаю взгляд через плечо, когда единственная бесшовная стальная дверь отъезжает назад, давая нам возможность войти в лифт, и замечаю, что администратор наблюдает за нами. Он очень медленно, заговорщически подмигивает мне. Мои щеки вспыхивают. Вхожу в лифт, не зная, стоит ли говорить парням о его пикантном предложении. Ведь это точно было предложение. Одинокая девушка поднимается в номер в таком месте? С двумя мужчинами? Я оборачиваюсь, пока мы ждем, когда лифт начнет подниматься, Зет по одну сторону от меня, а Майкл — по другую, и какая-то злая часть меня берет вожжи в свои руки. Я смотрю в глаза администратору. И подмигиваю в ответ.

Его профессиональная маска спадает, когда он посылает мне благодарную улыбку. Двери закрываются, и мы остаемся втроем. Майкл подталкивает меня в спину и наклоняется вперед так, что его рот оказывается рядом с моим ухом.

— Вы плохо себя ведете, доктор Ромера?

Не могу удержаться. Я смеюсь. Зет бросает предупреждающий взгляд на Майкла.

— Лучше, бл*дь, не приставай к моей девочке.

Он поднимает бровь, уставившись на своего друга, и его поведение прямо-таки воинственное, хотя с уверенностью могу сказать, что он всего лишь шутит.

Шутки и Зет Мэйфейр. Никогда бы не подумала, что эти два понятия могут сочетаться, но в последнее время я узнала, что парень, которого считаю своим, на самом деле очень веселый человек. Просто он очень, очень хорошо это скрывает. Майкл поправляет галстук, смотрит на циферблат — двенадцать, тринадцать, четырнадцать — и говорит:

— Я? Даже не думал об этом.

Кабина лифта останавливается на шестнадцатом этаже — конечно же, последнем, — и мы оказываемся в пустом коридоре. Здесь всего две двери. Дверь слева обозначена буквой А, дверь справа — буквой Б. Майкл снова сдерживает ухмылку, и Зет бросает в него сумку. Не знаю, как я раньше не заметила, но это черная сумка. При виде ее сердце начинает колотиться в груди. Никогда не думала, что признаюсь в чем-то подобном, но я скучала по этой сумке. Понятия не имею, почему Зет бросает ее Майклу. По крайней мере, не представляю, пока Зет не рычит:

— Не говори ни слова, мать твою. Я серьезно.

У меня есть медицинская степень. Есть и научная степень. Я довольно умный человек. Очевидно, что есть что-то интересное в том, чтобы находиться здесь, в этом коридоре, стоять между этими двумя дверями. Майкл подхватывает спортивную сумку Зета и прижимает ее к его груди.

— Увидимся через пару часов, полагаю.

Он не ждет ответа. Достает из кармана ключ-карту и поворачивается к двери, помеченной буквой Б. Открывает ее и исчезает внутри, оставляя нас с Зетом у двери А.

— Дай-ка угадаю, — говорю я. — Обычно это момент выбора приключений, да? Выбираешь дверь слева и получаешь одно, выбираешь дверь справа и получаешь другое?

Зет бросает на меня удивленный взгляд. Мне нравится, как медленно он оттаивает. Он дурак, если думает, что скрыл это от меня. И тот факт, что в последние дни он позволяет себе все больше и больше мне приблизиться к нему, означает, что я могу наблюдать совершенно новую гамму эмоций на его лице. Сюрприз — это очень мило. Он выглядит каким-то невинным, когда его большие карие глаза становятся шире, хотя слова, которые слетают с его губ дальше, далеки от этого:

— Ты слишком умна себе во вред, злая девочка. Теперь, когда ты знаешь наш маленький

секрет, тебе придется понести наказание.

Пальцы ног загибаются в туфлях. Он опять шутит. Я думаю, что он шутит. Он открывает дверь, заносит внутрь черную сумку и еще две наши сумки, а затем поворачивается лицом ко мне в коридоре. Натягивает капюшон и начинает шагать ко мне.

— Когда люди приходят сюда, Слоан, им всегда дают возможность выбора.

Вот дерьмо.

В капюшоне его лицо скрыто тенью...

С темным, хищным взглядом в глазах...

Он приближается ко мне, словно голоден. Очень голоден...

Мое тело оживает.

— Они могут взять человека за руку, — бурчит Зет. Он берет меня за руку. — И они могут прижать этого человека к стене. — Я отступаю назад, мое дыхание с трудом входит и выходит из легких короткими, пьянящими рывками. Моя спина ударяется о стену, и мощное тело Зета прижимается к моему, загоня меня в ловушку. — И они могут подойти совсем близко...

Он настолько близок, насколько может. Его рот меньше чем в сантиметре от моего. Я хочу... нет, мне необходимо, чтобы он меня поцеловал. Мне это очень нужно. Зет облизывает губы, и это не дразнящее движение. Я вижу это по его глазам — он тоже хочет меня поцеловать.

— Черт, Зет, — произношу я.

У меня перехватывает дыхание. Зет слегка улыбается. По тому, как напряженно он меня изучает — его глаза переходят с губ на шею и обратно, — создается впечатление, что он очарован тем, что видит. Если это так, то нас двое.

— И этот человек может сказать, — шепчет он, — выбирай из двух зол, злая девочка.

Он высовывает язык и облизывает мою верхнюю губу, посылая множество вибраций, проносящихся по телу. Мои соски стали такими твердыми, что начали болеть. Боже, как все запущено. Я должна заполучить его.

— Какие у человека могут быть варианты?

Я уже почти не контролирую себя. Мои руки потеют от отчаянного желания обнять его. Зет смотрит на меня сверху вниз в течение одной долгой секунды, а затем осторожно приближает рот, едва касаясь своими полными губами моих.

— Наслаждение, — шепчет он. В моем животе закручивается клубок тепла, превращаясь в горящий узел. Этот жар разгорается, сжигая меня изнутри, когда он прикусывает мою губу и с силой тянет. От неожиданности я задыхаюсь. — Или... боль, — продолжает Зет.

У меня кружится голова. По потребности в глазах Зета понимаю, что это не игра. Это не теоретический разговор. Мне предстоит сделать выбор, и я знаю, какой вариант Зет хочет, чтобы я выбрала. В кои-то веки у меня нет ни тени сомнения. Я хочу того же, чего хочет он.

— Боль, Зет. Я хочу боли.

Зет издает низкое горловое рычание. Он не сможет сдержаться. Адреналин захлестывает меня, когда он вжимается своим телом в мое, просовывает руки мне под бедра и поднимая меня с земли. Я обвиваюсь вокруг него — руками, ногами. Сердцем. Я обнимаю его всем сердцем, цепляясь за него изо всех сил. Он целует меня, его губы находят мои, и мне больше не нужен кислород. Его губы на моих — это все, что мне нужно. Его руки, крепко обнимающие меня, — это все, что мне нужно. Только он. Он это все.

— Бл*дь, Слоан, ты выворачиваешь меня наизнанку, — бормочет он, снова облизывая

мои губы, пробуя на вкус.

Не знаю, хорошо это или плохо, но, судя по размеру его стояка, предполагаю, что хорошо. Надеюсь. Он заносит меня в апартаменты, захлопывая за собой дверь. Я не замечаю ничего вокруг. Карие глаза, изучающие мои, заглядывающие глубоко внутрь меня, — единственное, что я вижу. Мы переходим из главной комнаты в другую, поменьше, — спальню, — и Зет бросает меня на кровать. Мы отчаянно цепляемся за одежду друг друга. Это — наше совместное отчаянное желание видеть, чувствовать, пробовать на вкус, прикасаться друг к другу — отличает этот момент от всех других, когда мы были вместе. Мы пришли к этому на равных, и впервые я чувствую, что Зет не контролирует себя так же, как и я.

Это, конечно, длится недолго. Он отрывается от меня и срывает с себя джинсы, отбрасывая их с мрачным, соблазнительным выражением лица. Мучительно красивый мужчина, стоящий передо мной, обнаженный, обхватывает мою лодыжку, поднимает ногу и целует меня в свод стопы.

— Подожди здесь, — говорит он мне.

И исчезает за дверью.

Я знаю, куда он направляется. Знаю, с чем он вернется. Кровь бурлит в венах, зажигая меня. Он оставил меня в лифчике и трусиках, но я не хочу снимать их сама. Я хочу, чтобы он снял их с меня так же, как и все остальное: грубо. Он ушел ненадолго, чтобы я смогла выровнять дыхание. Моя грудь все еще вздымается, когда Зет снова появляется в дверном проеме с черной сумкой, крепко зажатой в одной руке.

— Слезь с кровати. Встань на четвереньки, — приказывает он.

Я подчиняюсь ему, мое тело покалывает от предвкушения. Я хочу отсосать у него. Облизать его, укусить и завладеть каждым сантиметром его тела. Зет ставит сумку на край кровати и роется в ней, совершенно не обращая внимания, насколько он совершенен. Его тело — безупречная симметрия, мышцы подтянуты и сплетены вместе, плечи, ноги, ягодицы, спина — каждая его часть мастерски собрана воедино. Как человек, который много лет изучал анатомию человека, могу с уверенностью сказать, что Зет — обладатель самого совершенного тела, которое я когда-либо видела.

Когда он поворачивается ко мне лицом, его член все еще твердый и эрегированный, в руке он держит кусок материи.

— Закрой глаза, — говорит он.

Меня расстраивает, что я должна отвести от него взгляд, но я подчиняюсь. Как только я закрываю глаза, Зет проводит материалом по моей щеке, по изгибу шеи. По груди. Ткань чувственно грубая, нити задевают кожу. Я начинаю дрожать, когда Зет нежно проводит ею по моим губам. Приоткрываю рот, почти умоляя его сделать то, что он, как мне кажется, собирается сделать. Засунуть материал мне в рот. Но он этого не делает. Вместо этого он завязывает мне глаза, так туго, что ничего не вижу. Я чувствую, как он отходит от меня.

Когда он возвращается, то поступает именно так, как я и ожидала. Он снимает с меня нижнее белье, причем не слишком нежно. Сначала хватает за бретельки моего бюстгальтера и проводит чем-то холодным и твердым по моей коже. Что-то острое. Бретельки отлетают, когда он перерезает их по одной. Затем трусики. Он хватается за ткань на левом бедре и разрезает ее, затем на правом, отрывая от тела.

— Боль — странная штука, Слоан, — тихо говорит он. — Люди имеют совершенно неправильное представление о ней. С самого рождения детей опекают и панически боятся,

когда они причиняют себе боль, поэтому они растут с убеждением, что это плохо. Как только их нервные окончания начинают посылать сигнал в мозг, включаются рецепторы страха. Они пугаются до смерти. Чему вас учат в медицинской школе, когда говорят о боли?

— Это метод выживания, — шепчу я.

Зет подходит ближе — я чувствую, что он стоит передо мной. Все, что мне нужно сделать, — это протянуть руку и коснуться его, но я знаю, что не должна этого делать. Это не моя роль.

— Верно, — говорит Зет. — Но это не значит, что мы должны бояться этого. Мы должны принять ее. Наслаждаться ею. Знать пределы нашей боли и понимать, что мы можем вытерпеть. — Что-то твердое прижимается к моей щеке, и мои руки, упирающиеся в ковер, автоматически сжимаются в кулаки. — Я знаю, что ты можешь вытерпеть, Слоан. Я говорил тебе об этом раньше, и ты поверила мне. Доверяешь ли ты мне сейчас?

— Да. Я доверяю тебе.

Мои губы начинает покалывать, когда он целует меня. Нежный, легкий, едва ощутимый поцелуй, от которого внизу живота поднимается тепло.

— Спасибо, Слоан, — шепчет он. — Сейчас я сделаю тебе больно, но обещаю, тебе понравится.

Обещание Зета — не пустой звук. Если он обещает, что мне понравится, то мне совершенно не о чем беспокоиться, но я все равно нервничаю. Я слышу, как он двигается вокруг меня, вышагивает, словно наблюдает за мной со всех сторон, пытаюсь решить, с чего начать. Он не заставляет меня долго ждать.

Что-то острое проследживает изгиб моего позвоночника, начиная с основания шеи и медленно спускаясь вниз, пока не достигает изгиба моей задницы. Понятия не имею, что это. Не холодное, значит, скорее всего, не металл. Не острое, значит, не нож.

— Вы оцениваете уровень боли в больнице, верно? — шепчет Зет, его голос хриплый от вожделения.

— Да.

— Расскажи, как это работает.

— Мы... мы просим пациента сказать, насколько сильную боль он испытывает... по шкале от одного до десяти.

— И вам это помогает?

Зет проводит тем, что у него в руке, по моим плечам, и я чувствую, как этот предмет прижимается ко мне еще больше. Что-то длинное и тонкое, твердое и теплое.

— Да, это... помогает нам оценить, насколько сильное обезболивающее необходимо. Говорит нам о серьезности проблемы.

Давление от игрушки Зета исчезает.

— Сегодня мы будем использовать твою систему, Слоан. Когда я спрошу, ты назовешь мне цифру.

— Хорошо.

Почему-то меня это немного успокаивает. Наверное, так не должно быть, но так и есть.

Я немного расслабилась, когда резкая боль впивается в плоть моих ягодиц. Больше от неожиданности, чем от боли. Я вскрикиваю, чуть не подпрыгивая со своего места.

— Не двигайся, злая девочка, — говорит мне Зет. — От одного до десяти. Сколько? Подумай хорошенько.

Мне требуется секунда, чтобы ответить.

— Три, — говорю я. — На троечку.

Я больше не чувствую жжения от удара, так что не могу оценить выше. Зет поймет, что я лгу, чтобы заставить его быть снисходительнее ко мне, но, думаю, это произведет совершенно обратный эффект.

— Молодец, Слоан. Это была тройка. — Я едва осмеливаюсь дышать, пока он ходит вокруг меня. Я подпрыгиваю, когда трость — это может быть только трость — соприкасается с моей грудью. Зет проводит деревянной тростью по моей груди, заставляя соски пульсировать. — Ты так ох*енно совершенна. Чертовски прекрасна, — говорит он мне. — Дыши, Слоан. Ты должна помнить, что нужно дышать.

Я вдыхаю, втягивая в легкие ровный поток кислорода, и в этот момент следует второй удар. Снова по заднице, на этот раз сильнее. Более интенсивный.

— Бл*дь!

Зет тихо смеется. Могу представить выражение его глаз — там пляшет веселье, когда он наблюдает, как я извиваюсь.

— Ты такая сквернословка, злая девочка. Сколько?

— Шесть, — говорю я, задыхаясь и изо всех сил стараясь не шевелиться. Я хочу прикоснуться пальцами к нежному месту, куда он только что ударил, — мне кажется, что там будет выпуклый рубец, болезненный и красный, если я посмотрю на него в зеркало.

— Сейчас было не больше пятерки. Сделай глубокий вдох. Расслабься, а затем повтори. Сколько?

Я делаю глубокий вдох. Расслабляюсь. И он прав.

— Хорошо. Пять.

Зет целует меня, прижимаясь губами к моему плечу. Он стоит позади меня, но недолго. Перемещается и оказывается передо мной. На этот раз я готова, когда он прикасается концом трости к моей коже. Вместо того чтобы использовать ее для причинения боли, он проводит кончиком по моему животу, затем вниз, пока не упирается ею между ног. Твердая гибкая часть трости скользит по моей киске, между складками плоти, прощупывая меня, ища самую выгодную позицию. Долго искать не приходится. Как и в случае с ножом, есть что-то захватывающее в том, что предмет, который может причинить сильную боль, используется для получения удовольствия. Мое тело гудит, когда Зет многократно проводит концом трости по киске, иногда оказывая давление, но в основном просто дразня, так что я едва могу удержаться от дрожи в руках и ногах. Я стону, стараясь не позволять себе раскачивать бедрами.

Я чувствую тот момент, когда Зет решает, что я получила достаточно удовольствия. Через несколько секунд после того, как я понимаю, что это, вероятно, скоро произойдет, трость издает щелкающий звук, рассекая воздух. Вспышка боли взрывается в моей голове, когда дерево соприкасается с задней поверхностью моих бедер, чуть ниже изгиба ягодицы.

— А-а-а! Дееерь...

Я сдерживаю ругательство, которое так и просится наружу, и впиваюсь пальцами в ворс ковра.

— Сейчас? — шепчет мне на ухо Зет.

От его дыхания на моей шее по коже прокатывается волна тепла.

Я хочу сказать, семь. Очень хочу, но не говорю.

— Шесть, — выдыхаю я.

Зет издает хрюкающий звук — звук одобрения. Он проводит кончиками пальцев по моей

щеке, шее, плечу и спине, обходя меня.

— Раздвинь ноги шире, Слоан.

Я вздрагиваю, раздвигая колени еще шире, выполняя его просьбу. Не могу побороть сильное желание прильнуть к нему в ответ, когда Зет опускается на колени и прижимается к моим ногам. Он такой твердый. Настолько твердый, что проталкивая свой член вперед, трется о мой клитор. Он наклоняется надо мной и начинает целовать мою спину, каждый позвонок.

— О, боже. Бл*дь.

Я хочу, чтобы он вошел в меня. Хочу почувствовать, как он входит в меня так глубоко, как только может, заполняет меня, растягивает, владеет мной, но вместо этого Зет отстраняется и снова использует трость. Семь. На этот раз семь.

— А-а-а! Зет! Убл...

Все труднее подавлять проклятия. Такое ощущение, что я задыхаюсь. Как будто я упала на задницу и не могу дышать.

— Восемь? Или семь? — спрашивает Зет.

Я слышу в его голосе напряженные нотки, словно ему тоже не хватает воздуха.

— Семь. Тебе это нравится, да?

Я едва сдерживаю смех, мое тело все еще дрожит.

— Ох, боже правый, девочка. Ты даже не представляешь, насколько. — Он наклоняется вперед, так что его член снова прижимается к моей киске, но теперь он обхватывает мое тело руками, дотягиваясь до клитора. — Тебе не нравится, Слоан? Потому что у меня сложилось впечатление, что тебе это нравится.

Он прав. Возможно, это за пределами моей зоны комфорта, но предвкушение боли, а затем ее реальность сводят меня с ума. А следы... следы так чертовски красивы. Каждый раз, когда трость соприкасается с моей кожей, я практически разрываюсь на две части, пытаюсь избежать ее и в то же время желая ее.

— Я... я...

— Скажи это, Слоан.

Он откидывается назад, и трость снова пускается в ход — фейерверк, взрывающийся в моем теле. Волна за волной боль проносится сквозь меня, пульсируя и подхватывая биение моего сердца. Горло сжимается.

— Слоан. Говори.

— Да. Да. Мне... мне нравится.

Снова трость. На этот раз я не могу удержаться от крика.

— Сколько, Слоан? — спрашивает Зет, шипя сквозь зубы.

— Восемь! Восемь!

Я слышу, как что-то лязгает в другом конце комнаты, а затем Зет врезается в меня, его член входит глубоко, сильно и быстро.

— Бл*дь, Слоан. Твоя задница такая красная. Я хочу отшлепать тебя.

— Пожалуйста. Пожалуйста.

Это все, что я могу вымолвить. Хочу, чтобы он отшлепал меня. Я хочу чувствовать пульсирующую, жгучую, острую боль, пронизывающую меня, когда он входит в меня снова и снова.

— Черт.

Зет прижимает ко мне свою ладонь. Громкий шлепок наполняет комнату, когда его рука

соединяется с моей кожей, боль менее яркая, чем от удара тростью, но все же достаточная, чтобы заставить меня закричать.

Каждая мышца в моем теле напряжена и трепещет от ощущений, когда Зет трахает меня. Он трахает меня так сильно, что я буквально чувствую, как мой оргазм нарастает с каждым толчком, напряжение поражает меня, словно удар под дых. Снова и снова, и снова, а потом...

— Я не могу... Ох, бл*****дь. Зет, я не могу...

Зет накрывает мое тело своим, продолжая вколачиваться в меня. Он протягивает руку вверх по моему телу, берется за сосок и сильно сжимает его. В то же время чувствую, как его зубы впиваются в кожу моего плеча, посылая волну необузданной энергии, пронизывающую меня насквозь.

Я кричу. Неистово кричу, когда кончаю, мое горло словно разрывается на куски. Я не выкрикиваю его имя, не прошу его остановиться. Это просто звук, вырывающийся из меня, — чистейшее освобождение.

Зет рычит, когда кончает. До сих пор он удерживал вес своего тела, но в момент кульминации руки и ноги отказывают ему. Результат мгновенный и сокрушительный. Мы оба падаем, он сверху меня.

— Бл*дь. Прости, — извиняется он, хватая ртом воздух.

Он слегка сдвигается, отодвигаясь в сторону. Это явно лишает его остатка энергии, но он тянется вверх и срывает повязку с моих глаз. Мы оказываемся лицом к лицу, смотрим друг на друга, наши носы всего в паре сантиметров друг от друга. Его щеки слегка покраснели от напряжения, губы приоткрыты. Он выглядит словно ангел — темные волосы взъерошены, — сейчас трудно поверить, что он — тот самый извращенец, который только что отодрал мою задницу. Я начинаю смеяться. Через секунду ко мне присоединяется Зет. Он грубо целует меня, притворяясь, что рычит.

— Боже, женщина. Ты не должна смеяться после такого, — говорит он, придавая своему лицу фальшиво строгое выражение. — Все. Теперь у тебя огромные проблемы.

ГЛАВА 6

ЗЕТ

Глава 6

Мы забираемся на кровать, и Слоан сразу же отключается. А вот я — нет. Лежу, уставившись в потолок, борясь с желанием закрыть глаза. Я чертовски устал, но не могу позволить себе заснуть. Просто не могу. В последнее время мне снилась мама, пляж и набережная — но я не могу быть уверен, что сегодня ночью мне не приснится другой сон. Не факт, что я не сойду с ума и не попытаюсь задушить свою девочку, если проснусь, а она будет лежать рядом со мной. Я не могу так рисковать. Я лежу неподвижно еще некоторое

время, наслаждаясь медленным дыханием в темноте, тяжестью ее руки, лежащей у меня на животе, ее головой, лежащей на моем плече, темными волосами, рассыпавшимися по подушкам, и понимаю, что должен уйти.

Проблема в том, что я очень хочу остаться.

Она едва шевелится, когда я выскальзываю из-под нее. На кухне делаю себе кофе, добавляя вместо молока нехилую порцию Джека. Я чувствую себя дерьмово. Никогда раньше мне не хотелось спать в одной постели с женщиной. Это потрясение для меня — желание прижимать ее к себе всю ночь, защищать ее. Хуже того, ведь я тот, от кого ее нужно защищать. Такой будет наша жизнь? Неужели после занятий сексом я буду каждую ночь сбегать от нее, выскальживать из теплой постели и запираюсь в другой комнате? Меня это не устраивает. Совершенно, бл*дь, не устраивает.

Допиваю кофе и делаю еще один, на этот раз без Джека. Как только кофеин начинает действовать, одеваюсь и отправляюсь в комнату Майкла. Он открывает дверь на третий стук. Его мгновенное появление удивляет меня.

— Ух ты. Куда-то собрался?

Похоже, что да. В черном костюме и белоснежной рубашке он либо куда-то идет, либо уже подготовился к похоронам Герцогини. Майкл одаривает меня одной из своих редких широких улыбок.

— О, просто планирую встретиться с другом.

Он собирается с кем-то потрахаться. За все время нашего знакомства, Майкл никогда не рассказывал о женщинах — он был настолько молчалив, что я часто задавался вопросом, не играет ли он за другую команду, — но мне известно, что время от времени он отправляется развлекаться в одиночку. Не думаю, что доверял бы ему, если бы он этого не делал.

— Ясно. Ладно, хорошо...

Я не из тех, кто встает между парнем и его приятелем по траху. И начинаю отступать от двери.

— Ты в порядке? Тебе что-то нужно? — спрашивает Майкл. — К утру все готово.

— Да нет. Все в порядке. Я просто...

Я самый неуклюжий человек на планете. Пытаюсь повернуться и скрыться за дверью А, но тут мне на плечо ложится рука, останавливая на месте.

— Ты волнуешься? О том, что придется делить комнату? Со Слоан? — спрашивает Майкл.

Еще несколько месяцев назад я бы посмеялся над ним за такое предположение. Несколько месяцев назад я, наверное, ударил бы его достаточно сильно, чтобы остался синяк, и сказал бы, чтобы он перестал вести себя, как идиот. Но сейчас... Я поворачиваюсь лицом к своему другу, пытаюсь подобрать правильные слова.

— Я не... я не... — Делаю глубокий вдох. — Дело не в комнате. Я беспокоюсь о том, что буду спать с ней в одной постели.

Майкл не смеется, и это единственное, что спасает его от удара кулаком в лицо. Он выпячивает губы, кивая.

— Значит, тебя беспокоит сон? Потому что ты хочешь спать с ней в одной постели?

Боже, почему так трудно признаться в этом другому человеку?

— Да.

Майкл продолжает кивать, его глаза серьезны, он обдумывает мою проблему.

— Ну, — говорит он, — несправедливо, что тебе придется беспокоиться об этом всю

жизнь. Правда? — Возможно, Майкл предвидел для Слоан и меня такое же будущее, какое только что предвидел я, лежа в темноте в той комнате и ненавидя себя. — Думаю, босс, тебе следует задаться вопросом... стоит ли она того, чтобы столкнуться с подобной проблемой? Она та самая? Потому что ты можешь сохранить в своей жизни только один из этих элементов — девушку или монстра, который мучает тебя во сне. Выбор за тобой.

Откровенность его ответа меня немного настораживает — мы не говорим о таких вещах, — но я нахожусь на распутье. И то, что он говорит, имеет смысл. Конечно, хорошо быть мужчиной и демонстрировать миру суровую внешность, но иногда быть мужчиной означает признать, что тебе нужна помощь. И... и думаю, что достиг этой точки. Даже мысль об этом заставляет меня волноваться, но девушка... Слоан стоит того. Определенно.

— Майкл, подвези меня.

Он не задает вопросов. Не произносит ни слова. Он выходит из своей комнаты и закрывает за собой дверь, поправляя галстук. Я знаю ответ на заданный им вопрос, но поскольку у нас есть своя версия ГИС (*прим. пер.: DNM (Deep and meaningful) — Глубокий и содержательный. Когда два человека делятся историями о горе, любви и отверженности. Обычно включает в себя психоанализ ситуации, когда одна из сторон испытывает проблемы*), мне интересно, как бы ответил Майкл на вопрос, который задал мне минуту назад.

— Просто из любопытства... — Майкл нажимает кнопку вызова лифта. Мы ждем в тишине, и тогда я решаюсь задать оставшуюся часть вопроса: — Как ты думаешь, она та самая?

Майкл смотрит перед собой, ожидая, когда откроются двери лифта.

— О, я понял, что ты для нее тот самый, как только увидел, как она на тебя смотрит, Зи. — Он засовывает руки в карманы, прочищает горло. А потом поворачивается, смотрит мне в глаза и говорит: — Я очень рад, что ты понял, что она твоя, чувак. Потому что ты этого заслуживаешь. И она тоже.

Уже почти полночь, когда Майкл высаживает меня на другом конце города у входа в очень знакомый парк. Я не давал ему указаний куда ехать, он просто знал, куда я хотел отправиться. Точнее, не хотел. Совершенно точно я не хочу быть здесь. Но, блин... эта женщина — единственный вариант, который мне доступен в это время суток без предварительной записи.

— Обеспечишь ее безопасность, чувак? — спрашиваю я, вылезая из хэтчбека, который Майкл приобрел в «достойном месте», по его словам.

Он прекрасно знает, о ком я говорю.

— Конечно. Увидимся позже.

— Хорошо.

Захлопываю дверь и хлопаю ладонью по крыше машины, и Майкл уносится вниз по улице. Я стою перед зданием, в которое, честно говоря, не думал, что снова попаду. В многоквартирном доме, где живет Пиппа Ньюан, есть охрана и консьерж — разумный ход, если вы психиатр, который целыми днями лечит агрессивных преступников. Однако если вас впустили в дом по звонку жителя или вы сказали, что пришли к другу, вас не могут не впустить. Я прибегаю к трюку девочек-скаутов: нажимаю первую кнопку и провожу пальцем по тридцати или около того кнопкам вызова, которые подсвечиваются на панели домофона. Через мгновение дверь с жужжанием открывается.

Охранник и консьерж не задают вопросов, когда я направляюсь напрямиком к лифту. Я часто убеждался, что если вы излучаете уверенность и выглядите так, будто знаете, куда идете, к вам никто не пристаёт. Думаю, в данном конкретном случае также помогает то, что я выгляжу в два раза больше, чем они вместе взятые. У меня внутри все гудит, когда поднимаюсь на лифте на этаж Ньюан. Не знаю, волнение или страх охватывают меня, но что бы это ни было, чувствую, что меня сейчас вырвет. Чертовски нелепо.

Дойдя до двери Ньюан, я останавливаюсь. Хорошая ли это идея? Когда Слоан приезжала сюда в последний раз, эта сука сдала ее в УБН. Конечно, она была уверена, что с ее подругой не случится ничего плохого, она сделала это, потому что хотела, чтобы Слоан выдала меня. Ничто не помешает ей поступить так еще раз. Поэтому нет, полагаю, что это ужасная идея, но я должен рискнуть. Слоан того стоит. Такое ощущение, что от этого зависит очень многое. Я сжимаю кулак и с силой бью им по массивной деревянной двери.

И жду.

Ничего.

Наверное, ее нет дома. Я уже потянулся к карману за инструментами для взлома замков — не говорите, что удивлены тем, что осужденный преступник поджидает в темноте, — когда с другой стороны двери раздалось тихое скобление. В двери есть глазок, но я его не закрываю. Отступаю назад, чтобы доктор могла хорошо рассмотреть, кто стоит на ее пороге.

— Какого хрена тебе надо? — раздаётся из-за двери голос Ньюан.

Я пожимаю плечами.

— Твоя помощь, — говорю как есть. — Не так давно, ты предлагала свои услуги. Я надеялся, что это предложение все еще в силе.

Наступает долгая пауза, Ньюан переваривает сказанное. Затем я слышу ее смех.

— Ты похитил меня и приковал наручниками к унитазу.

— Ты предала подругу. И заслужила это.

Снова тишина.

— С чего ты взял, что я впусти тебя в свою квартиру? Один на один? Откуда мне знать, что ты пришел не для того, чтобы убить меня?

— Если бы я пришел, чтобы убить тебя, я бы не стал стучать. Если не хочешь впускать меня в свою квартиру, доктор Ньюан, то мы можем поболтать через закрытую дверь. Я не против.

Наступает отчетливая тишина. Такая, что мне кажется, что Ньюан отошла от двери — может, чтобы взять телефон? Возможно, Лоуэлл окажется здесь раньше, чем я надеялся.

— Что скажешь, Ньюан? — спрашиваю я.

Я удивляюсь, когда она отвечает сразу же, и громче, чем раньше. Она никуда не уходила.

— Скажи, почему. Скажи, почему ты хочешь сделать это сейчас.

— Потому что не хочу причинять ей боль. Потому что хочу сделать ее счастливой.

Это два самых правдивых утверждения, которые я когда-либо произносил. Я никогда не хотел ничего большего. Наступает пауза, затем раздается легкий щелчок поворачиваемого замка. Дверь приоткрывается на пару сантиметров, и на меня с подозрением смотрит Пиппа Ньюан. Она в пижаме, волосы собраны в беспорядочный пучок на макушке. Наверняка она тратит дохера времени на то, чтобы привести себя в порядок, но в таком виде она гораздо привлекательнее. Я понимаю, почему парень может обратить на нее внимание. Возможно.

— Оставайся там, — говорит она мне.

Я отступаю на шаг от двери, прислоняясь спиной к противоположной стене. Поднимаю руки вверх — никакого оружия. Она открывает дверь чуть шире и прислоняется к косяку.

— У тебя ничего не получится, Зет, — говорит она мне.

— И почему же?

— Потому что ты помешан на контроле, а участие в терапии означает, что ты должен передать контроль другому человеку. Или, по крайней мере, признать, что кто-то другой может лучше справиться с ситуацией, чем ты.

Не думал об этом раньше, но, наверное, она права. Возможно, именно поэтому я был так чертовски оскорблен, когда она попыталась в ультимативной форме заманить меня в свой офис в первый раз, когда я вернулся в жизнь Слоан.

— Я могу признать, что ты компетентна, чтобы помочь мне. Разве этого недостаточно?

Прищурившись, она смотрит на меня. Скрещивает руки на груди.

— Возможно. Жди здесь. — Она отступает, не сводя с меня глаз, пока не исчезает в полумраке неосвещенной квартиры. Я делаю, как она сказала, и не двигаюсь с места. Когда она возвращается, я не могу сдержать улыбку. У нее в руке электрошокер. Она держит его так, чтобы я мог хорошо его видеть. — Если мы собираемся это сделать, то он должен быть всегда при мне. Ты понимаешь, что я вырублю тебя и вызову полицию, не раздумывая, верно?

— Да. Я понимаю.

— Тогда ладно. Можешь зайти.

Честно говоря, я немного удивлен, что она согласилась. Если бы я был на ее месте, то, наверное, даже не открыл дверь. Она снова скрывается в тени, и я следую за ней в квартиру, мои движения медленные и продуманные. Меня никогда раньше не вырубили электрошокером, но могу представить, что это не особо весело. Ньюан включает свет где-то внутри квартиры, и ее холодный, стерильный мир оживает под светом галогенных прожекторов. Она указывает головой в сторону массивного дивана, который стоит перед огромной стеклянной стеной.

Телевизора не видно. Словно вид на город, открывающийся из окон от пола до потолка, сводит на нет необходимость в подобной вещи. Я иду по квартире, борясь с ухмылкой, когда Ньюан направляет электрошокер мне в грудь. Снимаю куртку, в основном для того, чтобы она увидела, что на мне только футболка, а под кожаной курткой ничего нет, и опускаюсь на диван.

Ньюан бочком проходит мимо меня и присаживается на краешек вычурного, совершенно неудобного на вид кресла. Если бы кресло было человеком, это была бы супермодель — слишком худая и пафосная.

— Так о чем ты хочешь поговорить? — спрашивает Ньюан.

— Разве ты не должна задавать мне вопросы?

Она закатывает глаза. Наверняка эта женщина была задиристой соплячкой в школе.

— Зет, уже полночь. У нас не типичный сеанс, верно? Давай сразу перейдем к делу.

— Хорошо. — Я смотрю на нее, гадая, как она к этому отнесется. Я никому не рассказывал о тьме, которая меня терзает. Ни одной живой душе. Хотя достаточно часто представлял себе реакцию окружающих. Отвращение. Ужас. Жалость. Жалость — самое страшное. — Мне снятся кошмары, — говорю я ей. — И я часто бываю жестоким, когда просыпаюсь от них.

— Что происходит в этих кошмарах? — спрашивает она.

Перемена в ней незаметна, но для меня совершенно очевидна — она вдруг становится врачом, хотя и очень подозрительным, осторожным врачом, а не женщиной, затаившей обиду. То, как она спрашивает о моих кошмарах настолько небрежно, настолько отрывисто и клинически, что мне легко рассказать ей об этом. Почти.

— Я сплю в своей кровати, — говорю я ей. — Маленький. Не знаю, сколько мне лет.

— До или после того, как убили твоих родителей? — вклинивается Ньюан.

Никакого мягкого, нежного подхода. Она погружается в вопрос сломя голову.

— После, — говорю я.

— Ты знаешь, где находишься?

— Да.

Она окидывает меня взглядом.

— Я в своей спальне. Лежу в своей постели у Чарли дома.

— Ясно. И что происходит, когда ты лежишь в постели в доме Чарли?

— Я просыпаюсь, на моем лице подушка. Я не могу дышать.

Ньюан кивает, переключая электрошокер из одной руки в другую. Разве она не должна записывать всю хр*нь которую я говорю или что-то в этом роде?

— И как ты реагируешь на это? — спрашивает она.

— Я слетаю с катушек. Брыкаюсь, вырываюсь, борюсь за свободу. Я падаю с кровати и прижимаюсь к стене. Я вижу... вижу его.

— Его?

— Он говорит, что он — это я, моя тень, но я знаю, что это не так. Этот мужчина совсем взрослый и от него пахнет бурбоном, а я маленький. Я очень маленький.

— Так ты с ним разговаривал?

— Он разговаривал со мной.

— Он говорит что-то помимо этого?

— Он говорит, что убьет меня.

— И как ты на это реагируешь?

Я злобно смотрю на нее.

— Плохо.

— Я пытаюсь понять, что это за версия тебя, Зет. Иногда подсознание воплощает наши тайные страхи, делая нас слабыми в наших сновидениях, лишая силы, так что мы чувствуем себя неспособными защитить себя или обороняться. Часто это связано с чувством незащищенности, которое мы можем даже не осознавать в повседневной жизни. А учитывая то, какую жизнь ты ведешь, не удивлюсь, если именно это с тобой и происходит.

— Это не совсем то, что происходит, — говорю я ей.

— Неужели? Потому что ты непобедим, надо полагать? Потому что ты большой, плохой

Зет Мэйфейр и ни о чем, бл*дь, не беспокоись?

Я смеюсь над этим. Ей удастся относительно хорошо скрывать это, но мне хочется указать на это: Эй, док. Твое презрение бросается в глаза.

— Нет. Я не непобедим. И я беспокоюсь о разных вещах. С каждым гребаным днем, кажется, все больше и больше. Я говорю, что это не то, что происходит со мной, потому что на самом деле это не так. Моему подсознанию наплевать на то, что происходит в моей голове, когда я сплю. Это больше похоже на сломанный видеоманитофон. Он воспроизводит одно и то же на повторе снова и снова. Он воспроизводит то, что произошло на самом деле.

Ей требуется секунда, чтобы осмыслить мои слова.

— Так это реально? Происходило на самом деле?

— Да.

Она бросает на меня осторожный взгляд, которым, как я полагаю, она награждает всех жертв жестокого обращения.

— А этот человек, что... он пытается убить тебя?

Я киваю. Похоже, мои воспоминания хотят заявить о себе — хотят заявить о гневе. Я не должен ни с кем делиться этой мрачной, дерьмовой частью себя. Должен спрятать это подальше и позволить гнить внутри меня. Пусть это разлагается изнутри. Я чувствую затхлый запах алкоголя, когда думаю о том, чем собираюсь поделиться с женщиной, сидящей в другом конце комнаты. Я ощущаю кислый запах тела и вкус собственного подросткового страха во рту.

— Он каждый раз приходит за мной. Он набрасывается на меня с кулаками. Его кожа блестит от пота, он голый...

— Он совершает над тобой сексуальное насилие?

Я сказал Слоан, что никогда не подвергался сексуальному насилию, и это правда. Но правда и то, что я, возможно, подвергся бы ему, если бы не сопротивлялся так упорно.

— Он был... у него всегда была эрекция. Я чувствовал, как его член упирается в меня, когда он боролся со мной. Но я не позволял ему приблизиться настолько, чтобы что-то сделать.

— Он никогда не трогал тебя?

Я закрываю глаза.

— Нет.

Меня никто не трогал, потому что я кусался, пинался, царапался, боролся из последних сил. Я боролся с самоотверженностью человека, который скорее умрет, чем подвергнется такому унижению. Я был молод, и этого было достаточно. Но я не мог избежать избиения.

— Как часто это происходило?

— Не знаю. Каждую ночь. Каждую ночь в течение многих лет.

— Но когда тебе снится сон, ты всегда переживаешь это как в первый раз, верно?

— Да.

Я уже знаю, почему: первый раз было страшнее всего. Когда это случилось в первый раз, я был маленьким и не знал, что мне предстояло оказаться в руках монстра, который каждую ночь будет прокрадывался в мою комнату. Позже я ожидал этого. Я знал, что это произойдет, и ждал. Я привык к побоям, даже в столь юном возрасте, учитывая склонность моего дяди к алкоголизму и распусканию рук. Но да, первая ночь была другой. В ту первую ночь, в темноте, когда тень обнаженной фигуры сказала, что собирается меня убить, я

услышал в его голосе намерение и понял, что он говорит серьезно. Я знал, что мне придется бороться за жизнь.

— Ты страдаешь не из-за кошмаров, Зет, — говорит Ньюан. — Это твой разум умоляет о помощи. Подсознание умоляет тебя, требует разобраться с травмой, которую ты пережил в детстве, потому что какая-то часть в тебе все еще борется с темной фигурой в твоей голове. Несмотря на то, что ты уже взрослый и физически сильный человек, каждую ночь ты все еще переживаешь то, что произошло, потому что никогда не чувствовал, что перестал бороться за свою жизнь.

Слова Ньюан задевают за живое, что-то в глубине моей души. Одной мысли об этом — мысли о том, что я все еще маленький тощий засранец, по-прежнему сражающийся, после столь долгого времени, — вызывает тошноту.

— И что ты хочешь этим сказать? Я должен взять себя в руки и встретиться с этим лицом к лицу? С чем мне нужно встретиться? Я не знал, кто тот парень. По ночам возле дома Чарли всегда ошивалось не менее двадцати-тридцати парней. Это мог быть любой из них.

Ньюан качает головой.

— Ты точно знаешь, кто это был. Когда будешь готов, сможешь прийти к этому осознанию самостоятельно. А пока, да, полагаю, что твое довольно краткое подведение итогов верно. Тебе нужно набраться мужества. А это означает продолжение терапии. Это не так просто исправить, Зет. Ты ненормальный.

Я смеюсь.

— Это твой официальный диагноз?

— Мне не нужно было разговаривать с тобой, чтобы понять, что ты еб*нутый. Но да.

— Значит, мне предстоит остаток жизни разгребать бардак в голове? Всю жизнь вести дневник и говорить о своих чувствах? И тогда я, возможно, не буду пытаться убить любого, кто случайно окажется в одной комнате со мной, пока сплю?

Я говорю «любого», но совершенно очевидно, кого я имею в виду — Слоан. Ньюан склоняет голову в сторону, бросая на меня любопытный взгляд.

— Ты на самом деле заботишься о ней, да? Я знала, что это так, но это... это полностью противоречит твоему типичному поведению. Не думала, что ты когда-нибудь окажешься в таком состоянии.

— Не распускай нюни, Ньюан. Я все еще остаюсь собой.

Она пожимает плечами. Я с некоторым удивлением отмечаю, что электрошокер последние нескольких минут лежит на подлокотнике ее кресла.

— Ну ладно, — говорит она. — Отвечая на твой вопрос, скажу: да. Тебе предстоит много работы. Но я могу помочь. — Она хмурится, словно предложение помощи причиняет ей физическую боль. — Сказать, что я испытываю противоречивые чувства — преуменьшение, но если ты готов приложить все усилия ради Слоан, то я — последний человек, который будет тебя отговаривать от этого. Мы можем видеться два раза в неделю. Запустим процесс. А пока, если тебя беспокоят вспышки гнева, я могу дать лекарства, которые помогут справиться с этим.

— Снотворное?

— Нейролептики (*прим. пер.: Нейролептики — психотропные препараты, которые подавляют высшую нервную деятельность и угнетают работу вегетативной нервной*

системы).

Я встаю. Преодолеваю половину пути к выходу, когда Ньюан понимает, что она облажалась.

— Я не имею в виду, что ты психопат, Зет. Я имею в виду, что нейрорепти, как было доказано, значительно помогают, когда...

— Заткнись нахрен. — Я поворачиваюсь, направляя на нее всю силу своего гнева. — Я не буду принимать долбаные таблетки, Ньюан. Ничего. Ни снотворное. Ни еб*ные нейрорепти. Ничего.

— Хорошо. — Она поднимает руки — электрошокер снова крепко зажат в ее правом кулаке. — Забудь о лекарствах. Я все равно помогу тебе.

— И какого черта ты это делаешь? — рычу я.

Она выглядит несчастной, опустив руки.

— Потому что... несмотря на то, что ты думаешь, я люблю свою подругу, Зет. И знаю, что все испортила, но единственное, чего я хотела, это чтобы она была в безопасности. Если я смогу помочь тебе, если удостоверюсь, что ты здоров и справишься со своим прошлым, то ни за что на свете не причинишь ей вреда, я уверена в этом.

Мне хочется блевать на ее полированную плитку. Как никто другой, эта женщина способна заставить меня почувствовать себя кучей дерьма.

— Ладно, хорошо. Я приду к тебе, Ньюан. Но, клянусь богом, если ты попытаешься что-нибудь проверить с копами...

— Не буду. Обещаю. Но ты должен попытаться. — Я злобно смотрю на нее, борясь с желанием спросить, какого черта, по ее мнению, я сейчас делаю. — Просто приходи сюда — не поможет, Зет, — говорит она, словно читая мои мысли. — Ты не можешь продолжать называть меня Ньюан. Ты используешь мою фамилию как оружие — как ты поступал с другими заключенными, когда сидел в тюрьме? Ты видел в них своих врагов. Людей, которых нужно держать на расстоянии. То же самое ты делаешь со мной. Если ты видишь во мне врага, мы не сможем работать вместе, чтобы добиться желаемого результата.

Часть меня хочет убежать без оглядки. Я хочу выйти за эту дверь, захлопнуть ее и никогда, черт возьми, не возвращаться. Не могу поверить в то, о чем она говорит — мы работаем вместе, чтобы исправить меня. Как команда. Но затем вспоминаю, как голова Слоан прижималась к моей груди, её успокаивающий вес и понимаю, что сделаю все, что потребуется. Я хочу дать ей то, что она хочет. Секс — конечно, хорошо, но я знаю ее. Она жаждет от меня такой близости, которую я боюсь дать сейчас, потому что последствия могут быть слишком плачевными. И более того, не думал, что доживу до этого дня, но я тоже хочу такой близости.

— Хорошо. Я попытаюсь.

— Хорошо. Я рада. Правда. Но... ты же знаешь, что это будет трудно, правда?

Я открываю дверь, останавливаясь на пороге.

— До сих пор ничто в моей жизни не было легким, Пиппа. Я был бы чертовски удивлен, если бы сейчас вселенная решила дать мне передышку.

ГЛАВА 7

СЛОАН

Глава 7

Я просыпаюсь от запаха яичницы. Другая сторона кровати удручающе пуста. Сердце замирает — глупо, конечно, но иногда девушкам хочется, чтобы их удивляли. В хорошем смысле, а не под дулом пистолета или чем-то еще столь же ужасным. Пока я об этом думаю, тишину комнаты нарушает тоненький вскрик, и мое сердце подскакивает к горлу. Я резко поднимаю голову и вижу, что на меня смотрит пара теплых карих глаз. Это шнауцер Эрни, растянувшийся в конце кровати у меня в ногах. Он издает недовольный звук — оууу, — облизываясь, явно несчастный оттого, что его потревожило мое пробуждение, и опускает голову на лапы.

— Ох. Это ты, — говорю я ему.

Он смотрит на меня краем глаза, его длинные серые усы подергиваются, когда он издает тихое «уфффф», которое, как я полагаю, является неполноценным «гав». Он продолжает ворчать, а я, поджав под себя ноги, сползаю с кровати. Тело болит так, что про себя улыбаюсь. Зет-боль. Мне нравится Зет-боль.

Вчера вечером я почти ничего не видела в апартаментах. Я заглядываю в комнаты, пока иду на запах готовящейся яичницы: одна, две, три спальни, комната, похожая на кабинет, это немного странно, и то, что я могу описать только как душевая. В центре последней комнаты по правую сторону от кухни находится миниатюрный бассейн, не больше метра, но по темно-синему оттенку воды могу сказать, что он очень глубокий.

— Доброе утро, — раздается голос позади меня.

Майкл. Я оборачиваюсь, и там стоит он в изысканном черном костюме, черной рубашке и черном галстуке.

— Доброе утро, — отвечаю я. — Почему ты выглядишь так, будто идешь на похороны?

Он приподнимает бровь, глядя на меня.

— Потому что мы собираемся на похороны. Зет тебе не сказал?

— Нет.

— Герцогиня. — Майкл понимающе кивает мне. — Чарли опубликовал некролог в «Сиэтл таймс». Он будет там, а это значит...

— Лэйси, вероятно, тоже.

Снова кивок.

— Я подготовил для тебя платье. Оно висит на кухне.

Когда я прохожу на кухню, белый пакет с одеждой зацеплен за ручку одного из шкафов высотой до головы, а Зет Мэйфейр стоит у плиты и помешивает, судя по всему, в сковороде яичницу. Он оглядывается через плечо, видит меня и прекращает свое занятие. Не могу не заметить, что он выглядит усталым.

— Тебя разбудила эта маленькая дрянь? — спрашивает он меня.

— Кто? Майкл?

— Нет, Эрни.

Он указывает мне за спину — на потрепанного шнауцера, стоящего за моей спиной. Его мех курчавый и торчит дыбом. Словно свалевшийся после сна.

— Вообще-то, я его разбудила, — сказала я Зету. — Он был не слишком рад этому.

Зет хмыкнул, скрывая небольшую улыбку.

— Ему явно наплевать на то, что он находится вдали от Лоуэлл. Бедный убудок, наверное, не простит нас, когда мы его вернем.

Эрни склоняет голову в одну сторону, странные брови мелкого шнауцера, кажется, собрались вместе, комично нахмурившись.

— Возможно, ты прав.

Зет возвращается к своему полузабытому занятию и снимает сковороду с огня, выкладывает яичницу на предварительно намазанные маслом ломтики тоста. Три порции. Одну протягивает Майклу, другую мне, и по кухонной столешнице подвигает столовые приборы.

Должна сказать, что я была немного шокирована, когда попробовала приготовленное блюдо, на вкус оно напоминало яичницу. Если уж на то пошло, я ожидала, что она будет отвратительна на вкус — немного подгоревшая или, по крайней мере, слишком соленая. Оказывается, мой мужчина умеет готовить, по крайней мере, простые блюда. Майкл салютует Зету вилкой и уходит с едой из кухни, чтобы поесть в другом месте.

— Ты не рассказал мне о похоронах, — говорю я, набивая рот.

Зет опирается на столешницу, и его массивная фигура внезапно оказывается в моем личном пространстве.

— Я был слишком рад видеть, что ты все еще жива.

— А сейчас?

Он кивает.

— К тому же... — на его лице появилась неловкая гримаса, — вся эта история с Лэйс...

— Знаю. Возможно, она не захочет возвращаться с нами.

В глазах Зета сверкнула холодная, острая сталь.

— Я не собираюсь предоставлять ей выбор.

Честно говоря, забрать Лэйси, возможно, будет лучше. Исключив ее из ситуации. Но все, что я сейчас представляю, — это разборки у могилы и кучка очень скандальных людей, которые горюют, и, если честно, не думаю, что это закончилось хорошо. Не могу придумать, что сказать, и поэтому молчу. Зет отправляется на поиски Майкла, говоря что-то о плане действий.

Покончив с завтраком, я выхожу из кухни и застаю их в гостиной, где оба возятся с Эрни. Они не замечают меня, и наблюдение за тем, как они перебирают руками шерсть собаки, чешут ей живот и грубовато с ней обращаются, вызывает у меня улыбку. Никогда бы не подумала, что кто-то из них любит собак, и, тем не менее, перед моими глазами разворачивается умильное зрелище. Им нравится эта чертова собака.

Первым меня замечает Зет. Он вскакивает, вытирая руки о джинсы. Прочистив горло, указывает на Эрни.

— Мы проверяли его на наличие... кишечных червей.

— Я так и подумала. Что-нибудь нашли?

— Все в порядке.

Я едва могу сохранять невозмутимое выражение лица.

— Это обнадеживает. Пойду подготовлюсь. Похоже, нам предстоит долгий день.

Католическая церковь Святого Финнегана — это высокое старинное здание на окраине Хант-Пойнта. Когда мы подъезжаем к церкви, раздается звон колоколов — значит, гроб Герцогини уже занесли внутрь. Майкл паркует машину на улице перед церковью — там достаточно свободного места; Майкл, Зет и я направляемся внутрь. Платье, которое Майкл купил для меня, выглядит солидно, но в то же время облегает мою фигуру, возможно, слишком откровенно, учитывая обстановку. Впрочем, я никогда не встречалась с Герцогиней. И, несмотря на стрессовую причину нашего пребывания здесь, Зет помогает мне выйти из машины, проводя руками по моим изгибам — нежное, жгучее напоминание о нашей маленькой игре с тростью. Мы поднимаемся по дорожке ко входу в церковь, и я изо всех сил стараюсь не наслаждаться его прикосновениями.

Интерьер церкви Святого Финнегана типичен для католической церкви. Множество скамей из темного дерева, витражи, золотая филигрань и десятифутовое изображение Христа на кресте в дальнем конце здания в апсиде. Запах поражает меня, как напоминание из прошлого. Пыльные книги, дерево, воск, ладан, крахмал для рубашек — это запахи моего детства.

На скамьях сидит не очень много людей. Видимо, этим объясняется наличие свободных парковочных мест на улице. Первые два ряда заняты, возможно, двадцать или около того человек сидят к нам спиной, когда мы идем к алтарю. Мои каблукки гулко отдаются под высоким сводчатым потолком, когда мы пытаемся пробраться на службу незамеченными. Никто не оборачивается, чтобы посмотреть, кто пришел с опозданием. Священник, стоящий перед прихожанами, делает паузу в словах и одаривает нас натянутой улыбкой, когда Зет направляет меня к одной из пустых скамей слева, на полпути к церкви. Он продолжает, только когда мы усаживаемся.

Никто из нас не обращает внимания на службу. Из нас троих я, пожалуй, самая мелкая, вытягиваю шею в поисках знакомых светлых локонов. Лэйси нигде не видно. Колено Зета начинает подпрыгивать вверх-вниз — он тоже ее не видит.

— Бл*дь, — шепчет он себе под нос. Ругаться в церкви? Несмотря на то, что моя вера отсутствует уже довольно давно, я чувствую, как краснеют мои щеки. — Ее здесь нет.

Он наклоняется, чтобы прошептать, что-то Майклу на ухо. Майкл занимается тем, что сканирует мизерное количество людей, сидящих у входа в церковь. Он качает головой. Зет выглядит так, будто вот-вот взорвется от злости.

— Долбаного Чарли здесь тоже нет. И ни одного из его парней. Здесь никого из них нет, — шипит он.

Это не имеет никакого смысла.

— Но Майкл сказал, что Чарли опубликовал некролог? Почему он не пришел?

Зет сжимает челюсти, хрустя костяшки пальцев.

— Потому что он знал, что мы придем.

Кто-то оборачивается и шикает на нас, прижимая указательный палец к губам — пожилая женщина с волосами, уложенными в рульку цвета мочи. Зет просовывает руку мне под мышку и осторожно поднимает меня на ноги. Майкл не нуждается в поощрении. Он встает, и мы втроем выскальзываем обратно тем же путем, каким пришли. Меньше минуты. Мы пробыли на похоронах меньше минуты, и, похоже, все это было пустой тратой времени. Как только двери церкви закрываются за нами, Зет сжимает переносицу и ругается. На этот раз громко.

— Что это, бл*дь, за игры? Я убью его. Я убью его, нах*й.

— Нам не следует здесь болтаться, — говорит Майкл. — У него могут быть люди, готовые перебить нас по одному или что-то в этом роде.

Зоркие глаза Зета бегают слева направо, словно выискивая таинственных снайперов.

— Ты прав. — Он берет меня за руку. — Пойдем. Сваливаем отсюда.

Когда мы дошли до машины, у меня участился пульс. Паранойя разыгралась не на шутку. На обочине нет подозрительных машин. Никаких сомнительных людей в костюмах, прячущихся за надгробиями в парке церкви. Но я не могу избавиться от этого чувства... Я чувствую, что должно произойти что-то плохое. Майкл держит наготове ключи от машины. Он уже собирается открыть дверь машины, когда Зет, отпустив мою руку, хватается за локоть.

— Подожди. Подожди секунду.

Бум, бум, бум — мое сердце стучит как барабан. Зет смотрит на машину, сведя брови. Майкл делает то же самое.

— В чем дело, босс? Ты что-то заметил?

Зет качает головой.

— Не уверен. Проверь колесные арки.

Майкл опускается на колени и начинает осматривать днище автомобиля, а Зет решительно открывает капот машины. Именно Майкл находит устройство.

— Бл*дь, Зи.

Это все, что он говорит. Это все, что он успевает сказать. Он вскакивает на ноги, а затем Зет обхватывает меня за талию и бежит. Я теряю туфли. Мою грудную клетку и все еще раненое плечо пронзает боль. Зет что-то кричит, но я не слышу его слов. Мой пульс заглушает все. А затем это происходит.

Странно, но в моей памяти запечатлелся не звук взрыва, а звук бьющегося стекла. Прекрасные витражи в церкви Святого Финнегана разлетаются вдребезги, когда взрывается бомба, спрятанная в колесной арке нашей машины.

Небо.

Бетон.

Небо.

Бетон.

Небо...

Я вижу, как бетон приближается ко мне. Чувствую невесомость в животе. Чувствую множество сил, словно схвативших меня за руки, толкающих и тянущих меня в разных направлениях. Чувствую, как из моих легких высасывают кислород.

А затем перестаю чувствовать.

ГЛАВА 8

ЗЕТ

Глава 8

— Ты готов, детка? Боже, Пол. Смотри. Смотри.

Пронзительный свистящий звук пронзает мои барабанные перепонки. Не знаю, было ли мне когда-нибудь так плохо. Моя голова... голова раскалывается. Такое чувство, что мой мозг буквально восстает против остального тела, намереваясь причинить мне такую сильную боль, что я просто умру. Бл*дь. Приходится приложить много усилий, чтобы принять сидячее положение. Плечи, локти, запястья — каждый отдельный сустав в моем теле — ощущаются так, словно их вывихнули и грубо вправили на место.

Я чувствую запах сахара. Что-то сладкое.

— Не могу в это поверить, — шепчет женский голос.

Это шепот, тихий, слова глубоко прочувствованы, но громкость слов высокая. Громко, до боли в ушах. Я не понимаю, что происходит. Открываю один глаз, затем другой, и боль в голове усиливается. Передо мной яркий прямоугольник белого света. В нем движутся темные фигуры.

— Он даже не понял. Смотри, — снова шепчет женский голос.

Я прищуриваюсь, пытаюсь прояснить зрение, и все начинает приобретать правильные очертания. Киноэкран. Я смотрю на экран кинотеатра. А на экране...

— Он такой большой мальчик. Я и не думал, что он будет так быстро расти.

— Да, он будет таким же высоким, как его отец.

Моя мать. И мой отец. Ну, человек, которого я помнил как своего отца до того, как Чарли разрушил мою гребаную жизнь и объявил, что на самом деле он мой отец. Отец обхватывает маму сзади за талию, его подбородок упирается ей в плечо, и они вдвоем смотрят, как пухленький малыш поднимает свои пухлые ручки над головой и шагает, пошатываясь, по длинной дорожке.

— У него твои глаза, Пол, — говорит другой голос где-то на заднем плане. — Такие темные. С такими глазами он будет наводить ужас на дам.

Моя мама поворачивается к камере — она знает, что их снимают, — и высовывает язык перед снимающим.

— Ой, заткнись, Ди. Мне невыносимо это слышать. Он никогда не вырастет. Он навсегда останется моим маленьким мальчиком.

Ди, кем бы она ни была, смеется.

— Ты будешь самой заботливой матерью, да? Твой ребенок не приведет домой женщину, пока не женится на ней, боясь, что ты возненавидишь ее с первого взгляда.

На заднем плане ребенок плюхается назад, приземляясь на попу. Из трещин на бетоне, где он сейчас сидит, пробивается трава, зеленые стебли тянутся к небу. Малыш сосредотачивается, обхватывает горсть маленьким кулачком и пытается вырвать их с корнем.

— Нет, Зет. Это не еда, малыш.

Моя мать высвобождается из объятий отца и поднимает ребенка — меня — с земли. Затем поворачивается, и я предстаю перед камерой, словно трофей, который она не может перестать демонстрировать миру. Уже тогда мои глаза были темнее обычного шоколадно-коричневого цвета. Я протягиваю грязные, перепачканные руки и пытаюсь шлепнуть ими по объективу камеры.

— Нет, детка. Это новая камера Герцогини. Ты не можешь ее сломать. Психопат Чарли разозлится.

— Эй, пожалуйста, не называй его так. И не называй меня Герцогиней. Меня это бесит.

Мама обращает свои огромные, широко раскрытые глаза на камеру, глядя прямо в объектив.

— Чарльз Холсан, ты высокомерный придурок и дерьмово обращаешься с моей лучшей подругой. Надень ей кольцо на палец и заделай ребенка или оставьте ее, к чертовой матери, в покое.

Она смеется, и серьезное выражение лица сменяется широкой улыбкой, которая озаряет ее лицо. Она выглядит точь-в-точь как Лэйси. Красивая.

— Он совсем не так плох, как все о нем думают. Тебе стоит узнать его получше. Вы оба ему очень нравитесь.

— Я ему не нравлюсь. Он меня ненавидит, — говорит мой отец. — По мнению этого человека, я все делаю неправильно.

— Просто у него никогда раньше не было бухгалтера, Пол. Не волнуйся. У него тонкий английский юмор. К нему нужно привыкнуть. Ладно, мне пора. Тебе, — обращается к моей маме женщина, Герцогиня, и ее наманикюренные ногти вдруг становятся видны на экране, когда она указывает пальцем, — нужно не забывать проявлять любовь к своему мужу. А то он начнет думать, что у тебя появился любимчик.

Мама улыбается Полу через плечо, крепко прижимая меня к своей груди.

— О-о-о, детка. Ты же знаешь, что я тебя люблю, правда? — Она расплывается в лукавой улыбке. — Но Зета я люблю больше. Он создание от нас с тобой. Он совершенство. Я никогда не полюблю ничего и никого на свете так сильно, как этого маленького мальчика.

Сердце словно совершает кувырки в груди. Глаза горят словно в огне. Я пытаюсь принять вертикальное положение, но мое тело очень сильно болит. Мне нужно встать. Мне нужно найти Слоан и Майкла. Я стискиваю зубы, используя комбинацию силы верхней части тела и импульса, чтобы подняться.

Чей-то голос раздается в темноте, почти надо мной. Я чуть не обделался.

— Это всегда было ее гребаной проблемой, понимаешь? Она всегда любила тебя больше всего на свете.

Чарли Холсан сидит справа от меня, удобно откинувшись в мягком кресле. Он поворачивается и окидывает меня оценивающим взглядом.

— Неважно выглядишь, мой мальчик. У тебя болит голова?

— Иди на х*й, придурок.

— Ха! Мне, бл*дь, это нравится. Ты всегда был охренительным сквернословом.

Чарли возвращается к просмотру видео на экране, словно меня и не существует. Я оглядываюсь по сторонам. Телохранителей нет. Ни Слоан. Ни Майкла. Ни Лэйси. Никого. Только он и я в пустом кинотеатре. Это старая комната, традиционная. С парчовыми занавесками, которые раздвигаются в начале фильма, открывая новый, фантастический мир, в который вы собираетесь погрузиться. На сиденьях нет подставок для напитков, и они не откидываются. Судя по искусно вырезанному карнизу на потолке и большой арке над экраном, это место определенно было построено в двадцатые годы.

Я с трудом поднимаюсь на колени, а затем снова опускаюсь в кресло слева от себя.

— Где остальные, Чарли? Где, черт возьми, Слоан? Что, мать твою, ты задумал?

Чарли поднимает руку, указывая одним пальцем в воздух. Видеозапись со мной и моей мамой начинается сначала. *Ее смех. Ты готов, детка? Боже, Пол. Смотри. Смотри.* Я делаю свои первые неуклюжие шаги по неровной дорожке.

— Я полюбил твою мать с первого взгляда. Ты знал об этом? — Чарли говорит, игнорируя мой вопрос.

Хочу отрезать этому ублюдку язык только за то, что он говорит о ней. Я не буду с ним разговаривать. Я найду своих друзей, а потом прикончу этого жалкого ублюдка.

— Где. Они?

Чарли снова смотрит на меня, на его лице едва заметная улыбка.

— Боюсь, они смотрят другой фильм. Этот им не очень понравился. Особенно твоей сестре. У нее было несколько тяжелых дней.

— Потому что ты убедил ее, что Герцогиня — ее мать, хотя это не так, черт возьми. А теперь эта женщина мертва.

— А теперь эта женщина мертва, — соглашается Чарли, медленно кивая головой. Он постукивает указательным пальцем по подбородку, похоже, размышляя о чем-то. — Полагаю, с моей стороны было довольно дерьмово так поступить. Но жизнь — это замкнутый круг, если уж на то пошло. Герцогиня очень хотела детей. Но она не могла их иметь. А твоя мать забрала у меня Лэйси еще до того, как я успел на нее взглянуть. Поэтому я решил, что, в конце концов, будет разумно забрать Лэйси у нее. Отдать ее Герцогине.

— Герцогиня мертва. Моя мать мертва. Ты не можешь мстить мертвым, Чарли. И уж точно ты не сможешь компенсировать свои человеческие неудачи, подарив мертвой женщине фальшивую дочь.

— О, но тут ты ошибаешься, Зет, мой мальчик. Я верю в загробную жизнь, и верю, что твоя мать присматривает за своими детьми. Так что ей определенно может быть больно из-за того, во что я заставил поверить Лэйси. И она определенно обиделась, потому что ее драгоценный мальчик знает, что она была гребаной проституткой. Я забрал у нее все. Сделал так, что они остались без работы. Видишь ли, ни один человек, которого знали твои родители, не стал бы им помогать из страха перед тем, что произойдет, если я узнаю. Я сделал так, что у нее оставался только один выход, и постарался, чтобы это разрушило брак твоей матери, — он усмехается. — Именно так, как я и хотел. Конечно, это было до того, как я узнал, что она беременна моим ребенком, но все равно. Все хорошо, что хорошо кончается, верно?

Понятия не имею, в какой я форме — предполагаю, что в плохой, раз меня так далеко

отбросило взрывом, — но это неважно. Если я умру, то заставлю этого человека заплатить за то, что он сделал. За то, что он сказал. Но сначала я должен узнать правду.

— Ты ведь не мой отец, верно?

Чарли смотрит на меня холодным, каменным взглядом. Он лезет в нагрудный карман своего пиджака, достает маленький серебряный пузырек и отвинчивает крышку. Я знаю, что в нем находится. Он высыпает на тыльную сторону ладони немного мелкого белого порошка, подносит его к носу и резко вдыхает.

— Свою первую дозу кокса я принял в тот день, когда ко мне пришла Герцогиня и сказала, что ее лучшая подруга залетела. Я был так чертовски зол. Тогда же я впервые дал пощечину этой глупой корове. В общем, день, полный открытий, — он ухмыляется, словно рассказывает смешной анекдот.

Это наркотики на него так действуют. Он делает вид, что счастлив, что кайф еще достаточно силен, чтобы поднять ему настроение, но на самом деле он становится злым. Недовольным. Агрессивным. Мерзким.

— Герцогиня вбежала в комнату, вся в предвкушении радостной новости, и затараторила о том, что у Селии и Пола будет ребенок. Селия и Пол. Селия и Пол. Селия и еб*ный Пол. Он не ошибся, знаешь ли. Я на самом деле ненавидел этого ублюдка.

Чарли принимает еще одну дозу. На этот раз он не пытается скрыть улыбку.

— Тогда же я впервые в жизни позавидовал другому человеку. У меня было больше денег, чем у кого-либо из моих знакомых. Огромный, бл*дь, дом. У меня было все, что нужно, но потом появилась твоя гр*баная мать, кудрявая блондинка с улыбкой, которая, казалось, освещала весь мир, и я захотел ее. Но я не мог иметь ее из-за Пола. Потому что я ей нахрен был не нужен. Затем появился ты, и я увидел, как чертовски счастлива она из-за тебя, и я возненавидел тебя. Ты должен был стать моим сыном. Но не стал. Ты был клеем, который сделал их сильнее. — Он указывает пальцем на экран, где моя мать поднимает меня с земли, вырывая стебли травы из моих маленьких пухлых рук.

Его слова ударяют меня в грудь, словно тяжеленный шар для боулинга. Он не мой отец. Чарли не мой отец. Меня прошибает холодный пот, желудок скручивается, облегчение слишком велико. Лучше пусть мой отец будет мертвецом, которого я едва помню, чем этот тип.

— Так ты и про Лэйси соврал?

Чарли резко взглянул на меня, постукивая серебряной капсулой по голени.

— О, нет, сынок. Лэйси моя. Однажды ночью я заделал ее твоей матери. Я отправил твоего отца, ханжу Пола, за город. Ему нужно было собрать для меня деньги. Он поехал, а я навестил твою мать. Она всегда немного опасалась меня. Но к тому моменту я ждал уже много лет. Годы. И мне надоело ждать, когда на нее произведет впечатление то дерьмо, которое я ей купил, или деньги, которые я пытался ей дать. Я заставил ее впустить меня. А затем заставил ее вести себя хорошо, пока получал то, что хотел.

К черту боль в теле. Я вскакиваю со своего места и бросаюсь на мужчину. И радуюсь боли в кулаках, когда вбиваю их в лицо Чарли, раз, два, а потом меня внезапно оттаскивают от него. Я вырываюсь, бьюсь, кричу. Я не могу освободиться. О'Шеннеси и Сэмми хватают меня за плечи — должно быть, они все время прятались в темноте. Чарли выпрямляется в своем кресле и сплевывает кровь на пол. Вытирает рот носовым платком, который ему протягивает О'Шеннеси, как всегда, чертов подлиза.

— Это было довольно грубо, — говорит мне Чарли. — Честно говоря, я понимаю, почему

ты расстроен тем, что я принудил твою мать. Но ты должен знать, что, несмотря на то, как яростно она сопротивлялась, я видел по ее глазам, что ей это нравится. Она была из тех женщин, которые притворяются хорошими, а внутренне умоляют об этом. Если бы я встретил ее до того, как она вышла замуж за Пола, она была бы моей. Я ни на минуту в этом не сомневаюсь.

— В твоих, бл*дь, снах.

Пытаюсь освободиться, но, похоже, я слабее, чем думал. О'Шеннеси и Сэмми удается удержать меня, хотя я не облегчаю им задачу.

— Кстати, о снах... — говорит Чарли. — Как тебе спится в эти дни, Зет? — Что-то болезненное и неприятное скручивается внизу моего живота. — После того как ты переехал ко мне, ты никак не мог нормально выспаться.

Бл*дь. Нет. Я не хочу думать об этом сейчас. Не хочу думать о нем.

— Тебе лучше убить меня прямо сейчас или заткнуться, Чарли, иначе я перережу тебе глотку.

Он смеется.

— Точно так же ты говорил, когда я к тебе приходил. Помнишь? Иди на х*й, козел, — говорит он, подражая высокому, косноязычному голосу ребенка. — Ты меня не убьешь. Ты меня не тронешь. Я первый тебя убью. Я перережу тебе глотку.

Я не хочу вспоминать эти слова. Они не появляются в моих ночных кошмарах, но звучат очень правдиво. Я говорил их. Я говорил эти слова, когда пытался защититься... от него. Конечно, в этом есть смысл. Глубокий, очевидный смысл, который я должен был осознать задолго до этого. Дело в том, что я знал. Я знал все это время, даже тогда, но не мог признаться себе в этом. Когда Чарли приехал за мной и забрал из дома дяди в Лас-Флорес, я думал, что этот сильный, властный человек приехал, чтобы спасти меня. Он относился ко мне как к сыну. Я не хотел верить, что это он каждую ночь приходил в мою комнату и пытался изнасиловать меня. Убить меня.

Когда это только начало происходить, я убедил себя, что человек в темноте на самом деле не хотел причинить мне боль. Если он так сильно хотел заняться со мной сексом, значит, я ему очень нравился, верно? Я был слишком мал, чтобы понимать, что изнасилование и убийство идут рука об руку. Я думал, что изнасилование — это акт мучительной любви, вместо того чтобы увидеть в нем то, чем он является, — деградацию. Унижение. Акт ненависти настолько мерзкий и злобный, что даже преступники в тюрьме забивают насильника до смерти.

— Заткнись нах*й,— огрызаюсь я.

Чарли поднимает брови, глядя на меня. Видео с моей матерью перестало воспроизводиться. Он поднимает руку, жестом показывая тому, кто находится в проекционной, чтобы тот запустил его с самого начала.

— Почему ты не хочешь, чтобы я говорил об этом? — спрашивает он меня. — Значит ли это, что ты не хочешь, чтобы я рассказывал о том, как убил твоего лучшего друга, а потом позволил тебе гнить в тюрьме за его убийство? Значит ли это, что ты не хочешь, чтобы я рассказывал о том, как я пытался скинуть с дороги твою девчонку? Значит ли это, что ты не захочешь, чтобы я рассказывал о том, как скинул с дороги твою мать?

— Что?

В ту ночь, когда Чарли убил Мерфи, он дерьмово высказывался о Герцогине. Учитывая дерьмовый характер Чарли, я всегда считал, что именно поэтому он приставил мачете к его

шее и перерезал горло. Но это... это едва ли вяжется с его последним признанием. В официальном полицейском отчете о смерти моих родителей говорилось, что у моего отца была эмболия, из-за которой и произошел несчастный случай. Что он въехал на машине в уличный знак. Но Чарли... Чарли?

— Ой, да ладно. Не смотри на меня с таким удивлением. Твоя шлюха-мать сбежала с моим ребенком. Я не мог позволить ей уйти. Я не прощаю, Зет. И уж точно не забываю.

ГЛАВА 9

СЛОАН

Глава 9

— Слоан. Слоан, очнись. — Кто-то трясет меня. Грубо. Это, возможно, худшее ощущение в мире. Мне кажется, что мне не время приходить в себя. Возможно, я не очнусь еще очень долго. — Слоан, ты должна встать. Сейчас же!

Настойчивость, прозвучавшая в голосе собеседника, прорывается сквозь туман, окутавший мою голову. Все снова нахлынуло на меня — церковь, гроб, бомба. Лазурная синева безоблачного неба превращается в промышленную серость улицы подо мной. Боль, жар и паника. Я открываю глаза, и на меня смотрит Лэйси, на ее лице появляется озабоченность.

— Слава богу. Ты жива.

Ее руки дрожат, когда она проводит ими по моему туловищу, пальцы осторожно стягивают куски моего разорванного платья. Я опускаю взгляд на свое тело и вижу, что я в полном беспорядке. Гребаный беспорядок.

— Что, черт возьми, происходит? — хриплю я.

— Чарли пытался убить тебя. Но ничего не вышло, — объясняет Лэйси.

Я пытаюсь сесть, но не могу. Лэйси закидывает одну мою руку себе на плечо и поднимает меня в вертикальное положение. Комната немного кружится, но затем замедляется и останавливается совсем. Майкл лежит на полу в нескольких сантиметрах от нас. Похоже, он в отключке.

— О, черт! С ним все в порядке?

Я ползу вперед на четвереньках, нащупывая руками воротник, пытаюсь расстегнуть рубашку, чтобы проверить пульс. Он есть, сильный и ровный, хотя и немного замедленный.

— Когда вас привезли сюда, у него шла кровь из головы, — говорит Лэйси. — Но недавно остановилась. Я не знала, что делать.

Она права — у Майкла рана на голове, чуть выше правого виска. Кровь уже запеклась, образовав корочку. Я приоткрываю ему веки и пытаюсь увидеть, реагируют ли зрачки, хотя в темноте это трудно определить. Думаю, да. Возможно, его организм пытается самоисцелиться, но ему все равно нужна медицинская помощь. Первым делом я осматриваю

комнату, но не в поисках аптечки или выхода, а в поисках того единственного человека, который может все уладить. Единственного человека, который сможет все это исправить. Но его здесь нет.

— Где Зет, Лэйси? — Она бросает на меня виноватый, растерянный взгляд. У меня в животе начинается бурление, словно меня сейчас вырвет. — Лэйси, где твой брат?

— Чарли отвел его в подвал.

— Подвал? Что, черт возьми, находится в подвале? Где мы?

Помещение представляет собой темную квадратную коробку — ни окон, ни мебели. Ничего. Она абсолютно пуста, если не считать нас троих. Выход только один — стальная дверь с клавиатурой, вмонтированной в стену рядом с ней.

— Раньше здесь был старый кинотеатр, — говорит Лэйси, шмыгая носом. — Чарли сказал, что как-то приводил сюда мою маму на свидание. Когда он еще был открыт.

Я сажусь на холодную, твердую землю, подтягиваю колени и прижимаю их к груди.

— Лэйс... боже, Лэйс, Чарли не приводил сюда твою маму, уверяю тебя.

Она прикусывает губу, пристально глядя на меня.

— Знаю, — говорит она тоненьким голоском. — Я знаю, что не приводил. Но он сказал, что приводил.

— Ты знаешь, что Герцогиня не твоя мама?

Она кивает.

— Я никогда ему не верила.

— Тогда... — Я едва могу говорить. Волна гнева нарастает в моей груди, сжимая горло. — Тогда зачем ты разговаривала с ним по телефону? Почему, черт возьми, ты поехала с ним?

— Потому что... — Она закрывает лицо руками. — Сейчас это звучит глупо.

— Лэйси, скажи! — Я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать во всю мощь своих лёгких.

— Потому что я знала, что он мой отец. И... и хотела, чтобы он думал, что я поверила ему, когда он позвонил мне. Вот почему я сказала... вот почему я сказала все эти ужасные вещи. Прости меня, Слоан, правда, я ничего такого не имела в виду.

— Что? — Это абсолютное безумие. Она знала? Зет все время знал, что Лэйси — его сестра, а теперь она говорит мне, что знала, что Чарли — ее отец? Что не так с этими людьми? Почему, черт возьми, они настолько скрытны? Я хочу схватить Лэйси и встряхнуть ее. И трясти до тех пор, пока она не поймёт, что к чему. — Почему?

Белокурая девчонка пожимает плечами, дергая за нитку на порванном свитере.

— Потому что он постоянно портит жизнь Зету. И он пытался навредить тебе. Я хотела... хотела убить его. Я пыталась. Вот почему я здесь, с тобой, а не там, с ними.

— Ты пыталась убить Чарли?

— С помощью отвертки.

Все это не имеет никакого смысла. Я прижимаюсь лбом к коленям, пытаюсь отдышаться от охватившей меня паники.

— Он мог убить тебя, Лэйс. О чем ты думала?

Тишина. Когда я поднимаю глаза, собираясь отругать ее, замечаю, что по ее лицу текут слезы.

— Я хотела, чтобы вы были в безопасности. Я хотела, чтобы у вас была нормальная жизнь, которую вы заслуживаете. Вы не можете жить нормально, пока Чарли рядом, и вы... вы не сможете забыть все это, если Зет убьет его. Это будет преследовать вас.

Я хочу возразить ей, но слова застревают в горле. Честно говоря, делала все возможное,

чтобы не думать об этом. Я знала, что убийство Чарли — это единственный способ, которым Зет видит нашу совместную жизнь, как и говорит Лэйси, но старалась об этом не думать. Пыталась заставить себя поверить, что не против, потому что Чарли — плохой человек. Потому что Чарли убьет нас, если ему представится такая возможность. Но я не смирилась с этим. И старалась особо не думать об этом.

Лэйси начинает рыдать.

Я подползаю к ней и обхватываю ее за плечи.

— Зет бы не хотел, чтобы ты взяла на себя подобную ответственность ради него. И я тоже. Ты разбила ему сердце, когда ушла с этим мужчиной.

Она поворачивается ко мне, всхлипывая еще сильнее, ее голос звучит приглушенно потому что она уткнулась в мое плечо.

— Знаю. Но... он так много сделал для меня. Все. И ты тоже. И я уже убивала — Грегга Мэллори. Я подумала, что хуже не будет. Я могу сделать это снова, если понадобится.

— О, черт, Лэйс.

Я крепко прижимаю ее к себе, поглаживая по спине. Бедная девочка. Признаться, я злюсь на нее с тех пор, как она вышла из квартиры Зета вместе с Чарли. Она решила бросить нас. Предпочла его своему брату и мне. Это причинило такую боль, что словами не описать, но сейчас еще больнее. Она сделала все это, поставила себя в такое ужасное положение ради нас. Мне тяжело с этим справиться.

Слезы быстро и горячо скользят по моим щекам. Лэйси обхватывает меня за талию и плачет еще сильнее. На краткий и хрупкий миг мы безнадежны и безутешны. А затем я прекращаю это.

— Ну-ка. Садись. Нужно решить, что мы будем делать.

Я вытираю лицо тыльной стороной ладони, а затем вытираю слезы и Лэйси. Она моргает и смотрит на меня, ее маленькая фигурка дрожит, прижимаясь к моей.

— Мы ничего не можем сделать.

— Конечно, можем. Капитуляция — единственный верный способ, из-за которого мы определенно проиграем, — говорю я. — Сколько человек с Чарли?

Лэйси задумывается.

— Они шныряют туда-сюда весь день. Я не знаю.

— Ладно. Ну, я знаю, что Чарли за человек. Он не оставит нас здесь надолго. И когда он пошлет за нами, мы будем готовы. Да?

Понятия не имею, откуда взялось это дерьмо. Я знаю, что за человек Чарли? Мы будем готовы? Да? Это звучит банально и совершенно неправдоподобно, но я говорю очень уверенно. Это придает моим словам правдоподобности. Лэйс смотрит на меня с сомнением, но затем медленно кивает, продолжая жевать губу.

— Расскажи мне про отвертку, — говорю я.

— Я прихватила ее, когда они парковали машины на подземной стоянке. У них там гараж. Парни чинят там старые машины Чарли. Пока они спорили, стоит ли возвращаться за тобой и Зетом, я незаметно сунула отвертку в карман. Она была маленькой. — Она смотрит на свои руки. — Мне не следовало торопиться. Мы поднимались по лестнице, чтобы войти в здание, и я больше не могла этого выносить. Он постоянно нюхал и нюхал. Он был не в себе. И мне стало все равно. Я просто хотела, чтобы он сох. Я вытащила отвертку из кармана и собиралась вогнать ее ему в спину, но два придурка позади схватили меня прежде, чем я успела прикончить его. — Она смотрит на меня, глаза все еще ярко блестят от слез. — Чарли

это не понравилось.

— Могу представить.

— Он подготовил для меня комнату. Она была вся в розовых кружевах и красивых куклах. Кровать была огромной. Над ней с потолка свисала одна из этих штуковин. Не знаю, как они называются.

Балдахин. Когда я была маленькой, над моей кроватью был балдахин. Я чувствовала себя принцессой, и каждый вечер папа ложился со мной поверх одеяла, читая сказки Братьев Гримм, пока я не засыпала. Бедная Лэйси была лишена этого. Возможно, предоставляя ей все это сейчас, Чарли в какой-то мере пытался стать для нее отцом. Но когда твой ребенок пытается воткнуть тебе в спину отвертку, полагаю, что это все меняет. Стопроцентно.

— После случившегося он не позволил мне остаться там. Сказал, что я должна научиться уважению, и бросил меня сюда.

— По крайней мере, он тебя не убил.

— Он не может меня убить, — жалобно говорит она.

— Почему?

— Он признался мне, что Зет на самом деле не его сын. У него нет ни братьев, ни сестер. Нет родственников. Я — единственный человек на планете, кровный родственник. И... он умирает, Слоан. Ему недолго осталось жить.

Чарли Холсан умирает. Спасибо Вселенной. Не думаю, что когда-либо была так счастлива, услышав смертельный прогноз. Это делает меня ужасным, ужасным человеком? Зет предполагал, что Чарли болен, и теперь, когда это подтвердилось, у меня словно груз с плеч свалился. Понятия не имею, почему. Я все еще заперта в бетонной коробке без возможности выбраться. Я по-прежнему не знаю, где находится человек, которого люблю, и все ли с ним в порядке. Но почему-то осознание того, что Чарли осталось недолго жить, успокаивает.

Спустя час, в течение которого я обнимала и успокаивала Лэйси, Майкл начал шевелиться. Его веки приоткрылись, правая ладонь произвольно сжимается и разжимается.

— Майкл? Майкл, ты в порядке?

Я снова проверяю реакцию его зрачков, хотя все равно трудно понять, как реагируют его радужные оболочки при таком слабом освещении. Он что-то бормочет себе под нос, глаза ни на чем конкретном не фокусируются, а затем его система словно перезагружается прямо у меня на глазах. Он резко вдыхает, глаза расширяются, спина выгибается, и Майкл резко приходит в себя. Словно все время бодрствовал. Он смотрит на меня, между его бровей образуются две небольшие складки.

— Где Зи?

Это его первые слова. Никакого замешательства по поводу того, где мы находимся. Он не проверяет себя на предмет травм. Где Зи?

— Мы не знаем.

Я прикладываю кончики пальцев к его шее, проверяя пульс. Все еще медленный, но стабильный. Если бы мы находились в больнице, и он был моим пациентом, я бы очень беспокоилась. Я бы оставила его на несколько дней в больнице, чтобы понаблюдать за ним. Необходимо было бы сделать МРТ, чтобы проверить работу мозга и внутренних органов. За Майклом круглосуточно наблюдали бы, по меньшей мере, три человека, каждый из которых отвечал бы за то, чтобы убедиться в том, что разные части тела Майкла функционируют

должным образом.

Про свои травмы я бы сказала то же самое. Однако, поскольку мы не в больнице, мне остается только оценить его самочувствие и действовать согласно ситуации. Не то чтобы я могла что-то сделать, если у него произойдет сдавление головного мозга (*прим. пер.: Сдавление головного мозга — прогрессирующий патологический процесс в полости черепа, возникающий в результате травмы (внутричерепные гематомы, субдуральные гигромы, очаги ушиба или размозжения, вдавленные переломы, пневмоцефалия) приводящий, по заполнению ёмкости резервных пространств черепа и истощении компенсаторных механизмов, к дислокации и/или ущемлению ствола мозга с развитием угрожающего жизни состояния*) или внутреннее кровоотечение, конечно, но все же...

— Тебя не тошнит? — спрашиваю я.

— Нет. — Майкл выглядит мрачно, небольшой свет, проникающий через дверной проем, отбрасывает на его лицо тень. Его голова похожа на череп: глазницы утопают в темноте, щеки исхудалые и впалые. — Мне хочется кого-нибудь убить, — бормочет он.

При первой встрече я испугалась Майкла, но сейчас то, что я вижу, не идет ни в какое сравнение, он по-настоящему страшен, не хотелось бы оказаться его врагом.

— Я понимаю тебя, приятель. Но мы в ловушке.

Лицо Майкла искажается в гримасе ярости. Думаю, он сейчас вскочит и начнет лупить стены голыми руками, намереваясь разнести их, но тут Лэйси скользит по голому бетонному полу, поворачивается так, что оказывается спиной к Майклу, и прижимается к нему. Его поведение меняется в мгновение ока.

— Что ты делаешь, малышка? А? — шепчет он ей, обхватывая девушку рукой в защитном жесте.

Лэйси не отвечает. Она закрывает глаза и засыпает. Я не могу спать. Одна только мысль об этом смехотворна. Все, о чем я могу думать, — это Зет и то, что Чарли с ним делает. Уверена, ничего хорошего.

ГЛАВА 9

ЗЕТ

— Тебе нужна соль? Они никогда не кладут достаточно соли в эту гр*баную еду.

Чарли кидает мне солонку, я ловлю ее прежде, чем она успевает улететь за край полированного дубового стола. Макароны, которые О'Шеннесси бесцеремонно плюхнул передо мной, хмурясь, оказались пересолены, если уж на то пошло. Я ничего не ел, просто почувствовал запах переизбытка натрия. После кинотеатра Чарли потащил меня по двум лестничным пролетам в то место, которое, должно быть, когда-то было главным вестибюлем этого заведения. Мебель была переломана. Не осталось ничего, кроме старого ковра, местами истоптанного ногами тысяч людей, и киоска с фастфудом и напитками. Здесь все еще ощущается слабый сладковатый запах, смешанный с затхлым запахом пыли, возраста и

времени.

— Врачи говорят, что лучевая терапия убила мои вкусовые рецепторы, — жалуется Чарли, наматывая на вилку немного макарон и отправляя их в рот. — Но они полные профаны. Кое-что я еще могу чувствовать. Чеснок. Виски, — он ухмыляется. — Киска. Пока я могу чувствовать вкус виски и киски, мне плевать на все остальное.

Упоминание Чарли о лучевой терапии подтверждает мои подозрения — он болен. Он не просто болен. Он умирает.

— Сколько тебе осталось?

Я отталкиваю от себя тарелку, мой желудок скрутило.

— Мне сказали, что у меня есть два месяца, — говорит Чарли, ухмыляясь. — Пять месяцев назад.

— Сочувствую.

— Ха! — Он тычет вилкой в мою сторону, разбрызгивая соус по столешнице. — Тебе плевать, жив я или мертв, мой мальчик. Но приятно, что ты притворяешься.

— О, мне определенно не плевать. Когда ты умрешь, Чарли, я, бл*дь, устрою пляски на твоей могиле.

— А почему ты так уверен в том, что не окажешься в земле задолго до меня?

Он прав. Я посылаю ему полный ненависти взгляд через стол. Если бы не тот факт, что и О'Шенесси, и Сэмми нацелили на меня пистолеты, я бы бросился через стол и утопил бы этого ублюдка в его пасте «Альфредо». Я хочу увидеть, как старик захлебнется.

— Почему мы здесь, Чарли? Какого черта ты притащил нас сюда?

Чарли поднимает взгляд от еды и спрашивает с набитым ртом.

— В кинотеатр? — Он смотрит в потолок, словно наблюдая за разрушающейся роскошью и видя нечто совершенно иное. — Твоя мать приходила сюда с Герцогиней каждую субботу на утренний сеанс. Они думали, что живут в гребаных сороковых. Я некоторое время думал, что Герцогиня мне изменяет. Я следил за ней, чтобы убедиться, что она не раздвигает свои гребаные колени, и выяснил, что она приходит сюда смотреть «Каса-бл*дь-бланка» и старые фильмы с Ритой Хейворт. Это единственное место в Сиэтле, где в то время показывали это дерьмо. А эта глупая сука однажды меня разозлила, и я купил это место и закрыл его. Кухня, правда, до сих пор работает. — Он подмигивает мне — подмигивает словно безумный ублюдок. — Он огромный, и здесь тихо. Здание стоит здесь так давно, что люди уже и забыли о его существовании. Оно часть пейзажа. Люди видят его, но, по сути, не обращают на него внимания. Это делает его идеальным местом для того, чтобы залечь на дно, когда нужно.

Прячемся на глазах у всех. Понятия не имею, где мы находимся географически — все еще в Сиэтле? — но предполагаю, что где-то на виду.

— Ты не собираешься есть? — спрашивает Чарли.

Он говорит со мной словно обеспокоенный друг. Я едва сдерживаю смех.

— Я лучше умру с голоду.

На самом деле я чертовски голоден, но ощущения странные. Такое чувство, будто мой желудок неудержимо сжимается, в одну минуту требуя еды, а в следующую — угрожая выплеснуть свое скудное содержимое прямо на стол. Меня бросает то в жар, то в холод. Что бы ни случилось с моим телом во время взрыва, сейчас мне очень не нравится его реакция. И я понятия не имею, в порядке ли Слоан, и это сводит меня с ума.

— Ты должен поесть, — повторяет старик. — Вскоре тебе понадобятся силы.

Звучит зловеще, но знаете что? Угрозы — это то, на что мне плевать. Физическая боль

для меня ничего не значит. Найти Слоан, убедиться, что с ней все в порядке, а потом заставить этого ублюдка заплатить — вот единственное, что имеет значение.

— Знаешь, я огорчился, когда узнал, что ты не погиб при взрыве. С тех пор как я забрал тебя у твоего дяди, мне нравилось с тобой возиться. Я получал огромное, бездонное удовлетворение, наблюдая, как ты страдаешь. Всегда думал, что буду рядом, когда ты умрешь, и смогу насладиться и этим. Бомба была нетипичным методом, знаю, но это было необходимо. Ты плохо себя вел, Зет. И я не мог этого допустить. Но потом, чудо за чудом, ты и твои долбаные друзья выживают, и, в конце концов, я все-таки исполню свое желание. Я смогу посмотреть, как ты умрешь.

Он нанизывает на вилку курицу и засовывает ее в рот. Я представляю, как она застревает у него в горле. Представляю, как его лицо становится багровым, как он кашляет, хрипит и борется за воздух.

— Поэтому я организовал для себя небольшое развлечение. Сюда едут шесть парней, и у каждого из них есть к тебе претензии. Я обещал, что каждый из них сможет провести с тобой пару раундов и проверить, как долго они смогут продержаться. Наверное, недолго, ведь ты берсеркер (*прим. пер.: Берсерки, или берсеркеры (скандинав. от ber — медведь и serker — рубаха, шкура, др. — сканд. berserkr) — воины из древнегерманской и древнескандинавской мифологии. Считается, что они отличались неустовостью в сражениях*), а они — бродячие псы. Думаю, это моя вина. Когда приходил к тебе в комнату по ночам, я создал некое подобие монстра, не так ли? Я создал бойца — возможно, в последние дни это мне во вред, но все же. Это стоило того, чтобы услышать, как ты, твою мать, плачешь. И если ты не умрешь к тому времени, когда последний человек выйдет на ринг, это прекрасно. Значит, я смогу убить тебя сам.

Я ненавижу, что он может так легкомысленно говорить о том, что со мной сделал. Этот человек издевался надо мной бесчисленное количество раз. Он отправил меня, возможно, в самое худшее место на земле и оставил там гнить на долгие годы. Он убил мою мать. Он практически каждую ночь пробирался ко мне в спальню, когда я был еще сопливым говнюком-подростком, пытался убить меня — и до сих пор не раскаялся. Что касается меня, то, бл*дь, совершенно очевидно, что он гордится своими достижениями.

— Значит, ты позвал шестерых парней, чтобы они измотали меня, прежде чем ты решишься выстрелить в меня, старик? Так, что ли? Раньше ты был гораздо смелее, когда я был в три раза меньше, чем сейчас.

О'Шеннеси хмыкает. Чарли не смотрит на него, но каждый мускул в его теле напрягается. О'Шеннеси понимает, что только что облажался, и прочищает горло, переминаясь с ноги на ногу.

— Я не идиот, Зет, — огрызается Чарли. — Я не для того проходил недели терапии, уколы и долбаные бесконечные, унижительные медицинские осмотры, чтобы ты мог размозжить мне лицо кулаком. Прости, если покажусь тебе немного... деликатным, но я хочу сохранить жизнь, которая у меня осталась.

Он не выглядит больным. Кажется, он совсем не постарел с того дня, когда появился в доме дяди и увез меня. Я сжимаю руки под столом, чувствуя, как адреналин волна за волной прокатывается по телу. Несмотря на сильную боль, я жду своего часа. Жду момента, когда смогу покончить с этим раз и навсегда. И я не собираюсь ждать, пока появятся приятели Чарли.

Я знаю людей, которых он пригласил. Тех, кто потерял членов семьи по приказу Чарли.

Достаточно было обронить пару слов в нужном месте, в нужные уши — Зет Мэйфейр сделал это, — и я уверен, что половина преступного мира Сиэтла жаждет моей крови.

Чарли наклоняет голову, но не смотрит на О'Шеннесси — старик не забыл, как О'Шеннесси пару минут назад облажался. Уверен, что в какой-то момент это повлечет за собой последствия. И очень скоро. Чарли никогда не тянул с возмездием.

— Иди и приведи девочек, — огрызается он. Затем обращается к Сэмми: — Другого убей.

Майкл — другой. Я поднимаюсь на ноги, готовый к бунту, когда чувствую взрыв боли в груди. Мое тело блокируется, и на мгновение я не могу понять, почему. Я не могу контролировать свое тело. Мои руки, кисти, ноги — не слушаются меня. Я дрожу и трясусь, едва дыша. Мне удастся опустить глаза к источнику боли — двум горячим точкам в центре груди — и увидеть там щупы, впивающиеся в кожу. Электрошокер. После того, как мне удалось избежать его во время сеанса с Пиппой, я получаю его разряд здесь. Чарли. Я даже не заметил, как это произошло. Какая ирония.

— Спокойно, сынок, — говорит он, ухмыляясь. — Мой прицел уже не так хорош. В следующий раз я могу попасть тебе по яйцам.

Такое ощущение, что вены под моей кожей натянулись, растягиваясь и вытягиваясь. Ток все еще проходит через меня, повторяясь мучительными волнами. О'Шеннесси и Сэмми возвращаются из холла и смотрят, как я корчусь от боли, явно сожалея, что пропустили это гребаное шоу. Мудаки. Как только мы остаемся одни, Чарли выключает электрошокер и кладет его рядом со своей едой. Я делаю глубокий вдох, впервые по-настоящему оценив, как это здорово — просто иметь возможность наполнить легкие.

— Больше не дергайся, — предупреждает Чарли. — Эта штука не совсем полицейского ранга, если ты меня понимаешь. Я мог бы довольно легко поджарить тебя до смерти, но мой желудок уже не тот, что раньше. Думаю, что запах твоего паленого тела может испортить мой обед.

— Причинишь вред кому-нибудь из них, и я...

— Ты будешь сидеть смиренно и вести себя хорошо, мать твою! Не испытывай мое терпение, ублюдох, — рычит Чарли, хлопнув ладонью по столу. Столовое серебро по обе стороны от моей тарелки с едой подпрыгивает так высоко, что вилка со звоном падает на пол. — А теперь заткнись и жди, пока придет Лэйси и эта заносчивая п*зда. Откроешь рот хоть раз, и, клянусь, я включу эту штуку на самый высокий режим.

Не знаю, что, черт возьми, мне делать. Сэмми собирается убить Майкла, и я буквально ничего не могу сделать, чтобы остановить его. Я стану недееспособным, как только пошевелю хоть пальцем, и тогда какой от меня толк? Я сижу в тишине, глядя на Чарли через стол, и вспоминаю, сколько раз Майклу удавалось избежать смерти. Навскидку могу вспомнить, по крайней мере, три случая. Надеюсь, сейчас будет четвертый.

Через несколько минут О'Шеннесси возвращается с Лэйси и Слоан. Они держатся друг за друга, пальцы переплетены, глаза расширены. Слоан вся в крови, ее платье разорвано от плеча до подола. Она выглядит так, словно ей чертовски больно. Желание броситься к ней, вскочить со стула и подхватить ее на руки слишком велико.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, приподнимая брови.

Она кивает.

— Больно. Но, да. Я в порядке. Майкл...

— Тоже будет в порядке.

Уверенность в моем голосе противоречит всему, что я сейчас чувствую, но мне нужно,

чтобы она увидела, что все будет хорошо. Мне нужно, так же, чтобы моя сестра увидела, что все будет хорошо. Лэйси бросает на меня нервный взгляд, ее глаза блестят так, словно она собирается плакать.

— Прости меня, Зет, — шепчет она. — Я не хотела оставлять тебя. Я не хотела...

— Все в порядке. — Я качаю головой. Она должна знать, что я на нее не сержусь. Озадачен, конечно, но не злюсь. Мне следовало лучше защищать ее. — Сейчас это не имеет значения, ясно?

Чарли, чертов мудака, каким он и является, продолжает накручивать макароны на вилку.

— Почему бы вам не присесть, дамы? Вы должны присоединиться к нам. Лэйси, по обычаю сын главы семьи должен сидеть по правую руку от него. Поскольку у меня нет сына, придется тебе.

Ни Слоан, ни Лэйси не горят желанием садиться с нами за один стол, но О'Шеннески не оставляет им выбора: он подталкивает их вперед прикладом своего пистолета. Притащив для них два стула, он усаживает Слоана справа от меня, а Лэйси — слева. Обстановка похожа на какой-то ужасный семейный ужин. Лэйси смотрит на стол, не моргая. Она постукивает пальцами по большому пальцу, снова и снова — мизинец, безымянный, средний, указательный. Указательный, средний, безымянный, мизинец. Не очень хороший знак.

— Тебе нужно... тебе нужно вытащить из него датчики, — говорит она, все еще глядя на древесину.

Чарли откладывает вилку.

— Что?

— Вытащи из него датчики. — Ее взгляд скользит по моей груди, и она едва успевает взглянуть на маленькие металлические шипы, прикрепленные к проводам, вонзающимся в меня. Я слышал, что чем больше мышц, тем больше ощущается удар электрошокером. Понятия не имею, правда это или нет, но могу подтвердить, что это охренительно больно. Мое тело словно все еще заряжено. Движения пальцев Лэйси ускоряется, поскольку она все больше волнуется — я вижу это по ее глазам. Чарли изучает каждое ее движение с хмурым выражением на лице.

— Да что с тобой такое? — огрызается он.

— Ты причиняешь ему боль. Ты должен прекратить причинять ему боль.

— Не прекращу, милая. Я буду продолжать мучить его, а ты будешь сидеть молча и наблюдать. Тебе тоже придется мучить людей, если хочешь добиться успеха в этом мире, Лэйси.

Одинокая слезинка свисает с кончика ресницы Лэйси. Она покачивается, а затем падает и ударяется о стол. Она по-прежнему не моргает. Она вот-вот сорвется, я провел с ней достаточно времени, чтобы узнать изнутри, и сейчас она не в лучшем состоянии. Никто из нас не находится в хорошем состоянии, но Лэйси не способна справиться с подобным стрессом.

— Я не буду, — шепчет она. — Просто позволь ему уйти.

Старик фыркает, наклоняясь ближе к столу. Слепой мог бы понять, что с Лэйси не все в порядке, что она с трудом справляется с тем, что происходит вокруг, но только не Чарли. Нет, ее отец отказывается это видеть. Он протягивает руку через стол и бьет ее по лицу, да так сильно, что разбивает губу. Лэйси вскрикивает, прижимая обе ладони к щеке, из ее глаз текут слезы.

Электрошокер или не электрошокер, но я не могу пропустить это мимо ушей и не

отреагировать. Я не думаю о последствиях. Вскაკиваю и делаю выпад, дотягиваясь до сидящего напротив меня ублюдка. Я хочу обхватить руками его горло. Хочу лишить его гребаной жизни. Хочу...

Разряд пронзает мое тело гораздо сильнее, гораздо интенсивнее, чем тот, который я почувствовал ранее. Кто-то кричит. Моя голова ударяется о стол, и я падаю. Падаю на пол. Боль такая сильная, что я ничего не вижу. Не могу дышать. Не могу думать. Я только слышу...

Слышу крики.

ГЛАВА 10

СЛЮДИ

Глава 10

Старая поговорка гласит: чем выше поднимаешься, тем больше падать? Эта поговорка верна. Зет резко падает. Его голова ударяется об угол стола, тело словно застывает, и он падает набок, не в силах протянуть руку, чтобы предотвратить падение. Он снова бьется головой, когда падает на пол.

— Прекрати-прекрати-прекрати-прекрати-прекрати-ПРЕКРАТИ!

Лэйси повторяет это слово снова и снова, хватаясь руками за волосы. Я сползаю со стула, боль резко пронзает мои колени, когда они соприкасаются с тонкий ковром. Хватаю Зета за руку, пытаюсь придумать, как ему помочь. Я могу прикоснуться к нему, не испытывая разряда, если только не буду касаться его в том месте, где два датчика закреплены на его коже. Мне не стоит трогать датчики, иначе меня тоже ударит током. Черт. Черт! Что, черт возьми, мне делать?

Сзади меня обхватывают крепкие и грубые руки, тащат назад. Я бьюсь руками и ногами, пытаюсь освободиться, но чувствую себя так, словно погружаюсь под воду с привязанным к лодыжкам свинцовым грузом. Я не могу освободиться.

— Прекрати! ПРЕКРАТИ! — кричит Лэйси.

— Гребаная шлюха. — Лицо О'Шеннесси внезапно оказывается напротив моего, придвигаясь совсем близко. — Ты пожалеешь о том дне, когда помешала нам забрать девочку.

Я пытаюсь вырваться, но О'Шеннесси явно не собирается меня отпускать. Я не горжусь этим, но делаю единственное, что приходит мне в голову: кусаю его за предплечье, которым он пытается меня задушить. Он воет от боли, но не отпускает меня.

Ботинки Зета подпрыгивают и ударяются о пол от силы разряда. Я должна остановить это. Должна. Как раз в тот момент, когда собираюсь предпринять последнюю попытку освободиться, я слышу звук, от которого кровь застывает в жилах. Выстрел. Я замираю. В поле моего зрения появляется пара начищенных черных туфель из итальянской кожи. В

комнате воцарилась гробовая тишина. Я слышу скрип коленей Чарли, когда он наклоняется между мной и Зетом. Тик-тик-тик — электрошокер продолжает свою работу. Мне тяжело дышать, я с хрипом вдыхаю, выдыхаю, вдыхаю, выдыхаю в быстрой последовательности сквозь зубы.

— Женщины, попавшие в мой мир, не выбираются из него живыми, доктор Ромера. Селия, Герцогиня... и еще множество девушек, имен которых даже не знаю, я отправил в Калифорнию, чтобы их продали Пересу и его неандертальским подручным. Все они умерли. — Он смотрит на меня — холодными, мертвыми глазами. В них нет ни капли человечности. — Вы все умрете. В конце концов.

Я замахваюсь ногой, но О'Шеннесси делает короткий, резкий рывок — предупреждение. Веди себя хорошо.

— А как же Лэйси? — раздраженно спрашиваю я. — Она твоя дочь. Ты втягиваешь ее в это, а ведь ты ее даже не знаешь. Она не...

— Идеальна. Я знаю. Она не идеальна.

Я не это собиралась сказать. Мне больно, что Чарли так сказал, потому что Лэйси — идеальна. Просто она очень травмирована тем дерьмом, которое преподнесла ей жизнь. Я смотрю через плечо — блондинка стоит на коленях, обхватил руками голову в защитном жесте. Ее взгляд устремлен на Зета, она беззвучно плачет. Стол, за которым мы сидели минуту назад, свален на бок, содержимое разбито и разбросано по полу.

— Лэйси сломлена. Теперь мне это очень, очень ясно. Но у меня есть немного времени, чтобы привести ее в порядок, прежде чем я уйду, док. А потом она будет управлять моей маленькой империей. И станет такой же бессердечной и сильной, как ее папаша. Не так ли, Лэйси?

Он замолкает, смотрит на Лэйс, словно ожидая от нее ответа. Она поднимается на ноги с отсутствующим выражением на лице, и подходит к своему брату.

— Отдай его мне, — шепчет она.

Она протягивает руку. Чарли некоторое время рассматривает ее раскрытую ладонь, а затем пожимает плечами.

— Хорошо. Я все равно не хочу, чтобы он умер.

Он кладет электрошокер в руку Лэйси, и она тут же отключает его. Тик-тик-тик прекращается, и мышцы Зета начинают подрагивать. Он тихонько выдыхает, словно все это время задерживал дыхание.

— Что мне с ней делать? — спрашивает О'Шеннесси, крепче сжимая мою шею и грудь.

Перед моими глазами начинают плясать темные пятна. Я пытаюсь просунуть пальцы под его предплечье, но это невозможно. Краем глаза я вижу, что рука Зета двигается, но движение слабое. Его глаза открыты. Это маленькое благословение. Если глаза открыты, значит, он не потерял сознание... что я, возможно, собираюсь сделать, а возможно, и нет.

— Пойди и узнай, почему Сэмми так долго возится. Возьми ее с собой. — Чарли улыбается, и я знаю, что он скажет дальше. Паника охватывает мое сердце и крепко сжимает его. — И... убей ее.

Я открываю рот, чтобы закричать, собирая последние силы, пытаюсь освободиться, но не успеваю. Потому что воздух разрывает другой крик, дикий, высокий и отчаянный. Лэйси. Все вокруг замедляется. Я вижу события следующих четырех секунд как снимки, кадры, застывшие вспышки памяти, которые навсегда останутся в моем сознании.

Зет пытается сесть, протягивает руку...

Лэйси взмахнула рукой...

Рот Лэйси приоткрылся, глаза наполнились слезами...

Чарли поворачивается. Чарли удивился...

Вилка в руке Лэйси глубоко вонзается в горло Чарли...

Старик падает назад, приземляется на спину...

Затем кровь, очень много крови.

Тишина.

Хриплый голос Зета.

— Лэйс. Лэйси, иди сюда.

Чарли рухнул на пол, трясущимися руками пытаюсь остановить поток крови, хлынувший вокруг куска металла, торчащего из его шеи.

Комната накренилась.

Я падаю вниз.

О'Шеннесси двигается, отпуская меня.

О'Шеннесси кричит, протягивая руку к своему боссу.

Но не дотягивается до своего начальника.

Тянется за своим пистолетом.

А затем — выстрел.

А потом — шок.

И затем еще больше крови.

И Лэйси...

... падает на землю.

ГЛАВА 11 СЛОУАН

Глава 11

— Нет! О, боже, нет! Пожалуйста, нет. Пожалуйста. Нет, нет, нет.

Я чувствую себя так, словно двигаюсь под водой. Мне кажется, что что-то тянет меня вниз, в глубокую пропасть, и если позволю затянуть себя в бездну, то уже никогда не всплыву. Никогда. Я ползу к телу Лэйси, руки и ноги не слушаются меня. Снова раздаются крики. Чарли Холсан поднимает руки вверх, хватаясь за воздух, пытаюсь привлечь мое внимание. Хоть чье-нибудь внимание. Откуда-то появляются люди. Не знаю, сколько их и кто они. Мне все равно. Снова выстрелы. Я смотрю вниз на крошечное тело Лэйси прожженная дыра в центре ее рубашки становится красной, кровь пропитывает материал, вытекая, словно распустившийся цветок.

Ее глаза все еще открыты, она смотрит прямо на меня.

— Столько раз... — задыхается она. Ее голос — это булькающий хрип в горле — кровь

просачивается в дыхательные пути. Ее рука трепещет, пытаясь коснуться груди. Я обхватываю ее ладонь, крепко сжимаю. — Так много раз человека можно... исправить, — шепчет она.

Рядом со мной появляется Зет, его лицо бледно, как у призрака. Он смотрит на сестру, и в его глазах стоят слезы.

— Нет. Ничего подобного не произойдет, — говорит он.

Через плечо Зета я вижу Майкла с пистолетом в руке. О'Шеннеси на полу рядом с своим боссом, глаза обоих мужчин устремлены в потолок — взглядом мертвеца.

Но ничего из это не имеет значения. Ничто не имеет смысла.

— Что ты можешь сделать? — говорит Зет, поворачиваясь ко мне. — Скажи, чем я могу тебе помочь.

Но я вижу правду в его глазах, даже яснее, чем в глазах Лэйси — он знает, что ничего нельзя сделать. Помощи ждать неоткуда. Я качаю головой, с моих губ срывается прерывистое рыдание.

— Зет. — Другой рукой Лэйси обхватывает руку брата. Ее глаза почти закрыты. Я множество раз видела, как это происходит. Глаза пациента все еще открыты, все еще технически функционируют, но уже не видят того, что находится перед ними. Понятия не имею, что сейчас видят бледно-голубые глаза Лэйси, но она улыбается. И это красивая, удивленная улыбка. — Зет. Все... все будет хорошо. Теперь все будет... хорошо.

Зет качает головой. Я уже видела, как мужчины распадаются на части. Последние несколько недель я видела, как Зет терял самообладание, с каждым днем показывая мне все больше и больше себя, но теперь... теперь все стены, которые он возводил, чтобы оградиться от мира, рухнули. И это сокрушает его.

— Прости, — вздыхает он. — Мне следовало лучше стараться. Мне следовало лучше стараться. Мне следовало лучше стараться.

Я вижу напряжение на лице Лэйси, когда она пытается сосредоточиться, чтобы выразить свою мысль.

— Ты сделал... все, что мог. Ты отдал мне... все свои силы. Единственный... кто когда-либо делал это. Спасибо...

Я вижу момент, когда она уходит. В людях есть свет, их души ярко светятся через глаза. Я уже много раз была свидетелем того, как этот свет гаснет. Я осознаю этот момент как то, что он есть — что бы ни заставило Лэйси покинуть свое тело, — но я просто не могу в это поверить.

Я не верю в это даже, когда ее рука замирает в моей. До меня доходит только тогда, когда Зет издает один-единственный вскрик. Он отпускает ее руку и осторожно кладет ее ей на грудь. Когда он смотрит на ее безжизненное тело, на его лице написано крайнее потрясение.

Я иду к нему. Обхватываю его дрожащее, избитое и покрытое синяками тело и обнимаю. Он не обращает на меня внимание. Продолжает смотреть на свою сестру. На полу рядом с нами лежит тело Лэйси в луже собственной крови. Выражение ее лица странно безмятежно, и волной боли пронзает мысль, что она была права. Теперь у нее все хорошо. Все на самом деле хорошо.

Бедная девочка, которая ела луны из любимых хлопьев только потому, что надеялась, что это сделает ее невидимой. Бедная девочка, которая была такой тихой, чтобы чувствовать себя в безопасности. Бедная девочка, которая всегда хотела только мира. Она знала, что

такое насилие. Прожила жизнь, наполненную насилием. Бедная Лэйси, девочка, которая всегда хотела только мира...

А погибла в результате насилия.

ГЛАВА 12

ЗЕТ

Глава 12

Я. Не могу. Дышать.

ГЛАВА 13

СЛЮАН

Глава 13

Майкл поднимает тело Лэйси, его лицо пустое и потерянное. Мы следуем за ним. Зет не говорит ни слова. Он все еще полностью не пришел в себя после разряда электрошокера, очевидно, в его голове нет мыслей. Слезы тихо текут по моему лицу, когда мы выходим из захудалого кинотеатра, оставляя тела Чарли и О'Шеннеси позади, наряду с мертвыми телами двух других незнакомых мне мужчин. Майкл сказал, что они пришли, чтобы убить Зета. Я не испытываю угрызений совести из-за их смерти.

Мы садимся в машину. Это не наша машина. На улице светло. Светит солнце. Я сажусь впереди с Майклом, Зет садится сзади с Лэйси, ее голова у него на коленях. Он не прикасается к ней. Он смотрит, не моргая, в окно. Я не спрашиваю, куда мы направляемся. Башни и высотки города становятся все меньше и меньше в зеркале заднего вида. Сизтл исчезает.

Час проходит в мертвой тишине. Майкл съезжает с автострады у большого магазина бытовой техники, где можно оптом приобрести товары для сада. Когда Майкл выходит из машины, я протягиваю руку через щель сбоку от моего сиденья, и Зет вкладывает свою руку в мою. Майкл возвращается с двумя лопатами, на его лице безжизненное выражение. Он закидывает лопаты в багажник. Нет необходимости спрашивать, для чего они.

После этого только небо, автострада и раскинувшийся лес, темный и зловещий. По пути

нам не встречаются другие машины, через двадцать минут мы снова съезжаем с автострады и едем по черноземным дорогам, затем по грунтовым колеям, извилистым и ухабистым от корней множества деревьев. Не знаю, сколько времени мы сидим в машине, прежде чем я понимаю, что мы остановились. Думаю, очень долго.

— Нам следует выдвигаться, — говорит Майкл.

Пальцы Зета подергиваются, его рука все еще в моей, но помимо этого он не двигается.

— Зи? Мы не можем отвезти ее обратно...

— Знаю. — Зет делает глубокий вдох и словно оживает. Нехотя, но... оживает. Он открывает дверь, с величайшей осторожностью вылезает наружу и поднимает тело сестры с заднего сиденья. На улице холодно, но дождя нет. Солнце пробивается сквозь плотно стоящие деревья, золотистые столбы света, кажется, держат небо над нашими головами. Майкл достает из багажника лопаты и направляется в лес. Зет сжимает челюсти, мгновение смотрит ему вслед, потом кивает — видимо, внутри него идет какая-то внутренняя борьба, — и идет следом. Я иду последней. Смотрю, как напрягаются и смещаются мышцы на спине Зета, и мне хочется остановить его. Обнять. Успокоить. Но вижу, что сейчас ему это не нужно — ему необходимо время, чтобы разобраться в своих чувствах. Как и всем нам.

Я чувствую себя очень плохо. Тело ломит, иду из последних сил, в то время как мне следует отдыхать на больничной койке. Взрыв был последним штрихом. У меня все еще болит рука от огнестрела, от бега, от того, что я издевалась над своим организмом сотней различных способов с тех пор, как встретила этих людей. Но больше всего болит сердце. Не знаю, перестанет ли оно когда-нибудь болеть.

Через некоторое время Майкл останавливается. Деревья поредели, и мы оказались на небольшой поляне, с которой открывается вид на ручей, пробивающий себе путь по склону горы. От воды отражаются искры света, золотисто-белые и теплые.

— Здесь? — спрашивает Майкл.

— Здесь, — соглашается Зет.

Жаль, что у нас не три лопаты. Мужчины приступают к делу, копают медленно, явно ненавидя свое занятие. Я сижу с Лэйси, перебирая пальцами ее волосы. Ее тело начало коченеть. Доктор во мне знает, что пройдет более двадцати четырех часов, прежде чем трупное окоченение ослабит хватку на ее мышцах, и мы сможем снова двигать ее конечности, поэтому я осторожно укладываю ее руки на груди, а ноги вытягиваю прямо. Майкл видит, что я делаю, и вылезает из ямы.

— Она всегда спала на боку. Свернувшись калачиком, — говорит он. — Вот так.

Несмотря на образ опасного человека, он перемещает Лэйс с заботой и любовью. Когда он заканчивает, ее тело находится в позе эмбриона, ладони под щекой, колени подтянуты к телу. Она выглядит так, будто спит. Я поворачиваюсь к Зету, но вижу только его макушку. Он опустился, сидит в яме, которую они вырыли, спиной к нам. Я пытаюсь встать, чтобы подойти к нему, но Майкл берет меня за руку.

— Не надо. Просто... дай ему время.

Мы с Майклом сидим рядом с Лэйси, слушаем пение птиц, и кажется, что они плачут. Майкл сидит, положив руку на тело Лэйси, словно защищает ее.

— Ты любил ее? — спрашиваю я.

Он улыбается девушке, которая была в его жизни лишь немногим дольше, чем в моей, и глубоко вздыхает.

— А как иначе? — шепчет он. — Как ее можно не любить?

Он прав. Как ее можно было не любить?

В конце концов, Зет встает, берет лопату и снова начинает копать. На этот раз он двигается быстрее, с определенной целью. Я остаюсь с Лэйси, потому что мне кажется неправильным оставлять ее одну.

Когда Майкл и Зет закончили, солнце уже почти село. Небо словно пылает — как будто горят сами небеса. Мужчины поднимают Лэйс, закованную и покинутую нас, и несут ее между собой. Яма, которую они копали, — уже не яма, а могила.

Я слаба. Труслива. Опустошена и цинична. Не могу смотреть, как ее опускают в землю. Я иду к ручью и плачу, надеясь, что журчание воды заглушит звуки моих слез. Через некоторое время за мной приходит Майкл. Могила уже не могила, а участок свежей земли.

— Ты ведь раньше ходила в церковь? — тихо спрашивает он. — Мы не знаем, что сказать. Не могла бы ты...

То, что меня просят сказать что-то для Лэйси, пожалуй, даже хуже, чем наблюдать, как грязь покрывает ее бледную, нежную кожу. Но я не могу отказаться. Мы стоим втроем, глядя в землю, и меня охватывает волна ужаса, когда я понимаю, что не могу произнести слова, о которых меня просил Майкл. Слова, которые сказал бы мой отец:

Поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Жало же смерти — грех: а сила греха — закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды и непоколебимы: всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен в Господе.

Пепел к пеплу...

Прах к праху...

Вместо этого, слова, которые я хочу сказать, будет трудно произнести, но они правдивы. Правда о Лэйси. Я приседаю рядом со свежей землей и кладу руку ладонью вниз на нее, как бы в последний раз кладя руку на плечо девушки.

— Прости меня, Лэйс, — задыхаюсь я.

Глубокий вдох. Еще один. Как я это сделаю? Как? Не думаю, что смогу. Я собираюсь встать и разрыдаться, но тут мне на плечо ложится сильная рука. Зет. Он опускается рядом со мной на корточки и обхватывает меня руками, притягивая к себе. Так неправильно, что он утешает меня сейчас, но он придает мне сил. Я могу это сделать.

— Мне стыдно, — говорю я, изо всех сил стараясь взять себя в руки. — Мне стыдно, что ты отдала свою жизнь за мою. Во многих отношениях ты была самой слабой из нас всех. Ты годами страдала от жестокого обращения со стороны людей, которые должны были заботиться о тебе. У тебя отняли невинность, хотя ее следовало защищать и лелеять. Ты хотела сдаться, но мы не позволили тебе, Лэйси, потому что видели, какая ты добрая, милая и любящая, а мы были эгоистами. Ты была лучиком в нашей жизни, и мы не хотели терять этот свет... потому что без тебя наша жизнь стала намного мрачнее. Хоть ты и казалась самой слабой, ты довольно часто проявляла небывалую силу. Ты видела нас такими, какими мы есть, и ты любила нас за это. Ты все видела. — Я замолкаю, мне хочется и смеяться, и плакать, потому что все сказанное — правда. Она на самом деле была такой. — Ты видела мир так, как никто из нас не видел. Ты словно смотрела на все со стороны, и мне очень жаль, Лэйс, потому что ты заслуживала большего. Ты заслуживала любви. Мужа и детей. Перестать быть невидимкой. Для нас ты не была невидимкой, Лэйси. И даже несмотря на то, что тебя больше нет, ты всегда будешь с нами. Мы никогда не забудем тебя, сестра. Мы

никогда не отпустим тебя.

К тому времени, как я закончила говорить, солнце уже село.

Зет вынужден нести меня к машине.

ГЛАВА 14

ЗЕТ

Глава 14

Я. Не могу. Думать.

ГЛАВА 15

МАЙКЛ

Глава 15

Консьерж Regency Rooms ни слова не говорит о крови, грязи, поте и слезах, которыми мы покрыты, пока молча движемся по холлу. Он поднимает глаза — я вижу, как он это делает, — но парень и глазом не моргнул. Он делает вид, что нас здесь нет. За такую осмотрительность приходится дорого платить. Не то чтобы Зи не мог себе этого позволить. Я вообще не понимаю, почему сейчас думаю о таких обыденных вещах, как деньги. Мы все эмоционально истощены, это единственное, что имеет значение.

Все произошло так быстро. Сегодня утром мы собирались на похороны, чтобы попытаться вернуть Лэйси, а теперь Чарли мертв, и мы только что вернулись с похорон Лэйси. Какой в этом смысл? Сегодня утром я вышел из апартаментов, абсолютно уверенный, что мы вернемся с нашей девочкой. У меня, бл*дь, не было в этом никаких сомнений.

Мы все были совершенно потрясены тем, что произошло. И я чертовски волнуюсь за Зи. Ни разу за все время нашего знакомства, я не видел его таким. Он просто... его нет. Он не произнес ни слова с тех пор, как мы похоронили Лэйс. Его молчание гораздо страшнее, чем, когда он мрачно настроен, и ты знаешь, что он разорвет тебя на части, если заметит кривой взгляд, направленный в его сторону. В таких случаях всегда можно предугадать его действия. В данный момент он словно пустая оболочка и кажется немного не в себе. Как будто он может в любую секунду взорваться, и времени на то, чтобы убежать в укрытие, совершенно

не останется.

Зи и Слоан возвращаются в свой номер, не говоря ни слова. Интересно... надеюсь, ради всего святого, она сможет помочь ему справиться с этим. Надеюсь, он позволит ей.

Первое, что я вижу, когда открываю дверь в свой номер, — коробка «Лаки Чармс», которую купил вчера вечером, когда отвез Зета к психиатру. Я застыл на пороге и смотрю на самодовольного ирландского ублюдка на коробке, боясь даже моргнуть. Боюсь пошевелиться. Чарли мертв. Лэйси мертва. Все это слишком нереально.

Мой телефон начинает звонить. Не тот, что был со мной утром. Он взорвался в машине. Нет, запасной, который я оставил на кухонном столе. Хватаю коробку «Лаки Чармс» и выбрасываю ее в мусоропровод, а затем отвечаю на звонок. Я не смотрю на определитель номера. Мне все равно, кто звонит, мне просто нужно отвлечься, чтобы не сорваться и не начать крушить все вокруг.

— Да.

— Где ты был, ублюдок? Я звонил тебе весь день.

О, черт. Ребел.

— Нас похитили. Мы потеряли Лэйси.

— Что? Похитили? И я знаю, что вы потеряли Лэйси. Разве вы не планировали вернуть ее?

— Нет, мы потеряли ее, потеряли. Она умерла.

Я слышу, как на другом конце линии дышит мой двоюродный брат. Наверное, не может подобрать слов. Я точно не могу.

— Чарли убил ее? — в конце концов, спрашивает он.

— Нет. Один из его парней застрелил ее после того, как она... Лэйси... Лэйси вонзила Чарли в сонную артерию гребаную вилку.

Ребел молчит, переваривая услышанное.

— Это чертовски круто, — тихо говорит он. Услышать подобное от Ребела — высшая похвала. — Мне очень жаль, чувак. Знаю, ты заботился о ней. Как Зет это переносит?

— Плохо.

— Ох. А ты?

— Тоже плохо.

— Бл*дь. Полагаю, сейчас неподходящее время, чтобы говорить, что Алексис в городе и хочет увидеться с сестрой?

Неподходящее время — не то слово. Я снимаю порванный пиджак — он пахнет дымом и кровью.

— Я бы подождал пару дней, чувак. Слоан сейчас в таком же раздрае, как и мы.

Ребел вздыхает.

— Ладно, хорошо. Завтра у нас встреча с Хулио. Я должен передать ему свои файлы. Проблем не избежать. Ты сможешь быть там?

Я морщусь, пытаюсь придумать способ вежливо послать его на х*й. Вместо этого ловлю себя на том, что говорю:

— Если не буду нужен Зи или Слоан, я к твоим услугам.

— Уверен? Ты мне не нужен, если будешь витать в облаках.

Он имеет в виду, что ему нужен боец. И я, несомненно, тот, кто ему нужен.

— Не беспокойся, Ребел. Я дам знать утром, если буду в деле.

Хотя я уже знаю, что буду. Мне нужно что-нибудь ударить. Мне нужно подраться. Мы с

Зи очень похожи, обычно нам помогает почувствовать себя лучше выбивание дерьма из кого-то, но это нечто большее. Это неутолимая потребность, которая не будет удовлетворена, пока я не причиню кому-то серьезные телесные повреждения. Неважно, что я убил Сэмми, когда он пришел, чтобы попытаться убить меня. Неважно, что я убил О'Шеннеси, а также тех двух парней, которые появились из ниоткуда. Я все еще полон ярости. Мне придется использовать кулаки, чтобы избавиться от нее. Я должен обрушить поток ярости на головы тех, кто представляет для нас угрозу, потому что я не могу пройти через это снова.

Черт знает, что было бы, если бы Слоан умерла. Об этом даже думать не хочется. Остановить Зи было бы невозможно. Он убьет всех, кто попадется ему под руку, независимо от того, замешаны они или нет, и ему будет все равно, если его за это посадят. Для него это будет стоить того. Черт возьми, он сделал бы то же самое из-за Лэйси, если бы я не убил О'Шеннеси до того, как босс понял, что происходит.

Я никогда, никогда не забуду выражение его лица, когда он увидел, что Лэйси упала.

Я вешаю трубку, гадая, умрет ли завтра Хулио Перес.

ГЛАВА 14 СЛОАН

Я так потеряна. Понятия не имею, что мне делать. С тех пор как мы вернулись в апартаменты, Зет сидел в кресле, глядя в окно с видом на город, и я не могла добиться от него ни слова. Да я и не пыталась. Я знаю, что ему нужно побыть одному, это видно по атмосфере в комнате, но я не знаю, стоит ли мне уйти. Я могла бы переночевать в номере Майкла, но не уверена, что это хорошая идея. Мне кажется... мне кажется, что случится что-то ужасное, если я оставлю его одного.

Я решаю остаться. Смогу выдержать напряжение в комнате. Я справлюсь, потому что люблю этого человека, и бросить его сейчас, даже если это то, чего, по его мнению, он хочет, будет неправильным поступком.

Я сижу на огромном кожаном диване в другом конце комнаты и вслушиваюсь в тишину. Как бы Пиппа поступила в этой ситуации? Как бы поступил мой отец? Пип обучена консультированию по вопросам скорби, а мой отец обладает огромным запасом сострадания, которое всегда помогает ему, когда он пытается утешить других. Он всегда знает, что нужно сказать.

Ответ на мои тревоги и сомнения пришел в самой неожиданной форме. Эрни. Когти шнауцера издают тихий щелкающий звук, когда он появляется из одной из задних спален. Его огромные карие глаза, не задерживаясь, пробегают по мне, когда он приближается к нам, но направляется он не ко мне. Он направляется прямо к Зету. Собака просовывает свое маленькое тело между ног Зета, а затем тыкается в его руки своим мокрым носом.

Похоже, что Зет не замечает Эрни. Он позволяет собаке положить морду ему на ногу, что, похоже, очень нравится Эрни. Он делает неглубокий вдох и подсаживается поближе,

чтобы быть настолько близко, насколько это возможно физически, не забираясь на колени Зета. Через некоторое время Зет начинает рассеянно поглаживать кончиками пальцев голову Эрни, и пес засыпает.

В конце концов, я тоже засыпаю. Меня вымотало не физическое напряжение. Плач, я словно рыдала год без остановки, и это израсходовало весь запас энергии, и теперь мое тело требует отдыха. Мои сны быстротечны, темны и, к счастью, бессмысленны.

Утром я просыпаюсь в постели, раздетая до нижнего белья. Простыни почернели от грязи, ввевшейся в мое тело. Зет точно в той же позе, в какой был, когда я отрубилась на диване, а Эрни свернулся калачиком у его ног. Должно быть, он все же двигался, поскольку я точно не укладывалась в постель, и, похоже, он принимал душ.

— Зет?

Он не спит. Оглядывается через плечо, и я вижу мимолетную неприкрытую боль в его обесцвеченных глазах.

— Привет, — шепчет он. — Тебе нужно еще поспать.

Солнце только-только встает над городом, но облачный покров отбрасывает холодный свет на все вокруг, делая его сине-серым и печальным.

— Ты спал?

Он качает головой.

— В этом нет необходимости.

— Зет, тебе необходимо поспать.

— Мне не нужен сон. Мне необходимо двигаться.

Он резко встает, протирая лицо руками. Я замечаю, что, несмотря на раздраженный тон, он старается не потревожить Эрни, перешагивая через него и шагая по комнате.

— Хочешь позавтракать? — тихо спрашиваю я.

Зет качает головой.

— Я в порядке. Правда. Мне просто нужно...

Он не заканчивает фразу. Смотрит в пол, его взгляд, кажется, прикован к какой-то несущественной точке на полу, в то время как его мозг работает на износ. Я обхватываю свое тело руками. Зет поднимает на меня глаза, и его жесткое выражение исчезает. Он сокращает расстояние между нами и обнимает меня.

— Я скоро вернусь.

Осторожно поцеловав меня в лоб, он крепко сжимает мою руку и отпускает меня. Я наблюдаю, как он берет с кухонной стойки свою кожаную куртку и связку ключей, а затем покидает апартаменты. Дверь с тихим щелчком закрывается за ним.

Через час приходит Майкл в черных кожаных перчатках и, похоже, в спортивной форме.

Я никогда не видела его в спортивной одежде, хотя по размеру его мышц видно, что он занимается спортом.

— Я отвез его в спортивный зал. Нам нужно было что-то поколотить к чертям собачьим, и это казалось самым надежным вариантом, — говорит он мне. — Он пожелал остаться. Мне нужно пойти помочь Ребелу с Хулио, но если хочешь, чтобы я остался с тобой, я никуда не пойду.

Я не хочу, чтобы он оставался. Честно говоря, все, чего я хочу, — это свернуться калачиком на диване и попытаться разобраться во всей этой неразберихе, в которую мы попали, но мне следует быть прагматичной.

— Будет ли мне угрожать опасность, если останусь здесь одна?

Майкл качает головой.

— Чарли мертв. Среди его парней нет глупцов, которым бы захотелось связаться с нами сейчас. У них нет на это причин. Теперь образовался вакуум власти. Банды Сиэтла будут гораздо больше беспокоиться о том, кто заполнит этот вакуум, чем о Зете и всех нас.

В этом есть смысл, хотя какая-то часть меня все еще на взводе.

— Ладно, хорошо. Тогда со мной все будет хорошо. Я никуда не уйду.

Майкл уходит, и остаемся только мы с Эрни. Утро я провожу в воспоминаниях о том моменте, когда Чарли сказал, что хочет, чтобы О'Шеннесси убил меня, и о том, как Лэйси набросилась на него с вилкой. Я представляла себе этот момент со всех сторон, размышляя, могла ли помочь ей, могла ли остановить ее до того, как она начала действовать. Я пришла к выводу, что нет, не могла. Она сама это сказала. Лэйси приняла решение убить Чарли задолго до того, как вонзила в него вилку. Она уже пыталась сделать это однажды. Так или иначе, она пыталась бы сделать это снова.

В полдень раздается стук в дверь. Когда я заглядываю в глазок, сердце гулко стучит в груди — неужели Майкл ошибся? Неужели нас нашел кто-то из парней Чарли? У меня нет сил ни удивляться, ни расстраиваться, ни вообще что-либо делать.

Вид Пиппы, стоящей в коридоре с очень озабоченным видом, — еще одна соломинка, шатко балансирующая на спине верблюда. Я открываю дверь, и она вбегает, обнимая меня.

— О, боже, Слоан, мне очень жаль. Серьезно. Зет написал мне сообщение, он рассказал, что случилось. Он предположил, что я могу тебе понадобиться. Ты в порядке? Боже... ты выглядишь очень плохо, Слоан.

Из всего сказанного ей мне запомнилось только то, что она сказала о Зете.

— Он написал тебе сообщение?

Мгновение она выглядит озадаченной, между ее бровями образуются морщинки.

— Да. Он прислал мне очень грубое сообщение, заявив, что я должна хоть раз поступить как хороший друг, мать его. Когда я спросила, что случилось, он сказал... сказал, что его сестра умерла, и тебе необходима поддержка. — Она смотрит вниз на свои руки. — Мне так жаль, Слоан. Не могу в это поверить.

— Конечно, можешь, — говорю я, закрывая за ней дверь. — Ты уже несколько недель твердишь мне, что я нахожусь в опасной ситуации. Что кто-то может погибнуть. И что же? Ты была права.

По привычке я направилась на кухню и поставила чайник. Это наш ритуал, когда мы приходим друг к другу в гости — чай главный приоритет.

— Я здесь не для того, чтобы попрекать тебя своими словами, Слоан. Я здесь, потому что я твоя подруга. Знаю, что должна многое исправить, но... но хочу вернуть нашу дружбу.

Если ты мне позволишь?

Кладу по пакетику чая в две чашки, сосредоточившись на привычных движениях. Кажется, это все, на что я способна. В данный момент не могу думать обо всем том дерьме, которое устроила Пиппа, о том, как подло она меня предала, потому что все это кажется неважным. Только Лэйси. Только Зет. Только мое сердце, разбивающееся на множество осколков.

— Мы можем поговорить об этом в другой раз? — спрашиваю я. — Я очень устала.

— Конечно.

Я заканчиваю готовить чай, и мы с Пиппой молча сидим на диване. Шнауцера Эрни наблюдает за нами, то и дело вздергивая свои маленькие брови.

— Чья это собака? — спрашивает Пиппа.

— Агента УБН Лоуэлл.

Пиппа кивает головой, как будто то, что у нас находится собака Лоуэлл, совершенно нормально.

— Почему он тебе написал? — спрашиваю я.

— Кто? Зет?

— Да. Он тебя ненавидит. — Я не приукрашиваю для нее правду. — Зачем ему писать тебе и отправлять сюда, чтобы ты позаботилась обо мне? Если он знает, что я испытываю такие же чувства, как и он, то почему, черт возьми, он не позаботится обо мне сам? Или, по крайней мере, позволяет мне заботиться о нем?

На первое мое заявление, Пиппа поджала губы и уставилась на чай в кружке, которую держит в руках.

— Ты знаешь его лучше, чем я, Слоан. Ты знаешь, что он за человек.

Я прищуриваюсь готовая надрать ей задницу, если она хоть слово плохое о нем скажет. Она поднимает руку вверх — ту, которой не держит кружку.

— Он был одинок всю жизнь, — говорит она. — Он не знает, что такое забота. О нем никто не заботился. И он ни о ком не заботился. Ему потребуется некоторое время, прежде чем он начнет доверять тебе. Теперь, зная его профиль немного лучше, рискну предположить, что он боится полагаться на тебя в этом вопросе. В жизни Зета хорошие вещи не задерживались надолго. Теперь, когда Лэйси погибла, он, вероятно, ожидает, что и ты исчезнешь в одночасье.

— Хочешь сказать, что он не будет полагаться на меня, потому что думает, что я умру? Очень обнадеживает. И что ты имеешь в виду, — зная теперь его профиль немного лучше?

Пиппа качает головой, прежде чем я заканчиваю говорить.

— Не умрешь. Может быть... оставишь его. Он вбил себе в голову, что не смог защитить сестру. Возможно, он ожидает, что ты уйдешь от него, потому что не чувствуешь себя в безопасности. И после очень странного сеанса, который мы провели прошлой ночью, я лучше понимаю его, Слоан. И хотя я не совсем уверена в нем, но теперь доверяю ему немного больше. Я знаю... знаю, что он делает все возможное, чтобы ты была в безопасности. Это все, что я хотела для тебя.

Я уже слышала эту речь раньше, но на этот раз в словах Пиппы нет злого умысла или презрением. Я слышу в них отзвук истины. Но я концентрируюсь не на этом. Он пришел к Пиппе? На сеанс? Я понятия не имела — он не говорил мне об этом, — но, судя по выражению ее лица, Пиппа не знает. Я сохраняю невозмутимое выражение лица, не желая показать свое удивление.

— Значит... ты не считаешь меня сумасшедшей из-за того, что я с ним?

— Я этого не говорила, — отвечает Пиппа. — Хотя ситуация довольно безумная, я понимаю, почему ты в ней оказалась. Почему ты не хочешь его бросать. И я уважаю это. Клянусь, Слоан, я больше не пророню ни слова о тебе и о нем. Никогда. И сделаю все возможное, чтобы помочь ему преодолеть все то дерьмо, которое с ним случилось. Только, пожалуйста... мы можем попытаться снова стать друзьями? Однажды, когда тебя перестанут донимать агенты УБН, тебе понадобится кто-то, с кем можно будет встретиться за чашечкой кофе, верно? Я очень давно не была во «Фреско».

Я все еще злюсь на Пиппу, но за последние несколько месяцев я так много потеряла. Возможно, наши отношения никогда не будут прежними, но если есть возможность сохранить нашу дружбу, я сделаю для этого все, что от меня зависит. Я пытаюсь улыбнуться, улыбка получается вынужденной, но это только начало.

— Мы можем попробовать, — говорю я ей. — Но как только ты начнешь вмешиваться, все. Нашей дружбе конец.

Лицо Пиппы озаряется искренней улыбкой. Она ухмыляется, и мне кажется, что она собирается меня обнять. Но не делает этого. Она пьет чай маленькими глотками, продолжая улыбаться мне, в уголках глаз собрались морщинки.

— Спасибо, — тихо говорит она. — Знаю, что не заслужила этого, но я все исправлю, клянусь.

Очень надеюсь, что так и будет. После всего произошедшего за последние несколько дней, друг бы мне не помешал.

ГЛАВА 16

ЗЕТ

Глава 16

Я. Не могу. Есть.

ГЛАВА 17

ЗЕТ

Глава 17

Майкл рассказал мне, что ответил Слоан. Перед его уходом она спросила о своей безопасности, и её вопросы имели смысл. Она умная девушка. Но и Майкл прав — в Сиэтле образовался вакуум власти, и все банды города будут бороться друг с другом за территории, которые недавно оказались свободными. Парням, которые раньше работали на Чарли, нет никакого дела до Слоан. Сейчас она в большей безопасности, чем последние несколько недель.

С другой стороны, я... я не в такой уж безопасности. Возможно, мне и известна правда, но Чарли намекнул, что я его сын, когда заплатил толстому ублюдку Хулио, чтобы тот оставил меня в покое. Тогда я воспринял эту новость как неопровержимое доказательство того, что старик — мой отец. Теперь я знаю, что он сделал это, потому что не хотел, чтобы кто-то другой убил меня, прежде чем у него появится такая возможность. Тяжелый случай: он может ранить, сломать, убить свою игрушку, но если кто-то другой попытается это сделать...

Если Чарли намекнул Хулио, что он мой отец, это равносильно тому, что он сообщил об этом всем преступным организациям на западном побережье. И если парни Чарли и главы бесчисленных банд, занимающихся наркоторговлей, торговлей оружием и девчонками, считают, что я его сын, то за мою голову, несомненно, назначена приличная цена. Единственный способ дать этим людям понять, что империя Чарли меня не интересует, — заявить о себе. Продемонстрировать свою точку зрения. Дать понять, что мне наплевать, кто придет на смену этому безумному английскому ублюдку.

Я еду в Хант-Пойнт, не думая о Лэйси. Не вспоминая о том, как Майкл и Слоан осторожно укладывают мою сестру в погребальную позу, чтобы похоронить. Не думаю о грязи, которую мне пришлось выскрести из-под ногтей, обжигаяще горячей водой в душе, когда пытался смыть с себя воспоминания о последних двадцати четырех часах. Потому что не хочу. Не хочу помнить, что ее больше нет. Я хочу забыть, что Лэйси появилась на пороге моего дома восемь месяцев назад, и забыть, что у меня когда-то была живая кровная родственница. Я понял, что отгородиться от нее, изгнать из своей головы — единственный способ вспомнить, как дышать, не чувствуя, что ярость сожрет меня заживо.

Около полудня я останавливаюсь возле старого дома Чарли. Здание выглядит заброшенным, но, без сомнения, за ним ухаживают. Чарли купил этот дом за наличку тридцать лет назад, когда еще не было таких строгих проверок на предмет отмывания денег при покупке недвижимости. Поскольку никто не собирается объявлять о смерти Чарли, и ни один банк не заинтересован в его огромном особняке, пройдет совсем немного времени, прежде чем кто-то другой въедет в него. Просто займет его официально, не меняя владельца. Ведь, как известно, владение — это девять десятых права (*прим. пер.: Английская поговорка (possession is nine points of the law, англ.) о том, что в судебном споре позиция того, кто фактически владеет имуществом лучше, чем того, кто заявляет свои права на это имущество, но не владеет им*).

Внутри никого, кто мог бы открыть ворота, поэтому я паркую разбитый Volvo, который одолжил у The Regency Rooms, на улице и перелезаю через забор на территорию. Это навеивает воспоминания о том, как в детстве я пробирался обратно после ночных вечеринок. Теперь я выше, поэтому забор не представляет проблемы. У меня нет ключей от дома, но кому нахрен нужны ключи, когда у тебя ботинки сорок пятого размера и ты в очень хреновом настроении?

Я выбиваю дверь, и осколки дерева разлетаются повсюду. Внутри дома тихо. Пустынно. Не теряя времени, делаю то, зачем приехал. Нахожу бензин в гараже, канистры с ним стоят у стены, чтобы Чарли не пришлось опускаться до того, чтобы ехать на заправку и иметь дело с немывтыми массами. По иронии судьбы, я знаю, что он недавно посетил одну из них, поскольку именно там он подобрал ту бедную девушку, которую отравил.

У него всегда была склонность к драматизму.

Правда, сейчас я сам чувствую себя немного драматично.

Беру две канистры, по одной в каждую руку, откупориваю крышки и иду по дому, разбрызгивая едкую жидкость по коврам, стенам, кроватям наверху. Последняя комната, в которую захожу, — моя детская спальня. Вернее, та комната, в которой я мучился. Все выглядит точно так же, как и тогда, когда я восемнадцатилетним подростком сбежал отсюда. Комиксы, которые я когда-то читал, все еще лежат на полке, потрепанные, что странно, потому что в юности я очень бережно относился к ним. Я знаю, что сейчас они распадаются, потому что Чарли... Чарли, думаю, часто заходил сюда. Наверняка он сидел на моей кровати, листал комиксы, трогал остальные мои вещи, заново переживая то дерьмо, которое сотворил со мной в этих четырех стенах. То дерьмо, которое он пытался сделать со мной.

Несмотря на то, что он был больше, сильнее, он никогда не побеждал. Он всегда был пьян. Под кайфом. Или что-то подобное. Я не позволял ему победить. Оглядываясь назад, думаю, это злило его больше всего. Я разливаю бензин по комнате, заливая одеяло, ковер, шторы, все. Вглядываясь в обстановку, наконец-то осознаю, что здесь произошло, и вдруг понимаю, что мне плевать. Мне, бл*дь, все равно. Чарли мертв. Этот дом скоро превратится в пепел. Он больше не сможет ко мне прикоснуться. И он не победит.

Я спускаюсь вниз, осталось сделать последнюю вещь: прохожу в заднюю часть дома, где находится кабинет Чарли. Его сейф, огромная штука, вмонтированная в пол, спрятан под персидским ковром. Откидываю его, не колеблясь, ввожу на клавиатуре дату рождения моей матери, Рождество, и эта гребаная штука с щелчком открывается. Мне становится не по себе. Он сказал, что возненавидел ее после того, как она отказала ему, но, очевидно, он ее все еще любил. Большой, одержимый урод.

Я беру все до последней пачки наличных из сейфа Чарли Холсана, запикиваю их в дорожные сумки, а затем выхожу из дома. Оставляю позади стресс и психологическую травму от всего, что здесь произошло. На улице чиркаю спичкой и бросаю ее в лужицу бензина на плитке в холле.

Из пола, словно пальцы, поднимается оранжево-желтое-голубое пламя, и вот уже дом охвачен огнем. Я отворачиваюсь, слыша едва уловимое потрескивание при распространении огня, и, не оглядываясь, ухожу.

Лэйси отмывала для меня деньги. До того, как Слоан вернулась в мою жизнь, Чарли платил мне чертовски хорошо, Лэйси отмывала для меня деньги. Она играла в азартные игры — на удивление хорошо, — или делала крупные покупки и возвращала их, по сути, просто обменивая мои деньги на чужие. Это не всегда давало стопроцентно отмыемые деньги, но мне этого было достаточно. А иногда, когда денег было слишком много, мы отправлялись в путь и зарывали деньги в тайники. Я не имел дела с банками. У меня никогда не было расчетного счета. Наличные всегда властвовали в мире Чарли Холсана, а я был его неотъемлемой частью. Но теперь я создаю свой мир, и все должно измениться.

Мне нужно легализовать пачки денег, которые я спрятал за кирпичной стеной под складом, и у меня есть отличная идея, как это сделать. Но сначала нужно кое-что предпринять. Я делаю короткий телефонный звонок Ребелу, а затем действую.

Нахожу агента Лоуэлл в кофейне, расположенной через дорогу от адреса, который мне дала Слоан в Эверетт. Судя по ее виду, она пьет уже четвертую чашку кофе за день. Однако до рта она ее не доносит. Когда видит меня, выплевывает большую часть кофе на пол.

— Что за хрень? — она судорожно вздыхает. — Ты, бл*дь... ты, бл*дь, сумасшедший.

Я свирепо смотрю на нее, жалея, что не бью женщин.

— Я чертовски устал, — поправляю я ее. Кроме того, у меня все болит, я избит и сильно изранен из-за того, что меня чуть не взорвали и пару раз использовали электрошокер.

— Пришло время покончить с этим дерьмом раз и навсегда.

— Ты же понимаешь, что я сейчас арестую тебя?

Я приподнимаю бровь, глядя на нее.

— Ну, тогда ладно. Мне воспользоваться наручниками, или ты перейдешь со мной через дорогу, как цивилизованный человек?

— Есть только одна женщина на планете, которой я бы позволил надеть на себя гребаные наручники. И это не ты.

Лоуэлл ведет меня к выходу из кафе, по тому, как дрожит ее рука, когда мы направляемся к винному магазину на другой стороне дороги, я понимаю, что она потрясена и чертовски нервничает. Надеюсь, это сработает в мою пользу. Она указывает на металлическую пожарную лестницу, ведущую в здание за винным магазином, а затем набирает код на клавиатуре, укрепленной на стальной двери. Мы движемся по извилистому коридору, проходим через еще одну дверь, и попадаем в огромное помещение открытой планировки, заполненное полицейскими. В комнате воцаряется ошеломленная тишина. Около восемнадцати пар глаз с нескрываемым удивлением следят за тем, как Лоуэлл ведет меня через их ряды в холодную, стерильную комнату для допросов. Внутри стоят три стула, стол и больше ничего.

— Садись, — приказывает Лоуэлл. Я так и делаю. — Устраивайся поудобнее, — советует она и оставляет меня одного в комнате.

Дверь за ней закрывается.

Возможно, это самый глупый поступок в моей жизни, но я, бл*дь, уже смирился со всем этим. Я покончил со всем этим. Прошлой ночью я много думал, когда маленькая головка Эрни лежала на моем колене до восхода солнца, и понял, что это не та жизнь, которой я должен жить. Не потому, что мне было бы легко встать на место Чарли и претендовать на Сиэтл. А потому, что вчера умерла моя сестра. Я видел, как она умирает, а потом мне пришлось ее хоронить. Потому что женщина, без которой я не могу жить, по своей сути

добропорядочная и заслуживает кого-то лучшего, чем я. Потому что Слоан заслуживает всего, и я хочу дать ей это.

Прежде чем вернуться, Лоуэлл оставляет меня запертым в комнате для допросов на полчаса, — обычный, откровенно прозрачный ход с ее стороны, призванный заставить меня нервничать. Эта женщина — чертова идиотка. Я не собираюсь нервничать, я сдался, черт возьми. Когда она входит в комнату, за ней тащится гигант в костюме, его плечи напряжены от собственной важности. Она, несомненно, с пользой использовала те тридцать минут, что оставила меня здесь, позвонив своему начальству и сообщив хорошие новости: Я сделала это. Я поймала этого ублюдка. Знаю, знаю. Ты можешь повисить меня в должности позже.

Гигант, которого, как я подозреваю, пригласили на допрос только для декора и устрашения, начинает настраивать камеру, объектив которой направлен на меня. Оба молчат до тех пор, пока маленькая красная точка не начинает мигать.

— Назовите, пожалуйста, свое полное имя для видеозаписи, — говорит Лоуэлл.

— Зет Мэйфейр.

— Это ваше имя по документам?

Я склоняю голову набок, бросая на нее скучающий взгляд.

— Это мое имя по документам.

— Хорошо. Зет Мэйфейр, вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Вы имеете право на адвоката. Если вы не можете позволить себе адвоката, он будет вам назначен. Понимаете ли вы свои права в том виде, как они были вам зачитаны?

Я наклонился через стол, глядя на эту сучку.

— Идеально.

— Хорошо. Тогда начнем. Мы хотели бы обсудить вашу связь с неким человеком, известным нам как Ребел. Вы знаете этого человека?

Я откидываюсь на спинку стула, хрустнув костяшками пальцев.

— Да.

— Вам известно его местонахождение?

— Нет.

Лоуэлл склоняет голову набок, натянуто улыбаясь.

— Вы ожидаете, что я поверю в это?

— Мне плевать, во что ты веришь. Это правда.

— У вас есть его контактный телефон?

— Не-а.

Она, наверное, думает, что я долбанутый дебил или что-то в этом роде. Я пришел сюда без телефона. Я не мог предоставить контактную информацию Слоан и Майкла этой сучке на блюдечке с голубой каемочкой.

— Хорошо, Зет. — Лоуэлл делает глубокий вдох, прижимая кончики пальцев ко лбу. — К Ребелу мы вернемся позже. Предлагаю поговорить о вашей причастности к преступлениям, за которые вас могут посадить на очень долгий срок. Вы готовы сотрудничать?

— Почему у тебя сложилось впечатление, что я не собираюсь сотрудничать, Денис? Разве я не пришел добровольно?

Она молчит, бросая на меня скептически взгляд.

— Вы когда-нибудь были на фермерском рынке Монтерелло?

— Ага. Много раз. Я покупаю там много фруктов. Органические, знаете? — И так, они

хотят поговорить о Фрэнки Монтерелло, о последней работе, которую я выполнял для Чарли. В продуктовом магазине нет камер видеонаблюдения — в этом месте происходило огромное количество незаконных сделок, чем где-либо еще в Сиэтле, — поэтому у них не может быть видеозаписи, на которой я туда направляюсь. Я был в перчатках, когда выстрелил во Фрэнки — выстрелил в него до того, как он пальнул в меня, — так что отпечатков не будет. Но все же лучше сказать, что я был там, чем отрицать это, а потом заставить Лоуэлл предоставить доказательства обратного.

— Вы знали, что Чарли Холсан убил владельца этого заведения?

Я снова откидываюсь на спинку стула, изображая удивление.

— Нет, я этого не знал. Откуда тебе это известно?

Я знаю, откуда она знает. Рик Ламфетти, парень, которого я отказался убить ради старика, парень, которого я отправил в Анахайм, доносил Лоуэлл бог знает сколько времени. Он мог настучать ей и рассказать все, что она захочет, лишь бы не попасть в тюрьму. Дело в том, что Рик мертв, и без его показаний у Лоуэлл есть только заявление, которое ничем нельзя подкрепить.

Агент ухмыляется. Она знает, что я знаю, что у нее ничего нет на этот счет.

— Вы убили Фрэнки Монтерелло по указке своего босса.

— Понятия не имею, о чем вы говорите. Когда его убили? Уверен, что смогу точно сказать, где я был. С кем я был в то время.

Я точно знаю, что Монтерелло не вызывали полицию, когда умер Фрэнки. Без вариантов. Если я на что-то и могу рассчитывать, так это на то, что итальянцы похоронили своего босса и убрали за собой, не сообщая об этом властям. Подобная семья не хочет, чтобы полицейские лезли в их дела. Лучше сказать, что Фрэнки переехал из штата или что-то в этом роде, если кто-то спросит.

— Нас не интересуют фальшивые алиби, мистер Мэйфейр.

— Зачем мне предоставлять вам фальшивое алиби? Я же пытаюсь помочь.

Лоуэлл выглядит так, словно только что проглотила четверть отбеливателя.

— Очень надеюсь, что это желание не пропадет, мистер Мэйфейр. Потому что вы будете помогать нам очень долго.

ГЛАВА 18

СЛОДАН

Глава 18

— Пожар начался около трех часов дня. Особняк с восемью спальнями оценивался в два-три миллиона долларов США, дом принадлежал Чарли Холсану, подозреваемому в участии в ряде незаконных операций. Мистер Холсан пока не явился для беседы с властями или пожарными инспекторами по поводу пожара. Есть предположение, что

шестидесятидвухлетний мужчина мог находиться в здании, но это не подтверждено, потому что пожарным пока не удалось взять огонь под контроль, официальные лица ведут расследование. Это может оказаться непросто. Сильный и быстро распространяющийся огонь уже значительно ослабил конструкцию особняка. Маловероятно, что к моменту тушения пожара большая часть интерьера останется нетронутой. Следите за новостями на Шестом канале.

Я выключаю телевизор, и меня начинает тошнить. Это сделал Зет. Я знаю, что это сделал он. Есть много людей, у которых была причина устроить пожар в доме Чарли Холсана, но я до мозга костей уверена, что это был Зет. Пиппа сидит на диване рядом со мной, не отрывая взгляда от теперь уже черного экрана телевизора.

— Разве плохо, что я рада его смерти? — тихо говорит она.

Я поворачиваюсь, удивленно глядя на нее.

— Правда? Ты рада, что он мертв?

— Конечно. Он сделал с тобой бесчисленное множество невообразимых вещей. И... и с Зетом. Он отравил ту женщину на заправке. И он напугал меня до смерти, когда вломился в квартиру, чтобы забрать Лэйси. Не говоря уже о том, что именно из-за него Лэйси умерла.

Когда она преподносит информацию таким образом, я понимаю ее точку зрения. Но она такая добропорядочная. Слышать от нее признание, что она рада, что такой человек, как Чарли, получил по заслугам, немного не в ее духе.

— Я думала, ты предпочтешь, чтобы мы доверились системе правосудия. Отправили бы ублюдка в тюрьму или еще куда-нибудь.

Пиппа качает головой.

— Нет, черт возьми. Тюрьма слишком хороша для таких, как он. Пусть лучше гниет в аду, чем всю оставшуюся жизнь живёт за счёт государства. К тому же, — говорит она, ее голос приобретает жесткий оттенок, — он все равно нашел бы способ контролировать ситуацию изнутри. Всегда найдутся люди, готовые выполнять приказы заключенных. Вы с Зетом все равно были бы в опасности.

Не знаю, осознает ли она, что включила Зета в круг людей, о которых она заботится, но от того, что она это сделала, мне хочется плакать. Я знаю, что до этого еще очень далеко, но я почти вижу будущее, в котором Пиппа не только поддерживает мои отношения с человеком, которого считает единственным виновником разрушения моей жизни, но, возможно... возможно, он ей даже понравится. Это, конечно, маловероятно, но мне следует быть оптимистом в таких делах. Иначе я сойду с ума.

В полдень Майкл возвращается домой с синяком под глазом и разбитой губой. Пиппа вскакивает с дивана, когда он, спотыкаясь, входит в дверь, все еще одетый в спортивный костюм, пропитанный кровью.

— Боже, это твоя кровь? — задыхаясь, спрашивает она.

Майкл поднимает одну бровь при виде Пиппы в The Regency Rooms.

— Не вся, — говорит он. И затем, обращаясь ко мне: — Где босс? Он уже вернулся?

Я качаю головой.

— Я звонила ему какое-то время назад. Он не ответил. Я подумала... подумала, что ему нужно побыть одному.

По правде говоря, мне было немного обидно, что Зет проигнорировал мой звонок, вместо того чтобы поговорить со мной, но я знаю, как ему сейчас тошно. Он решает свои проблемы единственным известным ему способом — поджигая здания, и бог знает, что еще.

Лучше не гадать.

— Он вернется до наступления ночи. Он поклялся, что вернется, — говорит Майкл.

— А Хулио? Что случилось с Хулио и Ребелом?

Майкл бросает осторожный взгляд в сторону Пиппы.

— Думаю, мне не стоит сейчас вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что все проблемы Ребела теперь решены. И нам больше не нужно беспокоиться о Хулио.

Наверное, он прав. Пиппа не знает и половины того дерьма, в которое вовлечен Ребел, да и я тоже не знаю многого. Честно говоря, я и не хочу знать. Если Майкл в порядке, я с удовольствием оставлю этот разговор на потом. Судя по его тону и непререкаемости слов, Хулио Перес мертв, как и Чарли Холсан, и это все, что мне нужно услышать.

— Однако, есть одна вещь, — говорит мне Майкл, присаживаясь на один из табуретов за стойкой для завтрака. — Твоя сестра.

Несмотря на все, что произошло, несмотря на то, что почти во всем этом бардаке виновата она, мое сердце подпрыгивает в горле.

— Что? Что случилось? Она в порядке?

Майкл кивает.

— С ней все в порядке. Однако она здесь, в Сиэтле. И... она хочет тебя видеть.

На ум сразу же приходит Лэйси. Я долгое время считала ее сестрой, прошло меньше суток с тех пор, как мы ее похоронили, и сейчас кажется, что боль от ее потери никогда не утихнет. Я потеряла сестру, но у меня есть еще одна — живая. Следует ли мне по-прежнему злиться на Алексис? Да. Смогу ли я когда-нибудь простить ее за то, что она заставила меня пережить? Не знаю. Но значит ли это, что я должна навсегда вычеркнуть ее из своей жизни? Мой отец знал, что она жива, а мы с мамой разрывались на части, переживая за нее, а потом боялись, что она умерла. Папа сказал, что я не знаю версию Алексис — у нее были причины для того, что она сделала. Может быть, пришло время выслушать её рассказ. Сама мысль об этом приводит меня в ярость — как будто может существовать достаточно веская причина, — но полагаю, что со стороны моим родным и близким будет так же трудно понять мою ситуацию. Уверена, что Пиппа подтвердит это.

— Ладно, хорошо. Я встречу с ней. Но... но не сейчас. Мне нужно еще немного времени. — Мне нужно, чтобы мое сердце перестало болеть. Мне нужно чтобы мой мир перестал разваливаться на части. Майкл молча кивает — парень выглядит совершенно измотанным, словно только что пробежал марафон. — Что-нибудь зашить? — спрашиваю я.

Всегда необходимо что-то зашивать. Но Майкл потягивается и поднимается с табурета, направляясь к холодильнику. Он достает три бутылки пива, скручивает с них пробки и передает одну мне, другую — Пиппе. Я не видела, чтобы Пиппа пила пиво, тем более пиво из бутылки, но она принимает его с благодарностью.

— Мне не нужны швы. Мне нужно напиться, — говорит Майкл. — Мне нужно набухаться до беспамятства. И теперь, когда мы избавились от Холсана и Переса, думаю, мы заслужили ночь отдыха. И... и я хочу выпить за нашу девочку.

Я собиралась возразить против того, чтобы надраться в хлам — сама идея казалась безрассудной, — но как только Майкл заметил, что нам больше не нужно беспокоиться о боссах мафии, и упомянул о Лэйси, все сомнения улетучились. Я поднимаю свою бутылку пива и протягиваю к нему, чтобы чокнуться.

— За Лэйси, — говорю я.

— За Лэйс, — добавляет Майкл.

Пип поднимает свою бутылку и присоединяется к нам, и я ничего не могу с собой поделать — слезы снова начинают течь по моим щекам. Пройдет еще много времени, прежде чем я смогу думать о нашей девочке, не разрываясь на части. Моя печаль усугубляется, когда я думаю о Зете, который где-то там, в одиночестве, чувствует себя в десять раз хуже, чем я могу себе представить.

Майкл читает мои мысли. Он нежно касается кончиками пальцев моей щеки и грустно улыбается.

— С ним все будет хорошо. Даю слово. С ним все будет хорошо, потому что у него есть ты.

ГЛАВА 19

ЗЕТ

Глава 19

Семь часов. Лоуэлл и ее молчаливый гигант держат меня взаперти еще семь часов. Она расспрашивает меня о Монтерелло, а затем задает те же вопросы еще три раза. Она безуспешно пытается подловить меня, заставить сказать что-то, противоречащее моим предыдущим ответам, а я продолжаю давать ей одни и те же ответы.

Она расспрашивает меня о прошлом с Чарли. Спрашивает о смерти своего коллеги в больнице — того, в которого стрелял Чарли, а не я. Расспрашивает меня о взрыве у церкви Святого Финнегана вчера утром. Она спрашивает меня о смерти Андреаса Медины, тела которого было найдено на полу номера в отеле Marriott в центре города. Она расспрашивает меня обо всем, что может быть использовано для предъявления мне обвинений.

И упоительная правда заключается в том, что ей нечего на меня повесить. Абсолютно, бл*дь. Совершенно очевидно, что она пытается сделать все от нее зависящее. Лоуэлл знает, что у нее ничего нет, но она надеется, что я полный идиот. Она надеется внушить в меня страх божий разговорами о чудовищных преступлениях, чтобы к тому моменту, когда она дойдет до того, чтобы спросить меня о том, что ее на самом деле интересует, я буду готов признаться во всех грехах, чтобы спасти свою задницу. Она только что приступила к четвертому раунду вопросов о Медине — когда вы видели его в последний раз? О чем вы разговаривали с жертвой? — когда я окончательно потерял терпение от этого бреда.

Я наклоняюсь через стол, сцепляю пальцы и смотрю на злобную суку.

— Тебе нужен Ребел. Почему бы нам не прекратить это дерьмо, Денис? Почему бы тебе не спросить меня о том, что тебя на самом деле интересует, чтобы ты могла пойти домой разогреть ужин в микроволновке, а я мог убраться отсюда нахр*н?

Лоуэлл замирает, словно я нарушил ее планы, и она злится из-за этого.

— Ладно, Зет. Ты чертовски оптимистичен, если думаешь, что выберешься отсюда после того, как мы завершил разговор, но ладно. Для пущей убедительности, давай поговорим о

Ребеле. Ты знаешь, где он?

— Нет. Я уже сказал тебе, что не знаю.

В глазах Лоуэлл загорается огонь. Представляю, как она говорит гиганту выключить камеру, чтобы пойти и найти справочник — лучшего друга бесчестного полицейского, — но она этого не делает. Ей удается сдержать ярость и задать мне еще один вопрос.

— Что вы можете мне о нем рассказать?

— Почему ты так одержима им?

— Мне кажется, вы путаете динамику наших отношений, мистер Мэйфейр. Здесь я задаю вопросы.

— Если вам нужна информация, придётся терпеть мои вопросы.

Она фыркает, постукивая ногтем указательного пальца по исцарапанной поверхности стола между нами.

— Хорошо. Ребел покупает девушек. Он покупает их, а потом они исчезают. Никаких следов. Мы знаем, что он вовлечен в торговлю людьми. Мы знаем, что он убивает этих женщин. Мы не знаем, где и как. Учитывая ваше недавнее участие в поисках сестры доктора Ромера, могу предположить, вам не наплевать на этих женщин.

Значит, до нее дошли те же слухи, что и до меня о Ребеле. Она верит в то же самое, во что верил я, пока не встретил этого парня. Но теперь я знаю правду: Ребел помогал и финансировал переезд сломленных женщин, которых продавали как секс-работниц. Он не убивал их, он помогал им.

— Скажите мне еще раз, что означает УБН, агент Лоуэлл?

— Ты, бл*дь, умничаешь? — шипит Лоуэлл.

— Нет, вовсе нет. Мне просто интересно, почему Управление по борьбе с наркотиками... это ведь то, что оно обозначает, верно? Почему Управление по борьбе с наркотиками так активно участвует в деле, которое, насколько я понимаю, не связано с наркотиками.

— Тебе не нужно беспокоиться об условностях, Зет. Все, что тебе нужно, это помогать мне в расследованиях, и тогда, может быть, я заключу с тобой сделку, и тебе не придётся долго торчать в гребаном Чино, обслуживая по ночам...

— Не угрожайте мне. — Лоуэлл мгновенно замолкает. Может быть, из-за выражения холодной ярости на моем лице, а может быть, из-за явного предупреждение в моем голосе, но в любом случае эта сучка закрывает рот. Это самое умное решение в ее жизни. — А теперь послушай меня. Ты очистишь репутацию моей девочки, как и обещала, когда она была на встрече с тобой в торговом центре. Затем подпишешь бумаги и принесёшь их сюда. После того, как получу бумаги, я расскажу все, что ты хочешь знать о Ребеле.

— Ты считаешь, что находитесь в том положении, чтобы предъявлять требования...

— А если ты этого не сделаешь, — говорю я, понизив голос, — то вам придется освободить меня через сорок восемь часов в связи с отсутствием доказательств для предъявления обвинения. И когда я выйду на свободу, агент Лоуэлл, я буду очень раздраженным парнем.

— О, теперь ты мне угрожаешь? — спрашивает Лоуэлл.

Ее лицо стало белым, но в центре щек гневно горят два небольших красных пятна.

— Даже не мечтаю об этом. Просто говорю о своих чувствах. Мой психолог в Чино сказал, что неплохо бы делиться ими время от времени. — Ей не следовало говорить о том, что они отправят меня обратно в эту чертову тюрьму. Одно упоминания об этом месте

достаточно, чтобы мое настроение омрачилось к чертовой матери.

Лоуэлл понимает, что, несмотря на отрицание, я определенно угрожал ей. Она, должно быть, ясно видит угрозу в моих глазах.

— Скажи, что ты знаешь, и я подумаю над твоим предложением, — говорит она.

— Я скажу, куда пропали девочки. Скажу, кто на самом деле их похитил. И скажу, где находится клуб «Вдоводелов».

— Ты, должно быть, думаешь, что мы идиоты. Мы знаем, где находится их клуб, Зет.

— Я скажу вам, когда они будут там. И также скажу, где вы можете найти тело Чарли Холсана.

Это привлекло ее внимание.

— Холсан мертв?

— До меня дошли такие слухи. Подтвердить, конечно, не могу. Только слухи. — Я вижу, что она заинтересована: она у меня в руках. Осталось сделать еще кое-что, чтобы подсластить сделку. — Раз уж мы заговорили об этом, я укажу местонахождение всех торговых точек Холсана. Вы сможете изъять немалую партию наркоты. Это сможет облегчить оформление тех документов, о которых я тебя прошу, верно?

Я не хуже, чем она, знаю, что пропавшие девушки не попадают под ее юрисдикцию. Это дело федералов. Думаю, если бы они знали об этом деле, то занялись им, значит, Лоуэлл скрывает от них информацию. Для нее это личное дело.

Она мрачно улыбается, кивает, не отрывая глаз от стола.

— Предоставь обещанную информацию, и я посмотрю, что можно сделать.

— Сначала документы, Денис, а потом поговорим. А пока, может, принесешь мне поесть и чашку чая? Я немного проголодался, знаешь ли?

Проходит пять долгих секунд, в течение которых Лоуэлл смотрит на меня с интенсивностью палящего солнца. Она не может отказать. Она хочет — ничто не доставило бы ей большего удовольствия, чем бросить мою задницу в тюрьму и выбросить ключ, — но, за неимением доказательств моей вины, она знает, что у нее нет другого выхода, кроме как подчиниться. Она поднимается со стула, бормоча себе под нос. Видеокамера выключается.

— Я достану документы, Мэйфейр, но клянусь, если ты не дашь нам все, что нужно, я сделаю так, что ты больше никогда не увидишь свет.

— Справедливо.

— И Эрни... лучше бы с ним все было в порядке, ублюдок.

— О, я забыл про Эрни. — Я улыбаюсь, испытывая извращенное чувство удовольствия от того, что собираюсь сказать. — Эрни останется у нас, Денис.

Когда я поднимаюсь по ступенькам в The Regency Rooms, в заднем кармане джинсов у меня лежат три сложенных листка бумаги. Я чувствую легкость. Такую легкость, как будто могу улететь, если не буду осторожен. Единственное, что приковывает меня к тротуару, — это воспоминание о Лэйси. Я вижу ее каждый раз, когда закрываю свои гребаные глаза. Тот краткий миг, когда она говорила со мной перед смертью.

— Ты сделал все, что мог. Ты отдал мне все свои силы. Единственный кто когда-либо делал это.

Меня убивает то, что моих усилий оказалось недостаточно, чтобы обеспечить ее безопасность. Чтобы сохранить ей жизнь. Эта мысль вызывает у меня физическое отвращение. Я настолько увяз в собственном дерьме с Чарли, Слоан и ее сестрой, что забота о Лэйси отошла на второй план. Из всех людей на свете, с которыми можно было напортачить, Лэйси должна была быть последней. Она была нестабильна. На самом деле она была в полном дерьме, правда. Я должен был следить за ней каждую чертову секунду. Я чувствую, что подвел ее.

Удивительно, но не это печалит меня больше всего. Больше всего я грущу потому, что мне ее не хватает. Я скучаю по ней. Моя сестра покинула этот мир совсем недавно, но сейчас срок не имеет никакого значения. Возможно, именно осознание того, что она не вернется, делает боль в моей груди такой невыносимой.

Я сидел всю ночь, глядя в окно, пока Слоан спала, и боролся со своей сущностью. Мне хотелось все разгромить. Я хотел сжечь все дотла, не только дом Чарли. Я хотел впасть в ярость и избивать людей, убивать их голыми руками. Но потом я пришел к целому ряду осознаний. Первое заключалось в том, что некого бить. Некого убивать. Не осталось ничего, что можно было бы сжечь. Второе: мой полный и абсолютный провал в качестве брата означал, что я больше никогда не подведу важных людей в моей жизни.

Особенно это касалось Слоан. Третье осознание, которое настигло меня, когда солнце вставало над Сиэтлом, а Эрни тихонько похрапывал у моих ног, было то, что я испортил жизнь Слоан. Я не сошел с ума. Я уже прекрасно осознавал, что испортил ее жизнь, но понял, что исправлять ситуацию должен сам. Так что именно об этом и шла речь сегодня — об исправлении ситуации для меня и для Слоан. Потому что, хотя я этого ни хрена не заслуживаю, моя сестра хотела, чтобы я был счастлив.

Три листка бумаги прожигали дыру в заднем кармане. Один сгоревший особняк. Надеюсь, что между Слоан и ее вечно чертовски раздражающей подругой все наладилось. Из списка осталось вычеркнуть ещё пару вещей. Два пункта, которые в настоящее время находятся в работе. Я сделал небольшую остановку на обратном пути в отель, чтобы решить один из них, так что на самом деле только один.

На этот раз консьерж отеля Regency Rooms — женщина. Она приглашающе улыбается, когда я направляюсь к лифту, и обнаруживаю, что улыбаюсь в ответ, хотя и не так, как до появления Слоан. Теперь я вежлив, и ничего больше. Я никогда не буду улыбаться другой женщине так, как она только что улыбнулась мне.

Внутри лифта — телефон, который я оставил в машине, когда ездил на встречу с Лоуэлл, начинает звонить.

212—776—4540, получено в 19:59: Ты сказал ей то, что я велел тебе сказать?

Я: Да. Она приедет за тобой на следующей неделе. Ты все спланировал?

Отправлено в 19:59.

212—776—4540, получено в 20:00: Я буду готов. До скорого, зятек.

Во время короткого разговора президент «Вдоводелов» Ребел попросил меня передать Лоуэлл флешку, которую он отдал Слоан. После того как я передал ее агенту вместе с паролем «Аккордия», Лоуэлл получила доступ к файлам, содержащим персональные данные, местонахождение и адреса всех женщин, которых перевез Ребел. Лоуэлл, похоже, была разочарована тем, что ни одна из женщин не погибла.

Вместе с этой информацией Ребел просил сообщить ей дату его возвращения в Нью-Мексико. Восьмого декабря, через десять дней, «Вдоводелы» вернутся в свой клубный дом и будут ждать ее появления. Не знаю, каков его план. Формально Лоуэлл не может расследовать его дело в отношении девушек, которые все еще живы, но она может выйти на них по делу Алексис. Они сумасшедшие, но я понимаю, почему они хотят встретиться с ней лицом к лицу. По той же причине, по которой я должен был встретиться с ней сегодня: чтобы они с Алексис могли жить дальше. Чтобы покончить с этим безумием.

Когда я выхожу из лифта, первое, что слышу, — это звук бьющегося стекла. Я сразу же направляюсь к апартаментам, которые делю со Слоан. Неужели я ошибся? Возможно, кто-то из парней Чарли затаил обиду. Может быть, кто-то из них узнал, где она, и решил закончить начатое стариком. Когда мне удается открыть дверь, мое тело пульсирует от волнения.

Пиппа лежит на полу на спине и истерически хохочет. Я останавливаюсь, подняв кулак, готовый к атаке, пытаюсь понять, что происходит. Пиппа на полу? Пиппа на полу и смеется? Она видит меня, ее взгляд затуманивается, когда она пытается сфокусироваться на мне, и издает пронзительный крик.

— Зет! Зет вернулся!

Я слышу звук возни где-то в глубине квартиры — может быть, в ванной? В коридоре появляется Слоан.

— Вот ты где!

Она вбегает и бросается ко мне. Руками обхватывает мою шею, ногами — бедра. Она целует меня, и у нее вкус пива. Мне требуется мгновение, чтобы ответить на ее поцелуй. Не потому, что я не хочу ее целовать, а потому, что я наслаждаюсь этим моментом. Ее губы на моих, ее тело прижато ко мне. Я был рад, что вчера она дала мне немного пространства — я отчаянно в нем нуждался, — но сейчас близость Слоан просто необходима.

Я обхватываю ее руками за спину, яростно прижимаясь к ней так же, как она ко мне. Она прерывает поцелуй и прижимается своим лбом к моему.

— Ты пьяна, — говорю я ей на случай, если она еще не поняла

— Знаю. Ты ушел.

— Да. Прости. Но это того стоило, клянусь.

— Майклу не очень хорошо. Он напился до беспамятства, — шепчет Слоан.

Она выглядит очаровательно, с широко раскрытыми глазами и более чем немного пьяная.

— Похоже, вы все изрядно надрались, да? — Она кивает, и у меня возникает непреодолимое желание вынести ее из квартиры и уйти. Понятия не имею, куда, просто подальше. Туда, где я смогу держать ее при себе. Вместо этого я несу ее в спальню и кладу на кровать, полностью одетую. — Поспи. Я скоро вернусь, — говорю я ей.

Ее не нужно долго уговаривать: она закрывает глаза, когда я накрываю ее одеялом.

По плитке в ванной комнате разбросаны осколки стекла — именно этот звук я услышал в коридоре. Майкл лежит на унитазах, положив голову на предплечье, в полном отрубле.

— Твою мать!

Я смотрю на него и подумываю оставить его тут. Но я знаю, почему он сейчас в таком состоянии. Он был так же привязан к Лэйс, как и я. Я не могу его винить. Если бы я сделал хоть глоток алкоголя, мне было бы намного, намного хуже, чем ему. Я бы впал в ступор. Был бы сломлен. Мертв. В этот раз я не могу этого допустить.

Я хватаю его за запястье и поднимаю, чтобы подхватить его за плечо. Это короткий, неловкий путь в душ, я веду его так, чтобы избежать луж пива и осколков стекла на плитке. Мой дружище не может стоять в душе, поэтому я залезаю вместе с ним, поддерживая, и открываю холодную воду.

Холодная вода брызгает на нас, и Майкл едва не выпрыгивает из кожи. Внезапно очнувшись от холода, он хватается обеими руками за мою рубашку и кричит.

— Бл*дь! Бл*дь, бл*дь, бл*дь. Какого черта, чувак? — Я молча держу его, следя за тем, чтобы он оставался под струей ледяной воды. В его глазах вспыхивает гнев, он пытается оттолкнуть меня, но я крепко держу его. — Какого черта, Зет? — кричит он.

— Смирись.

— Отъеб*сь, — рычит он.

— Нет.

Он бьет меня. Хорошо, что он в стельку пьян, мать его, а то бы я почувствовал себя обязанным ответить. В любом случае, его удар едва ощутим. Я слишком окоченел от холода, и, честно говоря, мне это даже нужно. Я вообще чувствую себя опасно оцепеневшим. Он поднимает кулак и снова наносит удар, но на этот раз без намерения причинить боль. Через несколько секунд он падает в мои объятия и плачет.

Он беззвучно плачет, его тело содрогается от напряжения, и я позволяю ему это. Я люблю его за это. Люблю его за то, что он любил Лэйси. Я смотрю на затирку между плитками, стараясь не присоединиться к нему. Вчера я плакал из-за Лэйси. Я плакал впервые с тех пор, как мой дядя решил учить меня жизни с помощью кулаков двадцать восемь лет назад.

— Прости меня, парень. Мне жаль.

Майкл повторяет это снова и снова, как будто считает, что в том, что случилось с Лэйс, есть и его вина. Я ничего не говорю, потому что знаю, что он не вспомнит. Когда он успокаивается и начинает переносить часть своего веса на ноги, я выключаю воду и вывожу его из душа, снова осторожно обходя стекло, а затем направляюсь в одну из незанятых спален. Даю ему полотенце и уединение, а сам иду проверять третий компонент этого маленького фривольного действия. Пиппа заснула точно в той же позе, в которой была, когда я вбежал в квартиру: на спине, руки и ноги раскинуты в форме звезды.

Очень большая часть меня хочет оставить ее в таком положении — чертовски неудобно просыпаться утром на холодном, жестком полу, но между нами, это пошло бы женщине на пользу, — но она пришла, когда я ее попросил. И не вызвала полицию, когда я пришел к ней домой. Полагаю, некоторые люди назвали бы это прогрессом.

Я укладываю ее спать в третьей и последней спальне, а затем захожу к Майклу, чтобы проверить, не захлебнулся ли он собственной рвотой. Чертовы идиоты. Быстро принимаю горячий душ, а потом обнаруживаю, что стою в коридоре перед комнатой Слоан. Поскольку все свободные кровати заняты, я должен пойти спать на диван. Если не на диван, то в одну из комнат в апартаментах Майкла.

Но дело в том, что... я не хочу.

Правда не хочу.

Я положил руку на дверную ручку, взвешивая варианты. Я могу спать в одной постели со Слоан, и все будет хорошо. Я могу спать в одной постели со Слоан, а могу проснуться, подумать, что она Чарли, и попытаться убить ее. Риск слишком велик. Черт. Я отдергиваю руку, поворачиваюсь и иду по коридору, с каждым шагом ненавидя себя все больше и больше.

Гребаный Чарли мертв. Он мертв и не должен продолжать диктовать мне мою жизнь. Он не должен разрушать то единственное хорошее, что у меня есть. Это безумие. Это просто безумие, что я все еще позволяю ему.

И я принимаю решение, что больше не позволю ему управлять собой.

Я останавливаюсь. Разворачиваюсь. Возвращаюсь в комнату Слоан, прежде чем успею передумать. На этот раз не стою за дверью. Я сразу вхожу, Слоан свернулась клубочком посреди кровати. Ее дыхание медленное и ровное, как у человека, глубоко погруженного в сон.

Я могу это сделать. Я могу спать с ней в одной постели и не причинить ей вреда. Сбросив полотенце, забираюсь на кровать, совершенно голый. Слово почувствовав мое присутствие, Слоан прижимается ко мне так, что ее спина оказывается прижатой к моей груди. Это совершенно чуждо мне. Не знаю, что мне делать, поэтому делаю то, что хочу, — обхватываю ее и крепко прижимаю к себе. Это так отличается от того случая, когда мы со Слоан вырубались на одной кровати у Хулио. На этот раз я обнимаю ее, и мне суждено быть здесь. Я впервые засыпаю с женщиной в объятиях. Это похоже на рай.

ГЛАВА 20

СЛОАН

Глава 20

Я чувствую себя так, словно меня поджаривают. Мне кажется, что мое тело сделано из свинца. Когда я просыпаюсь, за окном темно, и есть большая вероятность, что я задыхаюсь. На мгновение меня словно парализовало, и я не могу пошевелиться. Паника охватывает меня, сердце начинает бешено колотиться. Но спустя мгновение понимаю, что я не парализована, а просто прижата к матрасу очень тяжелым спящим мужчиной.

Зет в постели со мной. Зет в постели со мной, и он крепко спит.

Он сделал это. Он лег со мной в постель, спустя столько времени, по собственной воле. Я осторожно переворачиваюсь лицом к нему, упираюсь носом в его ключицу и делаю осторожный вдох.

Он пахнет невероятно — смесью геля для душа и чего-то мужественного и отчетливого, чего-то, что не похоже ни на что другое на этой планете. Это запах Зета, и мне он нравится. Голова раскалывается — к восходу солнца у меня будет адское похмелье, но сейчас я нахожусь на той промежуточной стадии, когда все еще чувствую, как алкоголь бурлит в теле,

но я абсолютно трезвая.

Руки Зета сжимаются вокруг меня. Сначала я думаю, что это подсознательное действие, совершаемое во сне, но затем чувствую прикосновение его губ к моему лбу, и понимаю, что он проснулся.

— Прости, — тихо произношу. — Я не хотела тебя будить.

— Все в порядке, — говорит он мне, его голос хриплый ото сна. — Иди сюда.

Он кладет руку мне на бедро и придвигает ближе, хотя мы уже находимся кожа к коже.

— Ты... в порядке? — осторожно спрашиваю я.

Не хочу придавать большого значения его присутствию. Но это очень важно. Это много значит для меня, и то, как он ведет себя со мной, тоже, безусловно, очень важно.

— Я в порядке, — шепчет он.

В этих словах столько чувств. Знаю, что Зет говорит не только о том, что он здесь, в этой постели, со мной. Он говорит о Лэйси. Пройдет много времени, прежде чем каждый из нас сможет пережить ее смерть, но сейчас Зет дает мне понять, что он держит себя в руках. Не факт, что это хорошо. Возможно, для него будет лучше на какое-то время потерять контроль, но я не тот человек, который скажет ему об этом. Сломается или не сломается, я в любом случае буду здесь, чтобы помочь ему. Он медленно, сонно двигается, поднося пальцы к моей щеке. Действие мягкое. Нежное. Неожиданное.

— Слоан... мы свободны, — шепчет он.

— Правда? Хулио...

— С Хулио разобрались.

— Майкл сказал то же самое. Но как?

— Я не знаю подробностей. Но Ребел сказал, что он канул в небытие.

— В смысле, умер?

В темноте я могу различить очертания слабой улыбки Зета.

— На самом деле я не знаю. Но то, что он канул в небытие, меня сейчас вполне устраивает. — Он продолжает водить пальцами по моему лицу, подушечками нежно исследуя линии моего носа, скул, подбородка. — И тебе больше не нужно беспокоиться о Лоуэлл. Я о ней позаботился, — говорит он.

— Позаботился? Как ты позаботился о ней?

— Нет. — Зет тихонько хихикает, в его груди раздается низкий гул. — Клянусь, Слоан, что больше не буду ни о ком заботиться, как раньше. Никогда. Я заключил сделку с Лоуэлл. Я обменял информацию на документы, которыми она нас дразнила.

Я отстраняюсь, чтобы посмотреть ему в глаза. Он серьезно? Хотя в темноте трудно что-либо разглядеть, я могу увидеть напряженный взгляд его глаз. Плотные сжатые губы. Так и есть. Он серьезен на сто процентов.

— О, боже. Что случилось?

Зет рассказывает о том, как сдался Лоуэлл. О семи часах непрерывных допросов, пока Лоуэлл пыталась подловить его. Об информации, которую Ребел передал Лоуэлл, в обмен на три листа бумаги формата «А4» — для меня, Зета и Майкла, — снимающих с нас любые уголовные обвинения, которые могли или не могли быть выдвинуты против нас.

— И... вот и все. Больше никакого Чарли. Никакого Хулио. Никакой Лоуэлл.

Никакой Лэйси. Но я не произношу этого вслух. Вместо этого спрашиваю:

— Больше никаких кошмаров?

Зет вздыхает, зарываясь носом в мою шею.

— Не знаю. Возможно.

— Но сейчас их нет?

— Сейчас их нет, — подтверждает он.

— Что ж... хочешь поспать?

Я не хочу спать. Я хочу заняться чем-нибудь другим, и, думаю, Зет может быть согласен. Несмотря на то, что я полностью одета, от меня не ускользнуло, что он голый. И я чувствую, как он становится все тверже, его эрекция впивается в мой живот, когда он прижимает плотнее ко мне.

Зет ничего не отвечает. Он смотрит на меня сверху вниз, его темные глаза непривычно изучают меня. Я привыкла к опасной искре в его глазах. Она все еще есть, но... я чувствую, что пропал тот барьер, который разделял нас. От этого у меня перехватывает дыхание.

Зет наклоняется и целует меня, его рот нежен и мягок. В его горле раздается низкий басовитый звук. Ощущение его губ на моих невероятно приятно — требовательные, неторопливые, но решительные. Он запускает руки в мои волосы, а затем опускает их, чтобы осторожно коснуться моего лица. Все в этом моменте по-другому. Обычно он не такой. Обычно я чувствую себя так, словно меня захлестывает неудержимый прилив, затягивает под себя и перекачивает сила, намного превосходящая меня. Общение с ним всегда напоминало мне о том, как я в подростковом возрасте единственный раз попробовала заняться серфингом во время каникул в Калифорнии. Инструктор дал мне несколько ценных советов, которые сработали на удивление эффективно: Если тебя затягивает под волну, не борись с ней. Ты никогда не победишь. Океан намного сильнее тебя. Он дикий. Все, что нужно сделать, — это задержать дыхание. Расслабиться. Плыть по течению, и, в конце концов, ты поднимешься на поверхность.

Зет всегда казался мне такой волной, дикой и неудержимой, и это часть того, что меня восхищает в отношениях с ним. Но сейчас мне кажется, что мы равны по силе и уравниваем друг друга. Как бы я ни любила отпускать себя, позволять кому-то другому контролировать меня, это самая большая связь, которую я когда-либо чувствовала с ним, и ничто не может с этим сравниться. Ничто в мире.

Его руки спускаются к моей шее, пальцы скользят по линии горла, ключицам, посылая дрожь по всему телу. Медленно, осторожно Зет наклоняется и собирает мою рубашку, поднимая ее над головой. Далее следуют брюки и нижнее белье, руки Зета двигаются уверенно и осторожно, до тех пор, пока я не остаюсь такой же обнаженной, как и он.

— Закрой глаза, — шепчет он.

Он много раз просил меня сделать это, но в этот раз меня не пугает то, что он сделает, когда я закрою глаза. Я закрываю глаза, и Зет осыпает поцелуями мой лоб, веки, виски, щеки, спускается по шее. Когда он добирается до груди, у меня кружится голова.

Он переворачивает меня на спину, перекачивается вместе со мной, нависая надо мной, поцелуи не прекращаются. Требовательно подталкивая меня коленями, Зет раздвигает мои ноги, устраиваясь между ними. Его член твердый и теплый, он сильно упирается в меня. Его руки путешествуют по мне, он не торопится, обследует меня, целует, облизывает и нежно покусывает, отдавая дань уважения моему телу.

Не могу молчать. Я задыхаюсь каждый раз, когда чувствую его зубы на себе. Каждый раз, когда его язык лижет меня. Каждый раз, когда его пальцы касаются моей чувствительной кожи.

— Ты мокрая, Слоан? — рычит Зет в кожу моего живота. — Если я проверю, ты будешь

мокрой?

По мне пробегает дрожь.

— Да.

Потому что это так. Он всегда возбуждает меня. Я очень сильно хочу его, и он это знает. В прошлом Зет мог привязать мои запястья к кровати или сказать, чтобы я не двигалась, но сейчас он ничего не говорит. Не сомневаюсь, что в следующий раз, когда мы будем вместе, его черная сумка будет в деле, но сейчас я нуждаюсь в этом. И он тоже. Он опускается ниже, просовывая голову между моих ног, и я резко втягиваю воздух, чувствуя давление его языка на клитор.

Горячими, влажными, восхитительно медленными, размашистыми движениями он проводит по мне языком, посасывая клитор и облизывая киску. Я не борюсь ни с собой, ни с ним. Зарываюсь пальцами в его волосы, хватаю две приличные пригоршни и сильно тяну. Зет шипит, на мгновение останавливаясь, чтобы посмотреть на меня. Наши глаза встречаются, и я чувствую, как от него исходит напряжение и жар. В его глазах скрыто предупреждение, но с оттенком веселья. Я тяну чуть сильнее, и он улыбается, рот открыт, веки отяжелели.

— Ты испытываешь меня, злая девочка?

— Угук.

Я чувствую себя сбитой с толку тем, как он смотрит на меня — чувствую, как краска приливает к моим щекам от откровенной потребности, которую я вижу на его лице. Он не сразу опускает голову обратно, пристально смотрит на меня, не отрывая глаз от моего лица, и медленно скользит пальцами внутрь меня. Не одним, а сразу двумя. Он разжимает их, словно ножницы, и напряженное, тянущее ощущение глубоко внутри зажигает меня.

— Бл*дь. Зет. Боже мой.

— Хочешь, чтобы я продолжал?

Я киваю, не решаясь заговорить. Зет просовывает язык между скользкими складочками киски, не торопясь, пока я дрожу и выгибаюсь под ним. Он безжалостен со своими пальцами, вводя их в меня и выводя мучительно медленными движениями, от которых я на грани слез. В какой-то момент я теряю контроль, не стыдясь сдавленных, нуждающихся звуков, которые вырываются из моего рта.

Я начинаю думать, что Зет намерен заставить меня страдать, что он будет вечно растягивать мое удовольствие, пока я не смогу этого выносить, но как раз в тот момент, когда я собираюсь начать умолять, он прекращает то, что делает. Он скользит вверх по моему телу с хищным, мрачным выражением на лице, обшаривая меня взглядом, голодным и отчаянным. Он собирается трахнуть меня сейчас? Думаю, он так и сделает, но он слезает с меня и ложится на кровать рядом со мной.

— Слоан... я твой, — шепчет он.

Я чувствую, словно давлюсь собственным языком. Я, наверное, неправильно его расслышала? Зет Мэйфейр никому не подчиняется. Но истина его слов — в его глазах, на лице, в линиях его сильного, властного тела. Он мой. Он отдает себя мне. И я знаю, что он говорит не только об этом моменте, о совместных тайнах наших тел, движущихся вместе в полусвете, когда Сиэтл медленно оживает. Он говорит обо всем себе. Он говорит о том, что будет всегда. Он — мой, а я — его, и вдруг мне кажется, что все встает на свои места.

Я забираюсь на него сверху, располагаясь над его напряженным членом, и опускаюсь на него. Мне нужно почувствовать его внутри себя больше всего на свете. Это похоже на

последнюю часть молчаливого обещания, которое мы даем друг другу, и соединить наши тела — самая священная часть этого обещания. Руки Зета обхватывают мои бедра. Он прижимает меня к себе и не отпускает. Не сводя глаз, мы двигаемся друг против друга мощными толчками, мы больше не разделяемся, а становимся чем-то большим.

— Бл*дь, Слоан. Держись.

Зет садится, обхватывает меня руками, прижимая к себе так крепко, что кажется, я сейчас потеряю сознание. Я сдвигаюсь, чтобы обхватить его ногами, и тут он целует меня, лишая дыхания. Его руки вцепились в мои волосы, он оттягивает мою голову назад, чтобы получить доступ к шее, и впивается зубами в кожу.

— А-а-а! О, черт, Зет, я собираюсь...

Мне не нужно заканчивать предложение. Зет поднимает меня, переворачивает, все еще находясь внутри меня, и бросает обратно на кровать, тяжело приземляясь на меня сверху. Он дрожит, все его тело вибрирует — он тоже вот-вот кончит.

Огонь момента давным-давно выжег похмелье, хотя голова у меня все еще кружится. Голова кружилась из-за него. От недостатка кислорода и от интенсивности желания, пронзающего тело каждый раз, когда Зет выходит из меня. Потеря его кажется слишком тяжелой, чтобы вынести. Каждый раз он снова вгоняет себя в меня, как будто тоже чувствует эту потерю и твердо намерен это исправить.

— Кончай, Слоан, — рычит он. — Не сдерживайся. Кричи.

Я так и делаю. Кричу так громко, что, уверена, люди этажами ниже слышат, и мне все равно. В тот прекрасный момент, когда я испытываю оргазм, Зет следует за мной, ревет вместе со мной, цепляется за меня, словно боится, что я могу и исчезнуть. В ловушке под его трясущимся, покрытым потом телом, на это нет ни малейшего шанса. Я нахожусь именно там, где должна быть, и он тоже.

Зет приподнимается на локтях, но не выходит из меня. Он прижимается лбом к моему и смотрит на меня, тяжело дыша, пытаюсь прийти в себя. Мы молчим. Нам не нужно произносить слова вслух. Я говорю ему все, что ему нужно знать, глазами, и он делает то же самое. А потом мы засыпаем.

ГЛАВА 21

ЗЕТ

Глава 21

Я просыпаюсь и не пытаюсь убить свою девушку. Как бы ни начинался день, это оху*нно. Я встаю с кровати и направляюсь на кухню, где обнаруживаю блюющую Пиппу Ньюан, облокотившуюся на кухонную раковину.

— Доброе утро, Пиппа, — говорю я ей.

Отныне и навсегда Пиппа. Не Ньюан.

Она бросает на меня злобный взгляд.

— Здесь есть медикаменты?

— Если и есть, то они нелегальные, — сообщаю я ей. — Но у тебя ведь есть бланки для рецептов. Выпиши себе что-нибудь.

Я похлопываю ее по спине, изо всех сил стараясь скрыть злобную улыбку, когда она стонет.

Выхожу в коридор и в течение тридцати минут делаю несколько телефонных звонков. Остается еще одна неувязка, которую я пытаюсь привести в порядок, но к тому времени, когда заканчиваю телефонный разговор, все встает на свои места. Сегодня у меня есть планы на Слоан. Большие планы. Я чувствую себя чертовски коварным, когда возвращаюсь в квартиру, тело зудит от возбуждения. Давненько я так себя не чувствовал. На самом деле, не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь чувствовал себя подобным образом.

Майкл и Слоан проснулись. Они втроем — Слоан, Майкл и Пиппа — развалились на диване в гостиной и выглядят весьма жалко. Слоан выглядит наименее жалко — уверен, что сегодня утром вытрахал из нее похмелье, — но она явно испытывает небольшое похмелье. Эрни растянулся на коленях у всех троих, его купированный хвост быстро мотается туда-сюда, словно обезумевший стеклоочиститель.

— Усыпите меня, — стонет Майкл. — Это хуже смерти. Что произошло прошлой ночью?

Он не помнит, как я отвел его в душ, или не хочет помнить. В любом случае, я не говорю об этом.

— Вы были позорно пьяны. Я уложил вас спать, как долбаных трехлеток.

— Любой трехлетний ребенок, уложенный тобой в постель, будет психически травмирован, — говорит Пиппа, прижимая кончики пальцев к глазницам.

Я смотрю на Майкла, наслаждаясь выражением паники на его лице.

— Вставай. У меня есть для тебя работа.

Майкл выглядит так, будто его сейчас снова стошнит, но он этого не делает. Он приподнимает Эрни, чтобы подняться, и делает глубокий вдох.

— Что? Как ты собираешься меня пытаться?

Я записываю на стикере то, что мне нужно, и передаю его Майклу, и его брови взлетают вверх до линии роста волос. Или туда, где была бы линия роста волос, если бы он не был коротко подстрижен.

— Ты шутишь, да?

Я качаю головой.

— Тебе лучше поторопиться, все это мне нужно к концу дня.

Майкл бросает на Слоан сомнительный взгляд и уходит, ворча себе под нос.

Она бросает на меня растерянный взгляд.

— Что это было?

— Тебе нужно принять душ. Мы уезжаем через двадцать минут, — говорю я ей. — И, несмотря на то, что я в восторге от встречи с тобой, Пиппа, тебе пора домой. У нас с моей девочкой есть неотложные дела.

Пиппа злобно смотрит на меня. Приятно видеть, что некоторые вещи не изменились, но приятно и то, что она может выдержать более двух минут в одной комнате со мной, не пытаясь при этом настроить против меня Слоан.

Как только Пиппа ушла, а Слоан приняла душ и переоделась, я везу ее через весь город, слушая, как она тихонько напевает. Когда мы подъезжаем к складу, она начинает

волноваться.

— Куда... куда мы едем, Зет?

— Именно туда, куда ты думаешь, мы и направляемся.

— О.

Поскольку нас больше не преследуют сумасшедшие бандиты, для нас безопасно возвращаться сюда. Однако я могу понять ее нерешительность. В The Regency Rooms все было проще. Там нет воспоминаний. Там с нами не было Лэйси. Все ее вещи на складе, разбросаны повсюду, за что я ее постоянно ругал.

Я не возвращался сюда с тех пор, как она умерла. Если бы я мог избежать поездки сюда сейчас, я бы это сделал, но мне нужно смириться с этим. Мне нужно понять, какой будет жизнь без моей сестры. Приехав на склад, мы молча заходим внутрь.

Это место словно населено привидениями, но не Лэйси. Здесь обитают те люди, которыми мы были пару недель назад — злые, потерянные и несчастные. В какой-то степени мы все еще остаемся ими, но теперь все выглядит по-другому. Теперь я не хочу быть таким, как прежде.

Мы проходим мимо многочисленных напоминаний о моей сестре, Слоан держит меня за руку, я веду ее к двери, ведущей в мою спальню. Мы спускаемся вниз, по лестнице в подвал, я беру кувалду, которую оставил прислоненной к стене много месяцев назад, когда спускался сюда в последний раз.

— Вот.

Я протягиваю ее Слоан. Она с опаской смотрит на нее, сложив руки на груди.

— И что мне с этим делать?

— Разрушь стену позади себя.

— Что?

— Разбей стену. Разнеси ее.

Она смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Ты собираешься замуровать меня там или что-то в этом роде? — спрашивает она.

Когда-то давным-давно она, возможно, задала бы мне этот вопрос на полном серьезе. К счастью, сейчас она шутит.

— Просто сделай это, злая девочка.

Слоан протягивает руку и берется за рукоятку кувалды. Она гораздо сильнее, чем я думал, хотя это не должно удивлять меня. Я прекрасно знаю, насколько она сильна. Бросив на меня последний, слегка обеспокоенный взгляд, Слоан взваливает кувалду на плечо и замахивается.

Тонкий слой штукатурки трескается и взрывается в потоке пыли и осколков, и вот она — огромная дыра в стене.

— Боже. Я сделала это, — говорит Слоан, в ее голосе проскальзывает волнение. — Вот, — Она протягивает мне кувалду. — Попробуй.

— Нет. — Я делаю глубокий вдох. — Ты должна это сделать.

После моих слов она хмурится.

— Почему?

— Потому что, если я начну что-то бить, Слоан, я не остановлюсь. А сейчас я очень стараюсь...

Это правда. Я был спокоен. Мне как-то удавалось сохранять это хрупкое спокойствие, но я понятия не имею, как. Я все еще охвачен яростью, о которой мне даже думать страшно

— сама ее глубина пугает меня. Если я хоть на секунду поддамся этому гневу, я погружусь в него и не знаю, сколько времени мне понадобится, чтобы выбраться обратно. А сейчас мне нужно быть здесь. Ради Слоан. И ради себя.

Она кивает, понимая. Ей требуется еще семь взмахов, чтобы образовалась дыра, достаточная для того, чтобы я смог залезть внутрь и вытащить оставленные там сумки.

— Сумки? Скажи, что ты не заставил меня разрушить стену, чтобы достать секс-игрушки?

Я улыбаюсь, проверяя вес сумок, по одной в каждой руке.

— Нет. Это не секс-игрушки. Открывай.

Я протягиваю ей одну из сумок.

Она наклоняется и медленно расстегивает молнию на сумке, словно внутри может быть бомба. Ее глаза расширяются, когда она видит пачки денег.

— Что это?

— Это зарплата за восемь лет с моей последней работы. Мой начальник был мудаком, если тебе интересно, почему я уволился.

Мне не требовалось много денег на жизнь, я всегда очень бережно относился к тратам. Зарплата от Чарли за восемь лет — это чертова тонна денег.

— Это... это неприлично. Это неприличная сумма денег, Зет.

— Да, ты права. И прямо сейчас мы должны поторопиться. Мы опаздываем.

Сколько бы она ни спрашивала меня — девчонка могла бы дать фору чертовой Лоуэлл, — я не говорю, куда мы едем. Бросаю сумки с деньгами в багажник машины, которую арендую у The Regency Rooms, и везу Слоан в западную часть города, в направлении отеля. Однако мы направляемся не туда. Когда мы подъезжаем к месту назначения, останавливаюсь, гадая, что, черт возьми, она скажет, когда поймет, что я сделал.

Она смотрит в окно и поворачивается ко мне.

— Бойцовский клуб? Ты привел меня в бойцовский клуб?

Я вынимаю ключ из замка зажигания и вдавливаю его зубцами в ладонь. Возможно, это была глупая идея.

— Да. Не просто бойцовский клуб. Мой бойцовский клуб.

Я смотрю на нее краем глаза — неужели она думает, что я, бл*дь, сошел с ума? — и обнаруживаю, что она не смотрит на меня. Она смотрит на здание, прищурившись, словно двухэтажное строение становится все труднее и труднее разглядеть. Возможно, она не может себе этого представить — что я владею легальным бизнесом. Занимаюсь чем-то законным и имею успех.

Смотрю на ключ от машины в своей руке. Я должен вставить его обратно в замок зажигания. Уехать. Я уже собираюсь это сделать, но тут на мою руку ложится рука Слоан, и она выглядит так, будто находится на грани слез.

— Значит, мы не собираемся уезжать из Сиэтла?

— Что? Нет, черт возьми. Я не собираюсь убегать из своего дома, Слоан. — Мне и в голову не приходило, что она ожидает, что мы уедем. Не сейчас. — У нас нет причин уезжать из Сиэтла. Мы останемся здесь. И если кто-то будет настолько глуп, что захочет со мной разобраться, он будет точно знать, где я нахожусь.

Я перевожу взгляд на здание снаружи: потрескавшаяся, осыпавшаяся кирпичная кладка, отчаянно нуждающаяся в заделке, выцветшая деревянная доска с надписью: «Ирландский боксерский клуб для мальчиков О'Шеннесси», выкрашенная облупившейся зеленой краской.

Слоан прикасается кончиками пальцев к окну, еще раз осматривая здание, и смотрит на вывеску.

— О'Шеннеси? Это тот самый О'Шеннеси, который...

Я натянуто улыбаюсь.

— Нет, не тот. Это клуб его отца. У отца О'Шеннеси было два сына. Один из них был моим лучшим другом, Мерфи. Чарли убил его, чтобы причинить мне боль, перерезал ему горло у меня на глазах. О'Шеннеси, с которым ты имела удовольствие познакомиться, — его брат. Он наблюдал, как Чарли убивает Мерфи, и ничего не сделал, чтобы остановить его. Он позволил этому случиться, а потом много лет был рядом с Чарли. — Я пожимаю плечами — сколько бы я ни пытался примирить это в своей голове, особенно когда сидел в тюрьме и мне не о чем было особо думать, я так и не смог этого понять. — Отец О'Шеннеси слишком стар, чтобы управлять этим клубом. Майкл привел меня сюда вчера утром, чтобы я выпустил пар, и все вдруг встало на свои места. Я понял, что должен его купить.

Вчерашняя уверенность, глубокое знание, которое я испытал, теперь, похоже, покинуло меня. Черт. Это была глупая идея. Почему, черт возьми, я подумал, что открыть боксерский клуб разумное решение? У меня есть только один навык, и только один. Причинять боль людям — вот все, на что я способен. Я сжимаю кулак вокруг ключа, чувствуя укол боли и цепляясь за него изо всех сил.

— Я думаю... думаю, что это замечательная идея, Зет. Думаю, это прекрасно. Я могу помочь тебе управлять этим заведением.

Я ослабляю хватку вокруг ключа, рискнув еще раз взглянуть на нее. Выражение ее лица изменилось, словно ей потребовалось лишь мгновение, чтобы перефокусировать свое видение этого места, и теперь она видит его более четко. Теперь это уже не ирландский боксерский клуб О'Шеннеси, а нечто совсем другое.

— Как ты его назовешь? — спрашивает она.

— Боксерский клуб «Кровь и Розы», — говорю я ей.

Она смеется.

— «Кровь и Розы»? Почему именно «Кровь и Розы»? Немного противоречиво, тебе не кажется?

— Может быть. Не знаю. Это название показалось мне уместным. Это моя жизнь. Не идеальная. Далеко не идеальная. Она была кровавой и тяжелой, с множеством острых углов, но...

Я смотрю на нее, она очень внимательно меня слушает, и чувствую себя полным мудаком.

— Что? Расскажи, — говорит она, тихо смеясь.

— Но были и прекрасные моменты. — Ты. В моей жизни появилась ты, и благодаря тебе все остальное дерьмо того стоит. Я пожимаю плечами. — Борьба во многом похожа на это. Это тяжелое бремя. Подталкивающее тебя к пределам того, на что ты способен, но в то же время делает тебя сильнее и проясняет голову. Дает силы на тот случай, если они понадобятся позже. Проклятье. Наверное, в моих словах не так уж много смысла.

— В твоих словах много смысла. — Слоан поднимается со своего места и садится ко мне на колени, обхватив руками мою шею. — Я понимаю. И думаю, что это прекрасно. Бойцовский клуб — отличная идея, и название тоже. Он будет иметь оглушительный успех. И ты сможешь научить меня бить всех, кто будет меня обижать. Договорились?

Я собираюсь поцеловать ее, но сказанное ею останавливает меня. Я обхватываю ее лицо

обеими руками и заявляю:

— С этого момента никто не будет тебя обижать, Слоан. Никто. Я убью любого, кто попытается это сделать. Отныне у тебя будет нормальная жизнь. Ну, настолько нормальная, насколько она может быть нормальной со мной в качестве бойфренда. Но, боюсь, у тебя нет выбора в этом вопросе.

Она улыбается, и эта улыбка озаряет весь мой гребаный мир.

— Мне не нужен выбор, Зет. Мне нужен только ты.

Мы выходим из машины, и я забираю из багажника одну из сумок с деньгами. Мы вместе заходим в здание, и я представляю свою девочку отцу О'Шеннеси.

И после этого ирландский боксерский клуб О'Шеннеси становится бойцовским клубом «Кровь и Розы».

ГЛАВА 22

СЛОАН

Глава 22

Мы проводим в спортзале три часа, взволнованный отец О'Шеннеси показывает нам все вокруг и рассказывает истории о бесчисленных легендах бокса, которые тренировались у него на протяжении десятилетий. Я не понимаю, почему Зет все время называет О'Шеннеси отцом — он определенно не выглядит, не ведет себя и не одевается, как священник, — но все проясняется, когда старик с копной серебряных волос подмигивает мне и говорит:

— Я оставил священство, когда встретил мать моих мальчиков. Любой теплокровный мужчина не смог бы остаться безбрачным с этой женщиной, сидящей на его скамье. Это было более сорока лет назад, но эти неблагодарные люди продолжают называть меня отцом.

Понятия не имею, знает ли отец О'Шеннеси, что его единственный оставшийся в живых сын теперь, по сути, мертв, но я не говорю об этом. Зет ловит мой взгляд, и у меня возникает ощущение, что эту новость лучше не сообщать. И я благодарна за то, что мне не нужно сообщать плохую весть.

Я позволяю мужчинам поговорить, а сама хожу вокруг, прикидывая, как можно улучшить это место, что мы можем сделать, чтобы освежить его — очень многое, — и как привлечь более молодую публику. Уверена, у Зета есть масса идей, но я и сама вижу, какой потенциал у этого места. Представляя, как все здесь будет работать, я испытываю волнение, но все равно чувствую, что мой желудок завязывается узлом, пока я знакомлюсь с этим местом. И я знаю, почему. Но не могу об этом думать. У нас с Зетом все получится. Это будет наша совместная жизнь. Я бросаю быстрый взгляд через плечо: мужчины наблюдают за мной, ни один из них не произносит ни слова. Зет одаривает меня осторожной улыбкой, львиной и уверенной, и немного скрытной, и я понимаю, что все сложилось так, как и

должно было сложиться.

К пяти часам Зет отвозит меня обратно в The Regency Rooms и велит ждать в наших апартаментах. Я суетилась вокруг Эрни, чувствуя себя дерьмово из-за того, что оставила его на такое длительное время, а затем заварила себе чашку чая. Вскоре возвращается Зет с рюкзаком, перекинутым через плечо, и двумя пакетами с одеждой в руках.

— Вот, переодевайся. Мы опаздываем.

— Опять? — Я смотрю на пакет с одеждой, который он протягивает мне. В последний раз, когда я наряжалась, нас всех чуть не взорвали. Мое тело до сих пор болит при каждом движении в подтверждение этого факта. Я вся черная и синяя с одной стороны тела от сильного удара о землю. — Куда мы опаздываем?

— Меньше вопросов. Больше действий. Мне самому одеть тебя, Слоан?

Он делает шаг ко мне, и в его глазах ясно читается вызов. Насколько могу судить, я искренне сомневаюсь, что он хочет меня одеть, такое чувство, что он больше заинтересован в том, чтобы раздеть меня.

— Зависит от того, на самом ли деле мы опаздываем куда-то, или ты думаешь, что у нас есть время, чтобы скоротать его, — говорю я.

Зет издает рычащий звук.

— Хорошо. Тогда пошевеливайся.

Я беру у него платье — полагаю, что это платье — и направляюсь в спальню. Расстегиваю молнию на чехле и вижу, что это платье. Красивое, шелковое, ирландского зеленого цвета (*прим. пер.: Ирландский зеленый, — цвет молодой весенней травы*) с огромным разрезом спереди. К нему прилагаются туфли на каблуках, обтянутые шелком, и чудесный гребень для волос в стиле арт-деко. Я одеваюсь, чувствуя себя невероятно соблазнительной, когда материал скользит по моей коже. Давно я так себя не чувствовала.

При мысли о соблазнении я вдруг вспомнила, что консьерж сказал нам, когда мы приехали сюда: что скоро здесь будет мероприятие. Такое, на которых бывал Зет до того, как вернулся в мою жизнь. Консьерж даже спросил, не хотим ли мы заказать кабинку. Сердце внезапно забилось в груди. Он... он собирается пригласить меня на какую-то секс-вечеринку? Я слишком хорошо помню последнюю.

Я выхожу из спальни в гостиную, готовясь наброситься на него, но затем замечаю своего мужчину и теряю всякую способность связно говорить. В черном костюме, белой рубашке и черном галстуке Зет великолепен. Небольшие порезы и царапины на руках и лице, кажется, только подчеркивают его дикую красоту. Он застегивает запонки, ухмыляясь, когда встречается со мной взглядом.

— Нравится? — спрашивает он.

Нравится? Он прекрасно знает, что это так, высокомерный ублюдок. Я хмуро смотрю на него.

— Ты собираешься отвести меня вниз в какой-то странный секс-клуб, Зет?

Он выглядит искренне удивленным. Я наблюдаю за моментом, когда его осеняет понимание.

— О, ты думаешь... — Он смеется. Смеется. — Нет, злая девочка. Больше никаких секс-клубов для тебя. Или для меня. То есть, если только...

Я бросаю в него диванной подушкой, но он уклоняется, продолжая поправлять запонки. Я качаю головой, подхожу к нему и протягиваю руки. Он вкладывает свою ладонь в мою, и я осторожно продеваю серебряную пуговицу в его манжету.

— Вот так.

Когда я поднимаю глаза, Зет ухмыляется.

— Что?

— Ты разочарована, да?

— Тем, что ты не поведешь меня в секс-клуб? Нет!

Я чувствую, как краснею. Слышу, как нелепо звучит мое отрицание. Ухмылка Зета исчезает в мгновение ока. Он наклоняется ко мне так, что его губы касаются моего уха:

— Я могу терпеть, когда люди смотрят, Слоан. Могу смириться с тем, что ты хочешь наблюдать за другими. Но теперь у нас новые правила. Никому больше не разрешается прикасаться к тебе. И я никогда не буду прикасаться к кому-либо еще и не позволю никому прикасаться ко мне. Так что... все, что тебе нужно сделать, это сказать мне об этом.

Холодная, тревожная дрожь пробегает по моему телу, но я тревожусь не потому, что думаю, что он этого хочет. Он говорит мне это, потому что предполагает, что я могу этого хотеть. И... я волнуюсь из-за того, как себя чувствую в преддверии этого.

— Я не хочу, — говорю я, задыхаясь.

Зет кивает, хотя я вижу проблеск мрачного веселья в его глазах.

— Пойдем, злая девочка. Нас ждет машина.

Нашего водителя, конечно же, зовут Майкл. А наша машина — элегантный черный лимузин. Ни один из них не поддаётся моим уговорам и не говорит, куда мы едем, пока мы бесшумно скользим по городу. Я не догадалась, даже когда мы остановились у церкви.

Зет помогает мне выйти из машины, на его губах играет едва заметная улыбка. Его веселит мое замешательство.

— Что мы здесь делаем?

Внутри слышна музыка — звуки скрипок и виолончелей, а также много голосов, говорящих одновременно. Дорожку ко входу в церковь освещают греющие свечи (*прим. пер.: Греющая свеча (чайная свеча) — спец. название для маленьких свечек*), а на ветвях деревьев во дворе висят маленькие сказочные огоньки. Потрясающее зрелище.

Зет немного смущается, лезет в карман и достает квадратик испачканной, потрепанной карточки. На обратной стороне запекшаяся кровь, уголок оторван, но я сразу же понимаю, что это приглашение на свадьбу Суреша. Он сказал... Зет сказал мне несколько недель назад, что пойдет со мной. Я совсем забыла об этом. Столько всего произошло за это время. Столько всего, что изменило и сформировало нас. Зет разворачивает приглашение и протягивает его мне.

— Я думала, что они женятся в отеле. Утром? — шепчу я.

— Очень верующие родители невесты задержали церемонию, — объясняет Зет. — Они

перенесли время и изменили место проведения свадьбы, объясняя это тем, что не венчаться в церкви — скандално.

Я снова смотрю на церковь, пытаюсь осознать все происходящее.

— Не могу поверить.

— Надеюсь, ты все еще хочешь, чтобы я был твоей парой? — тихо спрашивает Зет.

У меня щиплет глаза. Не могу поверить, что среди всех этих драк, беготни, насилия и боли он вспомнил об этом.

— Я бы хотела, чтобы ты был моей парой.

Не могу поверить, что этот человек реален. Не могу поверить, как сильно его люблю. Без него я не смогу жить. Без него последние несколько месяцев я бы точно была в большей безопасности, но, оглядываясь назад, можно сказать, что Зет был прав. Наша жизнь — это кровь и розы — физическая боль, душевная боль, но и горько-сладкая и прекрасная. Есть много вещей, которые я бы изменила, потеря Лэйси — одна из них, но у меня все еще есть он. У меня есть будущее с ним, и это прекрасно.

— Хочешь зайти внутрь? — спрашивает он.

Киваю, соглашаясь.

— Я определенно хочу зайти внутрь.

Церемония великолепна. Внутри церковь, скамьи и проход украшены множеством маленьких белых цветов. Ребекка, невеста Суреша, сияет в море белого кружева и шелка, в ее волосы вплетены такие же маленькие белые цветы. Вокруг меня знакомые по больнице лица — Оливер сидит у входа в церковь со своей спутницей, стройной блондинкой с потрясающей улыбкой. Он замечает нас и нерешительно улыбается мне. После произнесения клятв люди выходят из церкви и идут по улице, не заботясь ни о холоде, ни о ветре, который может испортить их прически. Зет переплетает свою руку с моей, и мы идем вместе с толпой, окруженные смехом и улыбками.

— Слоан! Боже мой, Слоан. — На мое плечо опускается рука. В следующее мгновение я понимаю, что меня заключают в крепкие объятия. Суреш, сияющий от уха до уха, крепко сжимает меня, а затем держит на расстоянии вытянутой руки, чтобы рассмотреть меня. — Я так рад, что ты здесь, — говорит он мне. — Теперь все идеально. — Он запечатлевал на моем лбу влажный поцелуй, а Ребекка, внезапно оказавшаяся рядом с ним, заливисто смеется.

— Да, я тоже очень рада, что ты пришла, — говорит она, целуя меня в щеку.

— Спасибо. Ты прекрасно выглядишь.

— Вижу, ты воспользовалась своим плюсом один, — говорит Суреш. — Ты, должно быть, тот парень, с которым трахается Слоан.

Он протягивает руку Зету. Вся кровь отхлынула от моего лица. Я закрываю рот руками, вспоминая слова Суреша, сказанные им в больничной столовой в тот день, когда он напомнил мне о своей свадьбе, — что я не могу привести просто друга. Это должен быть тот, с кем я трахаюсь. Когда я смотрю на Зета, он пожимает руку Суреша, ничуть не смущаясь.

— Да. Я именно тот парень, — говорит он. — Зет. Приятно познакомиться.

— Мне тоже. Зет? Классное имя.

Он хлопает Зета по руке, и жених с невестой идут дальше через толпу, улыбаясь и обнимая на ходу все новых и новых людей.

В конце концов, огромное количество людей достигает небольшого бутик-отеля (*прим. пер.: Бутик-отель — небольшой, обычно роскошный отель, отличающийся от отелей и мотелей различных сетей и брендов больших размеров персонифицированным подходом к*

размещению гостей, предоставлению услуг и/или уровню обслуживания) в трех кварталах от церкви. Пока не настало время для тостов и банкета, начинает играть струнный квартет. Зет протягивает мне руку, и вечер становится еще более странным.

— Хочешь потанцевать со мной? — спрашиваю я.

— Да. — Зет обнимает меня и притягивает к себе, вдыхая мой запах. — В данный момент я ничего не хочу больше.

Он прижимает меня к себе, и мы танцуем, и в этот крошечный миг кошмар, через который мы прошли, больше не имеет значения. Ничто не имеет значения. Уже далеко за полночь, после банкета, тостов и танцев Зет говорит, что нам пора уходить.

— Что? Мы должны идти? Почему?

— Потому что. — Он легонько целует меня, его рот задерживается на моем. — Часы уже пробили двенадцать. Так происходит в большинстве сказок, верно? Прекрасная девушка должна уйти до конца бала?

— Нет, — говорю я, смеясь и качая головой. — Не в этот раз. Не сейчас. На этот раз принцесса получит своего прекрасного принца, верно? Ты же сам сказал. Только одна ночь.

Он улыбается.

— Я дам тебе больше, чем одну ночь, Слоан, клянусь. Или, по крайней мере, буду работать над этим. Но сейчас мы должны уйти, потому что тебе рано вставать утром.

— Да?

Он кивает, борясь с зарождающейся улыбкой. Мы молча выходим со свадебной вечеринки, и у меня становится тяжело на сердце. Было бы неплохо остаться поесть, посмеяться и потанцевать еще, но я заинтригована его загадочным намеком.

В машине Зет передает мне черный рюкзак.

— Вот.

Это тот самый рюкзак, который он перекинул через плечо, когда возвращался от Майкла. Я смотрю на него, пытаюсь понять, что внутри и открываю молнию.

Сердце замирает, когда я вижу, что внутри.

Медицинская форма.

Голубая медицинская форма.

— Что... что это?

Я едва могу дышать.

— Разве это не твоя рабочая форма?

Зет сдерживает ухмылку, когда я вытаскиваю медицинскую форму, и мой рот открывается.

— Но... как? Как ты...? О боже, ты ведь никому не угрожал?

— Нет. Деньги решают все, доктор Ромера. Хотя если бы главврач не сделала то, что я, бл*дь, хотел, следующими в ход пошли бы угрозы.

— Ты подкупил шефа Эллисон?

Он замолкает.

— Я дал ей то, что она хотела.

— Что именно?

— Новый аппарат магнитно-резонансной томографии.

— Зет! Аппараты МРТ стоят миллионы долларов! В этих сумках было много денег, но не миллион долларов.

— Нет, там не было столько денег. Но у Чарли в сейфе лежала изрядная куча бабла, и

они ему уже не пригодятся. А мне уж точно не нужны его деньги.

Боже. Я пытаюсь представить себе лицо шефа, когда Зет передал ей эту сумму наличными. Ей пришлось бы провести их как анонимное пожертвование. Бумажная волокита с подобным была бы просто кошмаром. Мне вдруг захотелось блевать.

— Так я возвращаюсь на работу? Я на самом деле возвращаюсь? Завтра утром?

Зет сверяется с часами, словно моя смена должна начаться с минуты на минуту.

— Ровно в девять утра. Это значит, Слоан, что у нас есть достаточно времени, чтобы вернуться домой и провести некоторое время наедине, прежде чем тебе нужно будет лечь спать.

Его руки скользят по шелку моего платья, и я с трудом могу поверить, что это происходит. Он сделал это для меня. Врачи не могут безнаказанно воровать медикаменты и участвовать в перестрелках внутри больниц, а потом возвращаться на работу. Он очистил мою репутацию.

К тому моменту, когда Майкл тормозит у отеля The Regency Rooms, я сексуально перевозбуждена, мои волосы растрепались, и я еще больше влюбилась в этого безумного, сексуального мужчину. Майкл отправляется парковать лимузин, а мы с Зетом поднимаемся на лифте на наш этаж.

— Если я вернусь на работу, что ты будешь делать без меня весь день? Ты ведь будешь скучать по мне, правда? — дразню я.

Зет прижимает меня к стенке лифта, его руки быстры, он просовывает пальцы под кружево моих трусиков. Я задыхаюсь, когда он вводит в меня два пальца, и на его лице появляется коварная улыбка.

— Не беспокойтесь обо мне, доктор Ромера. У меня полно дел.

— Не нарывайся на неприятности, — шепчу я.

Он одаривает меня порочной ухмылкой. Я с самого начала знала, что эта ухмылка меня погубит.

— Постараюсь, — говорит он. — Но ты же знаешь, как бывает, Слоан. Неприятности похуже, сами находят меня.

Эпилог

О жаре в Нью-Мексико я читала, но никогда не испытывала на себе. Я оставляю машину на обочине, как мне было велено, и иду по длинной пыльной дорожке, уходящей вдаль. Ни одного дерева. Ни тени. Только дорога, солнце над головой и пересохший рот.

По словам Ребела, прогулка будет недолгой, но у меня такое чувство, что этот ублюдок мог соврать. Он, похоже, часто так делает, если считает, что добьется своего. Вдруг меня

осеняет, что я не права. Ребел врет не для того, чтобы добиться своего. Он лжет мне, чтобы добиться расположения Лекси. Похоже, моя сестра держит своего мужчину под каблуком.

Хотя некоторые люди могли бы сказать то же самое о нас с Зетом. Зет никогда не лжет, он лгал только ради меня. Он сделает все возможное, чтобы помочь мне или обеспечить мою безопасность. Последние несколько месяцев показали мне это.

Прошел месяц с тех пор, как я вернулась на работу в больницу Св. Петра. Целый месяц с тех пор, как погибли Чарли и Лэйси. Месяц назад Зет выкупил ирландский боксерский клуб О'Шеннеси и превратил его в нечто другое — в нечто свое. Похоже, переход от бандита к владельцу бизнеса дался ему легко. Думаю, этому способствует и то, что его новый бизнес заключается в том, что он целыми днями бьет людей, только теперь они платят ему за это удовольствие.

Мне так и не удалось встретиться с Лекси, когда она была в Сиэтле. После смерти Лэйси мир казался слишком излишним и сложным. Я не могла встретиться с ней лицом к лицу. Не тогда. Но теперь, после месяца работы и непрерывных дней и ночей, проведенных в заботах о Зете, я проснулась три дня назад и решила, что пора. Села в машину и поехала. Оставив Зета, Майкла и Эрни, я отправилась в путь одна, впервые не беспокоясь о картелях или боссах английской мафии, которые могут меня убить, и почувствовала, что могу дышать.

Я не торопилась сюда, следуя указаниям Ребела, но теперь, когда я здесь, глядя в створ длинной дороги, ведущей к жизни, которую выбрала моя сестра, меня охватывает неуверенность. Я знаю, что Алексис не догадывается о том, что я приеду. Ребел хотел сохранить это в тайне — вдруг я передумаю и не приеду, — и теперь я рада этому. Ее неведение о моем приезде означает, что я могу решить, хочу ли я этого. Хочу ли я вернуть сестру? Хочу ли услышать ее историю? Историю, которая кажется такой же сложной и опасной, как и моя. Ответ на этот вопрос — парадокс. Да, я хочу услышать, что мешало ей сообщить родным о том, что она жива. Да, я хочу знать, почему в течение двух лет она жила с бандой байкеров, которая, судя по всему, до сих пор занимается подпольной деятельностью. И да, я хочу знать, почему она полюбила и вышла замуж за такого человека, как Ребел.

Однако, с другой стороны, я не хочу этого знать. Я так долго злилась на нее, — узнать ее историю мне страшно. Это может означать, что мне придется отпустить все разочарование и чувство предательства, и, честно говоря, не знаю, как это отразится на мне. Опечалит? Опустошит?

Потому что, если во всем этом нет вины Лекси, тогда это не более чем ужасное невезение и дерьмовая судьба, и это вне моего контроля. Мне не нравится, когда что-то выходит из-под контроля.

Я смотрю на грунтовую дорогу, держась за лямки рюкзака, и думаю, что лучше: жить жизнью, в которой сестра бросила и предала меня, или жизнью, в которой происходят ужасные, страшные вещи, и я ничего не могу с ними поделать.

Веду себя, как трусиха.

Снова начинаю двигаться.

Понятие Ребела о коротком путешествии смехотворно. К тому времени, как на горизонте показалось здание, я вспотела и совсем выбилась из сил. В глубине души у меня возникает тревожное ощущение, как будто невысокого комплекса зданий на самом деле не существует. Туманные, волнистые тепловые линии, исходящие от поверхности пустыни, создают впечатление, что это может быть просто мираж.

Но, продвигаясь вперед, я вижу, что они вполне реальны. Странный луч солнца, отражающийся от хромированной поверхности, в конце концов, говорит о том, что я нахожусь в правильном месте. Темно-коричневые, серые и черные глыбы на горизонте превращаются в различные здания, а со временем появляется и высокий забор, обнесенный колючей проволокой.

Это место похоже на тюрьму.

Так вот где Алексис жила все это время? В каком-то странном поселке посреди чертовой пустоты, окруженном пустынными холмами и выжженными красными скалами? Далеко от дождливого, ветреного и цивилизованного Сиэтла. Никакого «Старбакса». Никаких сетей быстрого питания. Ни ресторанов, ни кафе. Ничего.

К тому моменту, как я вижу одинокую фигуру, приближающуюся с другого конца дороги, на моих ногах было около восьми мозолей. По походке и размаху плеч я поняла, что это парень, но не могу определить, кто это, пока не подхожу ближе.

Кейд. Это Кейд Престон.

То, что я пару мгновений назад приняла за размашистую походку, на самом деле оказалось явной хромотой. Я не видела Кейда после того, как его похитил Хулио, но Майкл описал очень яркую картину полученных им травм. Зет навещал парня, они ведь друзья и все такое, и сказал, что он очень сильно пострадал. Но это было несколько недель назад. Если он до сих пор с трудом передвигается, значит, его травмы очень серьезны. Очень-очень серьезны.

— Как дела, Док? — приветствует он, как только оказывается в пределах слышимости.

Он улыбается своей широкой улыбкой, в его глазах пляшет огонек, хотя я вижу и боль, которая также присутствует в них.

— Разве тебе следует на ней ходить? — спрашиваю я, указывая подбородком на ногу, которую он поджимает.

— Используй или потеряешь, верно? (*прим. пер.: Принцип «Используй — или потеряешь» (обычно о навыках, способностях и т. п., которые утрачиваются в отсутствие тренировки)*).

— Нет, — смеюсь я. — Не всегда. Иногда использование — самое худшее, что можно сделать. Разве тебя не водили к специалисту?

Кейд пожимает плечами, отмахиваясь от моего беспокойства.

— Да. И сейчас все гораздо лучше, чем было, это точно.

Я — это я, поэтому у меня с собой аптечка.

— Я осмотрю твою ногу позже. — Кейд кивает, как будто спорить с этим бессмысленно. И он прав. Нет смысла спорить. — Тебя послали встретить меня? — спрашиваю я.

— Что-то в этом роде. Карни заметил, что кто-то приближается, и был готов достать свою снайперскую винтовку. Но я подумал, что лучше выйти и посмотреть, что к чему, прежде чем пускать в ход снайпера.

— Что ж, спасибо. Быть застреленной сегодня не входит в список моих дел.

Одного выстрела мне хватит на всю жизнь. Рука до сих пор горит при воспоминании о жгучей боли, пронзившей меня много недель назад. Мне повезло. Очень повезло. Мои раны могли быть гораздо серьезней.

— Она не ждет тебя, — говорит Кейд, с сожалением потирая затылок. — Она в бешенстве. После того как ты отказалась встретиться с ней в Сиэтле, ну...

Он замолкает, давая мне возможность представить, как она восприняла мой отказ

встретиться с ней. Может, она разозлилась. Может, расстроилась. Но, в конце концов, я не могла пересилить себя. Я была не готова. Если бы я встретила с ней в тот момент, когда была подавлена всем произошедшим, я, возможно, не смогла бы ее выслушать. Не смогла бы простить ее. Не уверена, смогла бы снова принять ее как свою сестру. Она навсегда останется моей кровной родственницей, но та связь, которую мы разделяли — мы были очень близки до ее исчезновения, — возможно, была бы потеряна. И в этом был весь смысл.

Я хотела вернуть сестру. Я хочу вернуть Алексис. Когда я признаюсь себе в этом, меня охватывает нервное возбуждение.

— Ты же не думаешь, что она разозлится из-за того, что я здесь? — спрашиваю я Кейда.

Он бросает на меня удивленный взгляд.

— Ох, Док, ты даже не представляешь, насколько глуп этот вопрос.

Не знаю, должна ли я обидеться, встревожиться или успокоиться из-за такого ответа. Кейд, похоже, не склонен развивать свой комментарий, поэтому мы очень медленно идем к комплексу. Когда мы подходим ближе, я вижу огромное количество мотоциклов, выстроенных в длинный ряд по внутреннему периметру забора. Очень много людей. Не знаю, чего я ожидала, но уж точно не орду байкеров.

— По-твоему это неприметно? — говорю я, выдыхая.

— Нет. Я бы так не сказал. — Кейд улыбается теплой, дружелюбной улыбкой. — Это наш дом. Это необходимо для безопасности.

Безопасность. Необходимость. Эти понятия мне не чужды. До недавнего времени меня таскали от столба к столбу, потому что это было необходимо. Потому что я была в опасности. Когда стало заметно безопаснее и не было необходимости прятаться, мы так и не вернулись на склад Зета. Как-то раз мы попробовали переночевать там, и нам показалось это слишком странно. Слишком одиноко, даже несмотря на то, что Зет, я и Майкл наполняли это место звуками. Мы вернулись в The Regency Rooms, и теперь это место кажется нам каким-то странным подобием дома.

Я замечаю Ребела, когда мы подходим к огромным десятифутовым воротам из металлической сетки — единственному, насколько могу судить, въезду и выезду из комплекса. Мой шурин прислонился к металлическому столбу, очевидно, ожидая нас, сжимая зубочистку передними зубами.

— Ну, здравствуй, — говорит он, одаривая меня натянутой улыбкой.

Сегодня в нем нет ни живости, ни остроты ума. Только напряженный, почти тревожный взгляд, который меня, как ни странно, настораживает. Таким я его еще не видела. Я привыкла к его сводящей с ума раздражающей самоуверенности. Этот тихий, сдержанный Ребел — нечто новое и неожиданное.

Он отталкивается от металлического столба и открывает перед нами ворота.

— Не могу сказать, что не шокирован, доктор Ромера. Я думал, что мне придется похитить вас и доставить сюда.

— Думаешь, Зет бы тебе позволил?

Я приподнимаю бровь, глядя на него, отмечая, как что-то промелькнуло на его лице при упоминании Зи. Не раздражение. Не гнев. Трудно определить эмоцию. Я не знаю его достаточно хорошо, чтобы понять, что это значит.

— Думаю, мало вероятно. Я не настолько глуп, чтобы пытаться отнять что-то у твоего мужчины, Слоан. Мне нравится мое тело таким, какое оно есть. Неповрежденным.

Он хлопает Кейда по спине, и тот, ковыляя, уходит, коротко помахав мне рукой,

направляясь к ближайшему зданию, где во дворе звучит громкая рок-музыка.

— Я приду осмотреть твою ногу перед уходом, — кричу ему вслед.

— У него в ноге восемнадцать штырей. Он практически не может ездить на байке, — сообщает мне Ребел.

— Что? Он ведь проходит физиотерапию, верно?

— Ох, не волнуйся, Док. Кейд получает терапию в полном объеме. — В голосе Ребела слышится ухмылка, которую я, может, не могу увидеть, когда он стоит ко мне спиной, но прекрасно слышу. За этим комментарием явно кроется какая-то история, но я не собираюсь спрашивать, в чем она заключается. — Соф в баре. Я покажу тебе, где это, а потом оставлю вас наедине.

Я не спрашиваю, какого черта моя сестра делает в баре в такую рань, ведь еще только одиннадцать утра. Ребел ведет меня через широкий внутренний дворик к низкому зданию с потрескавшейся штукатуркой, окрашенному в очень бледный солнечно-желтый цвет, не похожий на промышленные серые и черные цвета других зданий.

— Это ваш клубный дом? — спрашиваю я.

Ребел оглядывается через плечо, на его лице застыло выражение ужаса.

— Что в этом здании говорит о том, что это клубный дом «Вдоводелов»?

— Очаровательный декор, очевидно, — ворчу я.

— Наш клуб находится в центре города. Там же находится принадлежащий нам тату салон. Нужно, чтобы все выглядело законно для налоговых инспекторов, верно?

— Так что же тогда, по их мнению, представляет собой это место?

— Основные ставки делаются на религиозный культ или сообщество свободного секса.

— Оу.

На это раз у меня нет слов. Ребел одаривает меня ухмылкой, которая злее, чем обычно. Он открывает дверь в бар и отступает, пропуская меня.

— Удачи, — шепчет он.

И тут дверь захлопывается за мной.

Ублюдок. Я старалась, чтобы Лекси не знала о моем приезде, а он громко заявил обо мне. Видимо, это все на моей совести. Я с трудом фокусируюсь во внезапном полумраке комнаты. Здесь пахнет алкоголем и жареной едой. Такие запахи ассоциируются с баром. Вот только в воздухе чувствуется какой-то химический привкус. Что-то незнакомое и в то же время узнаваемое. Он доносится до меня в тот самый момент, когда мои глаза привыкают к темноте. Краска. Пахнет влажной краской.

— Слоан?

Я оборачиваюсь, испугавшись голоса за спиной. А вот и она, моя сестра, одетая в огромную мужскую рубашку, где она ее откопала, остается только догадываться. Похоже, в этих краях трудно найти парня, который носит что-то помимо черной футболки и кожаного жилета. Алексис медленно качает головой, словно не веря своим глазам.

— Он сказал тебе, что я снова умираю? — шепчет она.

— Нет. Ничего подобного. Я... я думала...

Алексис подходит ко мне и смотрит так, будто думает, что я исчезну, если она моргнет.

— Ты пришла ко мне, — говорит она.

— Да.

— О. — Она кладет что-то на пол — палитру с красками. Предмет выглядит странно в ее руке. Я привыкла видеть ее с учебником в одной руке и телефоном в другой, но палитра с

красками? Да, мне трудно понять смысл этого образа. Рубашка на ней покрыта краской — мелкие брызги и длинные кружева цвета, окрашивающие белую ткань от воротника до манжет. — Хм, — говорит она, и мы смотрим друг на друга. — С мамой и папой все в порядке?

— Может, тебе стоит навестить их? Уверена, мама будет рада тебя видеть. Прошло чертовски много времени с тех пор, как она видела тебя в последний раз, знаешь ли?

С тех пор как я видела папу с агентом Лоуэлл, я дважды разговаривала с ним по телефону — первый раз, чтобы сообщить ему, что я вернулась на работу, а второй, когда он позвонил мне, чтобы сообщить, что рассказал обо всем маме. Рассказал ей правду. Поскольку я знала, что Алексис жива, а дела с УБН зашли в тупик, он решил, что маме должна, наконец, услышать правду — что ее дочь не попала в страшную автокатастрофу и не потеряла память. Вместо этого она оказалась вовлечена в опасное судебное дело, которое увело ее так далеко от семьи и прежней жизни, как только возможно.

— Я не знаю... что им сказать.

Она расхаживает вокруг меня, на ее лице появляется выражение тревоги. Она стала другой. В последнюю нашу встречу я не смогла рассмотреть ее как следует. Я была слишком потрясена новостью о том, что она вышла замуж. Теперь, когда вижу ее в этой обстановке, тонкие различия и изменения в ней очевидны. Несмотря на то, что она ошеломлена моим внезапным появлением и явно взволнована, она ведет себя так уверенно, как никогда раньше.

До того, как она исчезла, я считала ее ребенком. Правда в том, что она уже тогда была взрослой, но сейчас она кажется старше. Больше женщина, чем девушка.

— Понимаю. Но... ты все равно должна поехать. Неважно, что ты им скажешь. Они будут рады видеть тебя живой.

Алексис проходит через бар, краем глаза наблюдая за мной. Она подходит к полотну, установленному перед окном, все столы и стулья бара отодвинуты, освобождая место.

— Ты не собираешься устроить мне взбучку? — спрашивает она.

Она берет кисточку и медленно проводит ею по материалу, лежащему перед ней, хотя, думаю, что она не очень-то обращает внимание на то, что делает.

— Нет.

Сама удивляюсь, что говорю это. Всю дорогу сюда я обдумывала все, что хотела ей сказать. Я хотела, чтобы она знала, какую боль причинил мне. Как сильно я переживала. Как болела и кружилась у меня голова, когда я лежала по ночам в постели и представляла, что с ней делают. И, наконец, я думала о том, как расскажу ей обо всем, чем пожертвовала, чтобы вернуть ее.

Но теперь, когда мы здесь, и Алексис стоит передо мной, я не хочу заставлять ее чувствовать себя плохо. Я хочу понять ее и двигаться дальше. Очень сильно. Хочу избавиться от ядовитого гнева, разъедающего меня изнутри, и хочу перестать чувствовать себя преданной.

Алексис засовывает кончик кисточки в рот и поворачивается ко мне лицом, делая глубокий вдох.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. И мне очень жаль, что я все скрывала от тебя. Ты заслуживала большего. Знаешь... — Она вздыхает, видимо, с трудом подбирая слова. — Я всегда любила тебя, Слоан. И сейчас люблю. Я не хотела того, что случилось со мной, и, оказавшись в ситуации, из которой не могла выбраться, я не хотела, чтобы и ты была втянута

в нее или пострадала каким-либо образом. Я сделала все, как мне казалось, чтобы обезопасить тебя. И знаю, что это не сработало. Знаю, что ты все равно оказалась в опасности, и я знаю, что ты чуть не потеряла все из-за меня. Не передать словами, как я сожалею об этом.

— Ты должна была довериться мне, — шепчу я.

— Я доверяла тебе. Доверяла. Я не доверяла другим людям. Вот к чему все это, в конце концов, привело. Все было очень, очень сложно. Я не могла объяснить этого ни тебе, ни маме с папой.

— Ну, а сейчас? Почему бы не объяснить мне все сейчас? Я проделала долгий путь, сестренка. Мне нечем заняться, и я с удовольствием послушаю твою историю.

Я стараюсь, чтобы в моем голосе не прозвучал укор, но это дается с трудом. Алексис медленно кивает. Она кладет кисть на край мольберта и подходит ко мне.

— Хорошо, — говорит она. — Тогда я начну с самого начала.

Алексис рассказывает мне историю о девушке, которая, направляясь к родителям, была похищенной и дважды продана. Она рассказывает историю девушки, которая влюбляется в парня, хотя знает, что не должна этого делать. Она рассказывает историю безумных агентов УБН и членов мексиканского картеля, стремящихся найти и уничтожить ее. И я начинаю понимать.

Мне не нравятся эти истории, но все начинает обретать смысл.

К тому времени, когда Алексис заканчивает свой рассказ, я больше не испытываю ненависти к своей сестре. Я не сержусь на нее. Но все еще злюсь. После того как я долго держала в себе эту эмоцию, позволяя ей поглощать меня изнутри, ее невозможно просто отпустить. Я все ещё злюсь, хотя больше не сфокусирована на этом. Я просто злюсь. На ситуацию, в которой оказалась Алексис. На ситуацию, в которой оказалась я. На все это.

Алексис говорит, что любит меня, и мне легче ответить ей взаимностью, чем я думала. Мы обнимаемся, когда Ребел приходит за своей женой.

— Боже, я думал, вы уже поубивали друг друга, — говорит он, прислоняясь к дверному проему. Он высокомерен и самоуверен, и делает множество вещей, из-за которых мне хочется его ударить, но теперь я понимаю его немного лучше. И я рада, что он с моей сестрой. — Парни скоро будут здесь, Соф, — говорит он моей сестре. — Лучше упакуй свой холст, пока его не испортили или кто-нибудь не пробил его ботинком.

Я наблюдаю за тем, как он помогает ей упаковать кисти и баночки, а затем они выносят из бара ее художественные принадлежности. Мне вручают небольшую деревянную коробку, наполненную крошечными баночками с краской, салфетками и баночками с различными жидкостями. Когда мы выходим из бара, я бросаю взгляд на холст Алексис, который Ребел

бережно несет за раму, и от картины, изображенной на нем, у меня перехватывает дыхание. Это я. Молодая, улыбающаяся, счастливая версия меня, до начала всего этого безумия.

Алексис застенчиво улыбается, видя мое выражение лица.

— Извини, картина не очень хороша, — шепчет она, прикусив нижнюю губу.

Я качаю головой.

— Так и есть, Лекси. Так и есть.

Плечи Ребела подрагивают, когда он тихо смеется.

— Никак не могу привыкнуть к этому имени, — говорит он. Повернувшись к моей сестре, он крепко целует ее в макушку. — Лекси. Это имя не подходит тебе.

Какая-то часть меня хочет пнуть его за это по ноге. Та часть, которая все еще считает, что Алексис принадлежит мне и моим родителям, а не ему. Но я этого не делаю, потому что вижу правду. Она на самом деле больше не Алексис.

Она София, и она теперь принадлежит Ребелу. Все, что мне нужно сделать, чтобы подтвердить это, — посмотреть на нее и увидеть любовь, изливающуюся из нее. Алексис — сестра, которую я потеряла. Женщина передо мной — совсем другой человек. Она София. Но она по-прежнему моя сестра — новая сестра, которую я буду любить так же сильно, как и прежнюю.

Я осматриваю ногу Кейда — в ней столько металла, что потребуются серьезная работа, чтобы она снова стала нормально функционировать, — и затем отправляюсь в путь. Остаться на ночь было бы разумным решением, но я... не могу. Мне нужно домой. Мне нужно увидеть Зета.

На возвращение в Сиэтл у меня уходит всего полтора дня — вдвое меньше, чем на то, чтобы, наконец, встретиться с Софией. Не боясь штрафов, я в спешке нарушаю бесчисленные скоростные ограничения.

Когда я возвращаюсь в город, то обнаруживаю своего мужчину именно там, где ожидала. Спортивный зал все еще пуст и будет пуст еще некоторое время. Предстоит еще много работы по переоборудованию помещения. Каждый раз, когда Зет приближается к завершению строительства, он вдруг находит новую причину, чтобы перенести дату открытия. Нужно заменить полы. Необходимо снести стену. Необходимо установить клетку. Ремонт и строительство шли бы гораздо быстрее, если бы над проектом работали не только он и Майкл, но мне кажется, что время здесь не играет роли. Спортивный зал будет открыт, когда Зет будет готов, и ни секундой раньше.

Когда я вхожу в здание, он раздет по пояс, хотя внутри так же холодно, как и снаружи. Однако по спине у него струится пот — отбойный молоток, которым он бьет по разделительной стене между одной частью спортзала и другой — клянусь, он только что

возвел эту стену, — напоминает мне о том, что я делала то же самое. Только в тот раз это было у него в подвале, и речь шла о деньгах. Ужасно много денег.

— Ты рано, — ворчит Зет.

Как ему удалось услышать мои тихие шаги за размеренным взмахом и стуком молота, выше моего понимания. Он просто знает...

— Я сделала то, что планировала, и вернулась домой.

Я кладу обе руки ладонью вниз на его спину, желая почувствовать, как скручиваются и растягиваются мышцы, когда он работает. Зет напрягается от моего прикосновения и прекращает работу. Он улыбается, когда поворачивается ко мне.

— Ты ведь скучал по мне, верно?

— Возможно.

Он обхватывает меня руками за талию, прижимая к себе. Некоторые девушки наверняка бы отшатнулись от исходящего от него запаха пота, но только не я. Я наслаждаюсь им. Я прижимаюсь к нему и вдыхаю его аромат. Он отвечает мне тем же, и какое-то время мы стоим, обхватив друг друга.

— Ты разрушила мои планы, — негромко шепчет мне на ухо Зет.

— И какие у тебя были планы?

— Тебе придется подождать, и со временем все узнаешь.

— Расскажи.

Он качает головой, отстраняясь, улыбается мне.

— О. Вот и она. Моя злая девочка. Давно не виделись. — Смеется он.

Я уже начинаю привыкать к этому — иметь парня, который иногда смеется. Это самое восхитительное чувство.

— Больше никаких сюрпризов, Зет, — ворчу я, хотя мне не удастся долго притвориться рассерженной.

Он, как всегда, непреклонен.

— Я ничего не расскажу. Как насчет того, чтобы показать?

— Сейчас? Я думала, что пришла рано?

Зет пожимает плечами.

— К черту.

Он натягивает футболку — еще больше мышц двигаются и смещаются, посылая теплые спирали желания по моему телу — затем берет меня за руку и ведет нас к «Камаро», припаркованному через две улицы. «Камаро». Не думала, что он сможет вернуть эту машину, но каким-то образом ему это удалось. Как-то раз он вернулся на ней домой, и я не стала задавать вопросов.

Однако у меня возникает множество вопросов, пока Зет везет нас за город. Как только мы покидаем пределы Сиэтла, он останавливается на обочине и достает из бардачка отрез шелка. Точно такой же шелк он использовал для завязывания глаз, когда знакомил меня с тростью.

— О? — спрашиваю я.

— Угу.

Он завязывает полоску материала вокруг моей головы, и я позволяю ему это сделать.

— Мне нужно будет оценивать уровень боли?

У меня перехватывает дыхание.

Смех Зета отдается глубоким рокотом в его груди.

— Поживем — увидим.

Мы едем не более десяти минут, дорога виляет то влево, то вправо, спускаясь по, наверное, горным дорогам, прежде чем Зет снова останавливает машину и глушит двигатель. Я знаю, что лучше не снимать повязку с глаз без разрешения, поэтому сижу, и кровь гудит в моих жилах от предвкушения, Зет выходит из машины и идет открывать мою дверь.

— Осторожно. Иди осторожно, — шепчет он мне на ухо, его рот находится в опасной близости от моей кожи.

Держась за руку, мы проходим около двадцати шагов, прежде чем он останавливает нас и осторожно развязывает повязку на моих глазах. Его лицо — первое, что я вижу, и он взволнован. Я вижу свет в его глазах. Не отвожу взгляд, чтобы посмотреть, куда он меня привел, — меня слишком завораживает его взгляд. Он обхватывает руками мое лицо и целует меня, осторожно прижимаясь губами к моим губам — легкое прикосновение.

— Что ж, — говорит он. Его улыбка немного померкла, сменяясь... нервозностью? Он нервничает? — Мы не можем вечно оставаться в The Regency Rooms. И я знаю, как ты относишься к складу. Поэтому... я подумал...

Он делает шаг в сторону, и я вижу это:

Мой дом.

Мой прекрасный дом, который я так долго обустроивала. Только теперь он выглядит немного иначе. Все оконные рамы перекрашены. У меня новая входная дверь, которая выглядит неприступной, и через каждые несколько футов установлены фонари, которые сейчас выключены, но как только сядет солнце, они осветят весь склон холма.

— Что это значит?

— Я подумал... я подумал, что тебе стоит вернуться сюда. И... мне тоже.

Я отворачиваюсь от дома и перевожу взгляд на Зета.

— Ты поселился в моем доме, пока меня не было?

— Не притворяйся, что ты не в восторге от этого, злая девочка, — говорит он, притягивая меня к себе.

Он зарывается лицом в мою шею и впивается в нее зубами, а я не могу удержаться от смеха.

— О, я счастлива. Хорошо, хорошо, я в восторге!

Я едва могу дышать от того, как крепко он меня сжимает. Он перестает кусать меня и наклоняется, проводя кончиком носа по моему уху.

— По шкале от одного до десяти, Слоан?

Я закрываю глаза и прижимаюсь к нему всем телом.

— Десять, — говорю я ему. — Определенно десять.

Зет ничего не говорит, но его улыбка становится шире. Впервые я вижу в нем очертания Лэйси. Они всегда были противоположностями, но в одно мгновение — секунду назад — я вижу в его улыбке слабый отблеск его сестры.

— Сейчас я отнесу тебя в дом и буду трахать в нашей постели, Слоан. Но сначала...

— Сначала?

Я чувствую, что нахожусь на грани потери сознания.

— Сначала... я слышал, как ты однажды кое-что сказала, Слоан. То, что не хотела, чтобы я услышал.

Мир внезапно возвращается в фокус с силой лопнувшей резинки. О боже. Какого черта он об этом заговорил? У меня такое чувство, словно желудок готов провалиться сквозь пол.

— Э-э-э, да. Ну, это не важно...

— Это важно. Мне нужно... я хочу, чтобы ты повторила это еще раз. — На моих щеках вспыхивает жар, несомненно, превращая их в пунцовые. Я пытаюсь отстраниться, но Зет не позволяет мне этого сделать. Его руки крепко сжимают мои бедра, и он опускает свой рот вниз, почти касаясь моего. — Я хочу услышать, как ты это скажешь, Слоан. Хочу, чтобы ты сказала мне.

Кто-то может сказать, что в такие моменты не слышит ничего, кроме стука собственного сердца, но не я. Я слышу гораздо больше. Я слышу обещание в голосе Зета. Слышу его сердцебиение. Слышу шум гор и медленный гул города вдалеке — места, где мы с Зетом встретились, и наши жизни навсегда переплелись, — пока он ждет, что я скажу. А затем я произношу слова, которые он хочет услышать, и они звучат идеально и так правильно:

— Я люблю тебя, Зет. Я люблю тебя.

Он закрывает глаза и кивает, как будто внезапно испытывая облегчение. Когда он снова открывает глаза и смотрит прямо в меня, в мое сердце, в мою душу, он говорит то, чего я не ожидала услышать. Его слова звучат так тихо, нежно, словно это самые темные тайны, что я едва могу их разобрать:

— И я люблю тебя, злая девочка. Очень люблю.

Я не успеваю среагировать. Зет Мэйфейр, человек, которого я боялась, без которого потерялась, и еще миллион разных вещей между ними... он делает то, что обещал. Он поднимает меня на руки, несет в дом, который стал нашим, и трахает до тех пор, пока его имя не отзовется эхом на стенах нашей спальни.

К О Н Е Ц